

Шри Ауробиндо

Человеческий цикл

Глава I. Цикл развития общества

Современная Наука, завороченная величию своих открытий в области естествознания и объявляющая Материю единственной реальностью, давно пытается построить на основании одних лишь физических данных изучение Души, Разума и тех проявлений Природы в человеке и животном, для исследования которых знание психологии столь же важно, сколь и знание любой другой естественной науки. При таком подходе сама психология опирается на физиологию и тщательное исследование деятельности мозга и нервной системы. Поэтому неудивительно, что в истории и социологии основное внимание уделялось объективным данным — законам, общественным установлениям, ритуалам, традициям, экономическому развитию и факторам — в то время как более глубокие явления психологического характера, столь важные в деятельности такого разумного, эмоционального, творчески мыслящего существа, как человек, совершенно упускались из виду. Такого рода наука склонна объяснять исторические события и общественное развитие экономической необходимостью или причиной, т. е. экономикой в самом широком смысле этого слова. Некоторые историки даже отрицают или не принимают во внимание — как нечто крайне несущественное — воздействие мысли и влияние мыслителя на развитие общественных институтов. Они полагают, например, что Французская революция произошла бы в силу одних лишь экономических предпосылок-именно так, как она произошла, и в то же самое время- даже если бы Руссо и Вольтер не написали ни строчки, а философская мысль девятнадцатого века не создала смелые и радикальные теории.

Однако в последнее время Материя как первооснова, всесторонне объясняющая Разум и Душу, начала ставиться под сомнение и зародилось движение за освобождение человеческого сознания от поглощенности естественной наукой, хотя пока дело не пошло дальше нескольких неуклюжих робких попыток. Тем не менее в этих попытках можно увидеть первые проблески осознания того, что за экономическими движущими силами и причинами социального и исторического развития действуют глубинные силы психологического характера и, может быть, даже силы самой души; и вот в довоенной Германии, стране рационализма и материализма, которая в течение последних полутора веков была еще и колыбелью новой мысли и оригинальных учений — хороших и плохих, благотворных и разрушительных, один самобытный ученый создал и явил свету первую психологическую теорию истории. Первым попыткам на новом поприще редко сопутствует полный успех, и немецкий историк, создавая свою теорию, напал на блестящую идею, однако не сумел ни развить ее более детально, ни достаточно глубоко исследовать. Он по-прежнему не мог освободиться от представления о крайней важности экономического фактора, и, кроме того, его теория, как и вся европейская наука, соотносила, классифицировала и упорядочивала явления куда более успешно, чем объясняла. Тем не менее в ее основной идее заключена глубокая истина, некое прозрение, поэтому имеет смысл рассмотреть некоторые из ее положений, особенно в свете восточной мысли и опыта.

Создатель теории, Лампрехт, взяв за основу европейскую и, в частности, немецкую историю, предположил, что человеческое общество проходит в своем развитии через определенные четко различимые психологические стадии, которые он называет соответственно символистической, типической, конвенциональной, индивидуалистической и субъективистской. Таким образом, человеческое общество — любая нация или цивилизация — в своем развитии воспроизводит некий психологический цикл. Очевидно, что подобные классификации грешат излишней жесткостью и подменяют витки и зигзаги Природы прямой линией ума. Психология человека и человеческих обществ слишком сложна и объединяет

слишком много разносторонних и противоречивых тенденций, чтобы подвергать ее точному и формальному анализу такого рода. Да эта теория психологического цикла ничего и не говорит нам о том, каков глубинный смысл сменяющих друг друга периодов, чем вызвана необходимость таких смен, какова конечная цель всего процесса. И все же для того, чтобы понять природные законы Разума или Материи, необходимо разложить их действие на известные нам элементы, основные составляющие, главные силы, даже если в реальной жизни их выделить невозможно. Я не стану останавливаться на том, как сам западный мыслитель развивает свою идею. Предложенные им термины — если исследовать их внутренние смысл и значение — могут все же пролить некоторый свет на глубоко скрытую тайну нашей эволюции, и именно в этом направлении наиболее целесообразно проводить исследование.

Если мы посмотрим на человеческое общество в том его состоянии, которое представляется нам низшей ступенью или ранней стадией развития — не важно, идет ли речь о народе диком или относительно культурном, экономически развитом или отсталом, — мы неизбежно обнаружим ярко выраженный символистический менталитет, который обуславливает мышление, обычаи и установления этого общества или по крайней мере глубоко проникает в них. Что же кроется за символизмом такого менталитета? На этой стадии развития, как мы видим, общество всегда религиозно и проявляет в религии живое воображение; ибо символизм и характерное для этого периода образное или интуитивное религиозное чувство состоят в естественном родстве и (особенно в ранних или примитивных общественных формациях) не отделимы друг от друга. Когда же начинают преобладать интеллект, скептицизм и рациональность, человек уже подготавливается к переходу в индивидуалистическое общество, а эпоха символов и эпоха конвенций уходят в прошлое или теряют свое значение. Таким образом, символ выражает некое присутствие, которое человек ощущает за собой, по ту сторону своей жизни и деятельности: Божественное, боги, беспредельное и глубокое безымянное, сокровенная, живая и непостижимая природа вещей. Все религиозные и социальные институты, все мгновения и периоды своей жизни человек представляет в виде символов, которые должны выразить его знание или догадки о таинственных влияниях, скрытых за его жизнью, формирующих и направляющих ее или по крайней мере вмешивающихся в ее течение.

Если мы обратимся к эпохе зарождения индийского общества, к далеким ведическим временам, которые мы уже не способны понять, ибо мы утратили видение и мироощущение людей той эпохи, мы увидим, что все там глубоко символично. Религиозный институт жертвоприношений ежечасно и ежеминутно управляет всей жизнью общества, и ритуал жертвоприношения во всех своих проявлениях, до малейших деталей, мистически символичен, как показывает даже самое поверхностное знакомство с Брахманами и Упанишадами. Появившаяся в результате неверного истолкования теория, по которой жертвоприношение совершалось исключительно для того, чтобы умиловить богов, олицетворяющих силы Природы, для достижения земного благополучия и райского блаженства, порождена человечеством более позднего периода, которое уже подверглось сильному влиянию интеллектуального и практического ума — практического даже в религии и даже в своем мистицизме и символизме, а потому потеряло способность проникнуться духом предков. Не только религиозные культы, но и общественные институты того времени были насквозь пронизаны духом символизма. Возьмем гимн Риг-Веды, который считается свадебным гимном, посвященным брачному союзу двух людей, и который, конечно, использовался в этом качестве в поздние ведические времена. Однако весь смысл гимна сводится к описанию ряда последовательных бракосочетаний Сурьи, дочери Солнца, с различными богами, и бракосочетание людей представляется здесь лишь делом второстепенным, которое остается в тени божественной и мистической личности, в полной мере ею обуславливается и воплощается в слово на ее языке. Заметьте, однако, что божественное бракосочетание здесь не является, как было бы в древней поэзии позднейших времен, неким декоративным образом или поэтическим украшением, призванным выгодно

оттенить и обрамить брачный союз двух людей; напротив, человек здесь — второстепенный персонаж и отражение божества. Эта характерная особенность и указывает на разительное отличие древнего менталитета и современного взгляда на мир. Этот символизм долгое время влиял на индийские представления о браке и даже в наше время существует на конвенциональном уровне, хотя уже не имеет силы и истинное его понимание утрачено.

По ходу дела мы можем заметить и то, что индийский идеал отношений между мужчиной и женщиной всегда был символическим отражением взаимоотношений Пуруши и Пракрити (в Ведах — нри и гна), мужского и женского божественных Принципов вселенной. В реальной жизни имеется даже некоторая взаимосвязь между положением женщины в обществе и этой идеей. В ранние ведические времена, когда в символическом культе женский принцип в некотором смысле приравнивался к мужскому, хотя и с определенным преобладанием последнего, женщина была в той же мере равноправным другом, сколько и служанкой мужчины; в более поздние времена, когда появляется идея господства Пуруши над Пракрити, женщина также попадает в полную зависимость от мужчины, существует только для него и даже едва ли ведет самостоятельную духовную жизнь. В тантрическом шактизме, поднявшем женское начало на невиданную высоту, предпринимается попытка (которая не могла выразиться в общественной практике как раз потому, что этот тантрический культ никогда не мог полностью избавиться от влияния ведантической идеи) возвысить женщину и сделать ее объектом глубокого почитания и даже поклонения.

Или же рассмотрим (поскольку этот пример лучше отвечает нашей цели) ведический институт четырехсословного общества — чатурварна, который неправильно называют системой четырех каст, ибо каста есть понятие конвенционального периода, а варна — символистического и типического. Нам говорят, что установление четырех сословий в обществе явилось результатом экономического развития, осложненного политическими причинами. Вполне возможно; но все дело в том, что люди той эпохи никогда не согласились бы и не могли согласиться с этим. Ибо, если мы довольствуемся выявлением практических и материальных причин социального феномена и не имеем желания заглянуть глубже, то они придавали небольшое или всего лишь второстепенное значение его материальным факторам и всегда смотрели в первую очередь и главным образом на его символический, религиозный или психологический смысл. Это явствует из Пурушасукты Вед, описывающей создание четырех сословий из тела Бога-творца: из его головы, рук, бедер и ног. Для нас это просто поэтический образ, смысл которого заключается в том, что брамины были людьми знания, кшатрии — правителями и воинами, вайшья — производительной силой и опорой общества, а шудры — его слугами. Как будто этим все и исчерпывается, как будто люди той эпохи настолько глубоко чтити обычные поэтические образы — например, тело Брахмы или бракосочетания Суры, — что построили на их основании сложную систему ритуалов и священных церемоний, устойчивых общественных институтов, этических норм и четкого разграничения социальных типов. В менталитете наших далеких предков мы всегда находим лишь черты, присущие нашему менталитету, и поэтому видим в них только дикарей, одаренных богатым воображением. Для нас поэзия есть буйная игра интеллекта и фантазии, воображение — игрушка, предназначенная веселить и развлекать нас, баядера ума. Но для человека древности поэт был провидцем, глашатаем скрытых истин, воображение — не куртизанкой-танцовщицей, а жрицей в храме Господнем, призванной не сплетать вымыслы, но облекать в образы труднодостижимые и сокровенные истины; даже метафора или сравнение в языке Вед используются не просто так, а с особой целью: они должны выражать реальность, а не развлекать искусной игрой мысли. Образ служил этим пророкам зримым символом незримого, поскольку он мог прозрачно намекнуть уму на некую реальность, которую точное интеллектуальное слово, пригодное лишь для передачи логической или практической мысли или для выражения физического и внешнего, выразить не в силах. Для них символическое тело Творца было не просто образом, но выражением божественной реальности. Человеческое общество представлялось им попыткой воплощения в жизни космического Пуруши, который выразил себя иначе в материальной и надфизической

вселенной. И человек, и космос в равной мере являются символами и выражениями одной и той же скрытой Реальности.

Такое символистическое отношение к действительности привело к тенденции превратить все формы общественной жизни в таинство, религиозное и священное, однако еще не лишая их жизненной силы и гибкости, которых мы не видим в жесткой структуре «первобытных» общин, поскольку они уже перешли из символистической стадии развития в конвенциональную, хотя и по кривой упадка вместо кривой роста. Всем управляет духовная идея; поддерживающие ее символические религиозные формы закрепляются на уровне канона; общественные формы неопределенны, гибки и способны на бесконечное развитие. Один элемент, однако, начинает обретать черты прочной устойчивости — а именно психологический тип. Таким образом, сначала мы имеем символическую идею четырех сословий, выражающую (говоря отвлеченно-образным языком, который ведические мыслители не стали бы использовать и, вероятно, не поняли бы, но который лучше отвечает нынешнему образу мышления) Божественное как знание в человеке, Божественное как силу, Божественное как производство, обладание и взаимопомощь, Божественное как служение, покорность и труд. Это деление соответствует четырем космическим началам: Мудрости, которая содержит в себе порядок и принцип всего существующего; Силе, которая санкционирует ее действие, поддерживает и укрепляет ее; Гармонии, которая приводит в согласие все части; и Труд, который служит остальным началам. Затем на основании этой идеи сложился устойчивый, но еще не жесткий общественный строй, в основу которого был положен в первую очередь характер и психологический тип с соответствующей ему этической нормой, а во вторую очередь — социальная и экономическая функция последнего. Но сама функция определялась ее соответствием психологическому типу и этической норме; она была не основным и не единственным фактором. Первая, символистическая стадия такой эволюции является преимущественно религиозной и духовной; все прочие элементы, присутствующие в ней, — психологические, этические, экономические, материальные — целиком подчинены духовной и религиозной идее. Вторая стадия, которую мы можем назвать типической, является преимущественно психологической и этической; все прочее, даже духовное и религиозное, подчинено психологической идее и выражающему ее этическому идеалу. Тогда религия становится мистическим обоснованием этического принципа и учения, Дхармы; это становится ее главным общественным назначением, во всем же остальном она принимает все более и более потусторонний характер. Идея непосредственного выражения божественного Существования, или космического Принципа в человеке, утрачивает господствующее влияние, первостепенное значение и ведущую роль; она отступает, уходит на задний план и наконец исчезает из жизненной практики, а в конечном счете даже из теории.

Типическая стадия развития создает великие общественные идеалы, которые сохраняют свое влияние на сознание людей даже после того, как сама стадия осталась в прошлом. Главное ее живое наследие заключается в понятии общественного долга и чести: долга и чести брамина, которые состоят в чистоте, благочестии, глубоком почтении к творениям ума и духа, бескорыстном обладании ученостью и знанием и стремлении исключительно к ним; долга и чести кшатрия, которые предполагают отвагу, рыцарское великодушие, силу, известную гордую сдержанность и самообладание, благородство нрава и все, к чему такое благородство обязывает; долга и чести вайшьи, которые заключаются в честности и надежности в делах и торговле, добросовестном производстве, соблюдении установленного порядка, щедрости и благотворительности; долга и чести шудры, которые выражаются в послушании, подчинении, верном служении и бескорыстной преданности. Но все эти понятия постепенно утрачивают живую связь с породившей их чистой психологической идеей, перестают быть естественным выражением внутреннего мира человека; они превращаются в условность (конвенцию), хотя и самую благородную из условностей. В конечном счете они сохраняются в обществе скорее в качестве традиции, закреплённой в мысли и слове, нежели в качестве жизненной реальности.

Ибо типическая стадия естественным образом переходит в конвенциональную. Конвенциональная стадия развития человеческого общества начинается тогда, когда внешние атрибуты, внешние выражения духа или идеала становятся важнее самого идеала, а тело или даже одежда становятся важнее человека. Таким образом, в ходе эволюции касты каждый из внешних атрибутов этического четырехсословного строя — происхождение, экономическая функция, религиозный ритуал и таинство, семейный обычай — начинает преувеличивать свою роль по сравнению с остальными и свою значимость в общей схеме. Происхождение, сначала, по-видимому, не играло главной роли, поскольку положение человека в обществе определялось в первую очередь его способностями и талантом; но впоследствии, по мере превращения сословия в устойчивую социальную группу, появилась необходимость сохранить его при помощи образования и традиции, а образование и традиция естественным образом закрепились в русле наследственности. Таким образом, сын брамина заведомо стал считаться брамином; происхождение и род занятий, вместе взятые, были двойными узлами традиции (конвенции) в то время, когда она была наиболее крепка и наиболее точно отвечала своему назначению. С установлением такой жесткости необходимость в сохранении и поддержании этической идеи отступила с первого места на второе или даже третье. Некогда служившая основанием системы, эта идея превратилась теперь в некую необязательную надстройку или архитектурное излишество, на котором, конечно, настаивали мыслитель и законотворец-идеалист, но не реальные законы или жизнь общества. Перестав быть необходимой, этическая идея неизбежно утрачивала свою роль в общественной жизни и сохранилась единственно как вымысел в качестве декорации. В конце концов начал распадаться даже экономический базис; происхождение, родовая традиция и пережитки прошлого, искажения и новые усложнения бессмысленного или замысловатого религиозного символа и ритуала, превратившегося в отвратительную карикатуру на древний и глубокий символизм, стали скрепами каркаса древнего кастового общества в железном веке человечества. В пору экономического расцвета кастовой системы жрец и пандит скрывались под именем брамина; аристократ и феодальный барон — под именем кшатрии; купец и стяжатель — под именем вайшьи; полуголодный рабочий и экономический раб — под именем шудры. Когда же разрушился и экономический базис общества, начались распад и одряхление старой системы; она превратилась в пустой звук, полую оболочку, фикцию и должна была либо расплавиться в тигле индивидуалистического периода развития общества, либо самым пагубным образом заразить немощью и фальшью всю систему цепляющейся за нее жизни. Наглядный пример такого состояния общества являет кастовая система в Индии последнего и настоящего времени.

Тенденция конвенционального века общества заключается в закреплении и строгом упорядочении, узаконивании и построении жестких иерархий, в сведении религии к шаблонным формам, в заключении образования и воспитания в традиционные и неизменные рамки, в подчинении мысли непогрешимым авторитетам, в наложении печати завершенности на то, что представляется обществу завершенным существованием человека. В конвенциональном периоде развития есть свой золотой век, когда дух и мысль, оживляющие формы общественной жизни, хотя уже и заключены в известные границы, но еще живы, еще не вполне обособлены от человека, еще не задушены и не парализованы окончательно в ходе все большего отвердения структуры, в которую они замкнуты. Этот золотой век — со своим строгим порядком, симметрией, отлаженным общественным устройством, восхитительной подчиненностью всех своих частей некоему грандиозному и благородному плану — зачастую представляется прекрасным и чрезвычайно привлекательным взору далеких потомков. Так некогда писатель, художник или мыслитель нового времени оглядывался с восхищением и своего рода ностальгическим чувством на средневековую Европу; в далеком прошлом он видел поэзию, благородство и духовность и забывал о великом безумии, невежестве, беззаконии, жестокости и гнете той суровой эпохи, о страданиях и мятеже, кипевших под прекрасными покрывами, о нищете и убожестве, скрытых за великолепным фасадом. Также и индусский ортодоксальный идеалист

оглядывается в прошлое на безупречно организованное общество, благоговейно следующее мудрым законам Шастры, и видит в нем свой золотой век — более благородный, чем европейский, мнимое золото которого по большей части было до блеска отполированной медью, покрытой тонкой позолотой, — но все же не высшей пробы, не истинную Сатья Югу. Действительно, в конвенциональные периоды развития общества рождается много настоящего прекрасного, разумного и полезного для человеческого прогресса, но все же это век медный, а не подлинно золотой; это век, когда Истина, которую мы стремимся обрести, не осуществлена и не завершена, но художественная форма возмещает ее недостаточность и создает видимость полного ее проявления, а все реальное начинает закиснеть и обречено на омертвление под тяжким гнетом закона, порядка и традиции (конвенции).

Ибо всегда преобладает форма, а дух отступает и слабеет. Конечно, он пытается вернуться, оживить форму, видоизменить ее, любым способом выжить и даже заставить выжить саму форму, но слишком сильна тенденция времени. Это явствует из истории религии; усилия святых и религиозных реформаторов постепенно становятся все более разрозненными, непродолжительными и на деле приносят все менее значительные результаты, сколь бы сильным и энергичным ни был первоначальный импульс. Мы видим этот спад в сгущающемся мраке и возрастающей слабости Индии последнего тысячелетия; своими непрерывными усилиями сильнейшие духовные личности сумели сохранить живой душу народа, но не смогли воскресить вольную силу, истину и дух или постоянно поддерживать жизнь в подчиненном условности и коснеющем обществе; через одно или два поколения конвенционализм неизменно захватывал в свои железные тиски очередное новое движение и присваивал себе имена его зачинателей. Мы видим это в Европе, в повторяющейся нравственной трагедии духовенства и католического монашества. Затем наступает период, когда расхождение между конвенцией и правдой становится невыносимым, и тогда появляются люди великой интеллектуальной силы, могучие «разрушители формул»; ведомые здравым смыслом, неистовой страстью или спокойным светом разума, они отвергают символ, тип и конвенцию, сотрясают стены этой тюрьмы и ищут индивидуальным разумом, нравственным чувством или эмоциональным желанием Истину, которую общество утратило или погребло в своих позлащенных гробницах. Именно тогда зарождается индивидуалистический век религии, мысли и общества; начинается эпоха Протестантизма, эпоха Разума, эпоха Мятежа, Прогресса и Свободы. Частичная и внешняя, эта свобода по-прежнему обманывается мыслью, внушенной ей предшествующим конвенциональным веком, что Истину можно найти вовне, и тщетно мечтает достичь совершенства посредством технического прогресса, но все же знаменует собой необходимый переходный период в движении к субъективистской стадии человечества, пройдя которую, человек должен по кругу вернуться назад, к новому обретению своего глубинного «я», и начать новый виток на пути восхождения или очередной цикл цивилизации.

Глава II. Век индивидуализма и разума

Индивидуалистический век человеческого общества наступает вследствие разложения и несостоятельности общества конвенционального периода, как бунт против господства застывшего образа типичного периода. Переход к нему становится возможным лишь после того, как старые истины умирают в душе человечества и теряют свое значение в практической жизни, и даже те традиции и условности (конвенции), которые имитируют и подменяют их, утрачивают истинный и вообще какой-либо смысл; ничем не подкрепленные на практике, они существуют только по инерции — благодаря незыблемой идее, в силу привычки, привязанности к форме. Именно тогда люди, вопреки естественному консерватизму общественного сознания, вынуждены наконец признать, что Истина в них мертва и то, чем они живут, — это иллюзия. Индивидуализм нового века это попытка вернуться от конвенциональных форм веры и повседневной жизни к неким основополагающим принципам — неважно, каким именно, — подлинной и осязаемой

Истины. И век этот неизбежно индивидуалистичен, ибо все прежние общепринятые нормы оказываются несостоятельными и уже не могут служить внутренней поддержкой человеку; поэтому именно индивиду приходится стать первооткрывателем, первопроходцем и искать, руководствуясь индивидуальным разумом, интуицией, идеализмом, желанием, своими требованиями к жизни или любым другим побуждением, которое он открывает в себе, истинный закон мира и собственного бытия. Следуя этому закону (когда он будет найден или человек сочтет, что нашел его), индивид будет стремиться перестроить на прочном основании и облечь в более жизненную, пусть даже и более бедную форму, религию, общество, мораль, политические институты, свои отношения с ближними, свое стремление к личному совершенствованию и свой труд на благо человечества.

Именно в Европе зародилась и достигла всей полноты выражения эпоха индивидуализма; Восток же вошел в эту эпоху под влиянием Запада, а не в силу собственного импульса. Запад обязан веками энергии, мощи, света, прогресса, бурного роста именно своему страстному стремлению отыскать подлинную истину вещей и подчинить человеческую жизнь любому найденному им закону истины. Восток же оказался беспомощным в час своего пробуждения не потому, что основополагающие идеалы его жизни изначально заключали в себе некую ложь, но вследствие утраты живого чувства Истины, которой он некогда обладал, и долгого умиротворенного сна в тесных оковах бездушного конвенционализма немощный великан, инертная масса людей, которые разучились свободно обращаться с фактами и силами, поскольку были научены жить лишь в мире стандартных мыслей и действий. И все же истины, обретенные Европой в эпоху индивидуализма, охватывали только самые очевидные физические и внешние явления и только ту часть более глубоко скрытой реальности и ее движущих сил, которые открываются человеку в результате умственной аналитической деятельности и поиска практической пользы. Эта рационалистическая цивилизация так победоносно утвердилась в мире лишь потому, что Европа не нашла более глубокой и мощной истины, способной противостоять ей; ибо все остальное человечество по-прежнему бездействовало, погруженное в сон последних темных часов конвенционального периода.

Индивидуалистический век Европы начался как восстание разума, его апогеем стал триумфальный прогресс естественной Науки. Такая эволюция была исторически неизбежна. У истоков индивидуализма всегда лежит сомнение, отрицание. Человек понимает вдруг, что ему навязана религия, которая в своих догмах и ритуалах основывается не на живом чувстве духовной Истины, доказуемой в любой момент, но на букве древних писаний, непререкаемом авторитете Папы, традиции церкви, заумной казуистике схоластов и пандитов, конклавов духовных лиц, священнослужителей, глав монашеских орденов, богословов всех мастей, которые выступают непогрешимыми судьями, чья единственная обязанность — судить и выносить приговор, хотя никто из них, по-видимому, не считает необходимым или даже позволительным что-либо искать, проверять, доказывать, ставить вопросы и открывать новое. Он обнаруживает, что подлинная наука и знание (что неотвратимо при подобном положении дел) либо запрещаются, караются и преследуются, либо считаются бессмысленными в силу привычки слепо полагаться на незыблемые авторитеты; даже то, что было истинным в старых авторитетных источниках, не имеет уже никакой ценности, ибо они цитируются к месту и не к месту, но их подлинный смысл уже утерян для всех, за исключением, в лучшем случае, единиц. В политике человек повсюду видит права помазанников божьих, прочнозакрепившиеся привилегии, освященные тирании, которые не скрывают своего деспотического характера и ссылаются на то, что так было всегда, но, похоже, на самом деле не имеют права на существование. В общественной жизни он видит столь же незыблемое господство конвенции, закрепленные ограничения в правах, закрепленные привилегии, эгоистическое высокомерие верхов, слепую покорность низов, в то время как прежние социальные функции, некогда, возможно, служившие оправданием подобного разделения общества, или не выполняются вовсе, или выполняются плохо — не по внутреннему долгу, а просто по кастовой необходимости. И тогда человек восстает;

любой авторитет он должен подвергнуть критическому осмыслению; когда ему говорят, что таков священный порядок вещей, воля Божия или издревле укоренившийся уклад человеческой жизни, он должен возразить: «Но так ли это на самом деле? Откуда мне знать, что это действительно порядок вещей, а не суеверие и ложь? Когда именно Господь повелел так, а не иначе? Или откуда мне знать, что это и есть смысл Его повеления, а не ваше заблуждение или измышление, или что книга, на которую вы ссылаетесь, вообще является Его словом и что Он когда-либо возвещал человечеству Свою волю? А этот издревле укоренившийся уклад, о котором вы говорите, — действительно ли он древний, действительно ли представляет собой закон Природы или же это несовершенный продукт Времени, превратившийся ныне в самую фальшивую из условностей? Что бы вы ни говорили, я все-таки должен спросить, сообразуется ли все это с фактами окружающего мира, с моим чувством справедливости, с моим пониманием истины, с моим реальным опытом?». И если нет, восставший человек сбрасывает с себя это ярмо, утверждает собственное понимание истины и тем самым неизбежно подрывает саму основу религиозного, социального, политического и на какое-то время, возможно, даже морального уклада общества, поскольку оно основывается на авторитетах, которые он развенчивает, и конвенциях, которые он разрушает, а не на живой истине, способной успешно противостоять его собственной. Вероятно, защитники старого строя правы, когда стремятся подавить его как разрушительную силу, представляющую угрозу для безопасности общества, для политической системы или религиозной традиции; но он стоит на своем и не может поступать иначе, поскольку его миссия заключается в разрушении разрушении лжи и закладке нового фундамента истины.

Однако какими личными своими качествами, какими критериями будет руководствоваться поборник новых идей в поисках нового основания истины или установлении новых норм? Очевидно, он будет исходить из уровня просвещенности эпохи и всех возможных видов знания, ему доступных. В первую очередь рост индивидуального сознания начался в области религии и поддерживался на Западе теологической, на Востоке — философской мыслью. В сфере общественной и политической жизни он начался с незрелого примитивного понимания естественного права и справедливости, к которому привело повсеместное усиление страдания или пробудившееся чувство несправедливости, зла, всеобщего притеснения и осознание того, что существующий строй невозможно оправдать, если оценивать его не с точки зрения установленных конвенций и привилегий, а с любой другой точки зрения. Сначала обществом двигали мотивы религиозного характера; силы социальные и политические, интенсивность которых спала после того, как были быстро подавлены их первые непродуманные и бурные проявления, воспользовались переворотом, произведенным религиозной реформацией, последовали за ней как полезный союзник и ждали своего часа, чтобы возглавить движение, когда духовный импульс совсем иссякнет и — вероятно, под влиянием тех самых мирских сил, которые он призвал себе на помощь, — утратит верное направление. Движение за религиозную свободу в Европе отстаивало вначале ограниченное, а затем и абсолютное право человека руководствуясь личным опытом и просветленным разумом определять подлинный смысл священного Писания, подлинный христианский ритуал и уклад церкви. Оно провозглашало свои требования с той же страстью, с какой восставало против узурпации, притязаний и жестокости церковной власти, которая претендовала на исключительное знание Писания и, прибегая к моральному давлению и физическому насилию, стремилась навязать непокорному индивидуальному сознанию свое собственное произвольное толкование Слова Божия — если, конечно, последнее не превращалось в такой трактовке совсем в другое, подменяющее его учение. В своих наиболее сдержанных и умеренных формах восстание это породило такие компромиссы, как неортодоксальные церкви; затем накалявшиеся страсти вызвали к жизни кальвинистское пуританство; высочайшего же своего накала мятеж индивидуальной религиозной мысли и воображения достиг, когда появились такие секты, как анабаптисты, конгрегационалисты, социниане и бесчисленное множество других. На Востоке подобное

движение, лишенное любого политическо-го или (как явно направленное против традиционной веры) общественного значения, могло привести к появлению лишь отдельных религиозных реформаторов, просвещенных святых, новым религиозным течениям с соответствующей культурной традицией и общественной практикой; на Западе неизбежным и предопределенным следствием этого движения стали атеизм и отделение церкви от государства. Поставив в начале под сомнение конвенциональные формы религии, посредничество священнослужителей между Богом и душой и подмену авторитета Священного Писания авторитетом Папы, освобождающаяся мысль не могла не пойти дальше и не усомниться в самом Писании, а затем и во всякой вере в сверхъестественное, религиозной вере или сверхрациональной истине не меньше, чем в формальной доктрине и институте церкви.

Ибо эволюция Европы определялась скорее Ренессансом, чем Реформацией; своим расцветом в эпоху Возрождения она обязана возвращению и мощному подъему древнего греко-римского менталитета, а не иудейскому и религиозно-этическому характеру периода Реформации. Ренессанс вернул Европе, с одной стороны, вольную любознательность греческого ума, его упорное стремление найти первоначала и рациональные законы, радость интеллектуального исследования действительности при помощи непосредственного наблюдения и индивидуального рассуждения; с другой стороны — широкую практичность Рима и его способность приводить жизнь в гармонию с соображениями материальной пользы и здравого смысла. Но обеим этим линиям развития Европа следовала со страстью, серьезностью, нравственным и почти религиозным пылом (не свойственными древнему греко-римскому менталитету), которыми была обязана многим векам иудейско-христианского порядка. Таковы были источники, к которым обратилось западное общество индивидуалистического века в поисках того принципа устройства и управления, в котором нуждается всякое человеческое общество и который в более древние времена человечество пыталось осуществить сначала воплощая в жизни фиксированные символы истины, затем создавая этический тип и дисциплину, и наконец устанавливая непогрешимый авторитет или стереотипную конвенцию.

Очевидно, что неограниченная свобода индивидуального знания или мнения при отсутствии каких-либо внешних критериев или ка-кой-либо общепризнанной и основополагающей истины представляет опасность для нашей несовершенной расы. Вероятно, она приведет скорее к постоянным колебаниям в мыслях и неустойчивости мнения, чем к постепенному проявлению истинной сути вещей. Равным образом попытка добиться социальной справедливости, решительно отстаивая личные права или классовые интересы и желания, может обернуться постоянным противостоянием и революцией и закончиться непомерными притязаниями каждого человека или класса на свободу жить своей собственной жизнью и осуществлять свои собственные идеи и желания, что приведет к серьезному расстройству и тяжелой болезни социального организма. Поэтому в каждый из индивидуалистических периодов человечество должно выполнить два главных условия. Во-первых, оно должно найти общий критерий Истины, с которым согласится каждый индивид в силу своего внутреннего убеждения, без физического принуждения или давления иррационального авторитета. Во-вторых, оно должно открыть некий принцип общественного строя, который также будет основываться на некой общепринятой истине. Необходим строй, который сможет обуздать индивидуальные желания и волю тем, что по крайней мере установит для них некий интеллектуальный и моральный критерий; эти две могучие и опасные силы должны пройти проверку данным критерием, прежде чем обрести какое-либо право отстаивать свои притязания. Взяв абстрактную и научную мысль в качестве средства, а стремление к социальной справедливости и разумной практической выгоде — как двигатель духа, прогрессивные народы Европы отправились на поиски этого знания и этого закона.

Они нашли то, что искали, в открытиях естественной Науки, и с воодушевлением взяли это на вооружение. Триумфальное шествие европейской Науки в девятнадцатом веке, ее

неоспоримая победа, потрясая все основы, объясняются той абсолютной полнотой, с какой она, казалось, удовлетворила (пусть временно) двойственную потребность западного ума. Этому уму казалось, что Наука успешно завершила его поиски двух принципов индивидуалистической эпохи. Наконец-то истина вещей не зависела от сомнительного Писания или подверженного заблуждениям человеческого авторитета — она выражалась в том, что начертала сама Мать-Природа в своей вечной книге, предназначенной для всех, кто имеет терпение наблюдать и интеллектуальную честность делать выводы. Все законы, принципы, фундаментальные факты мира и человеческого бытия сами могли подтвердить свою истинность, а потому удовлетворить и направить свободный индивидуальный ум, избавляя его как от капризного своеволия, так и от внешнего принуждения. Законы и истины оправдывали и одновременно сдерживали индивидуальные притязания и желания человека; наука устанавливала эталон и критерий знания, рациональную основу жизни, давала четкий план и главные средства развития и совершенствования индивида и всей расы. Попытка направить и организовать человеческую жизнь при помощи Науки, закона, истины бытия, порядка и принципов, которые каждый может наблюдать и подвергать проверке в сфере их действия и фактическом проявлении и с которыми поэтому может свободно и, по идее, должен согласиться, стала высочайшим достижением европейской цивилизации. Это стало достижением и триумфом индивидуалистического века человеческого общества; но оно же, по-видимому, станет и его концом, приведет к гибели индивидуализма, к отказу от него и погребению среди памятников прошлого.

Ибо открытие индивидуальным свободным разумом универсальных законов, по отношению к которым индивид представляет собой чуть ли не побочное явление и которые неизбежно должны управлять им, и попытка фактически управлять общественной жизнью человечества в строгом соответствии с этими законами, похоже, неминуемо ведут к подавлению той самой индивидуальной свободы, которая и сделала возможными и само открытие, и саму попытку. В поисках истины и закона собственного бытия человек, по-видимому, открыл истину и закон вовсе не собственного индивидуального бытия — но общности, толпы, муравейника, массы. Результатом, к которому ведет такое открытие и к которому, по всей вероятности, мы по-прежнему неотвратимо движемся, является новое устройство общества по принципам жесткого экономического или государственного социализма, при котором вся жизнь и деятельность индивида, снова лишенного свободы в его же интересах и интересах всего человечества, должна определяться — на каждом шагу и в любой момент от рождения и до смерти — работой хорошо отлаженного государственного механизма. Тогда мы можем получить новую любопытную модификацию (но имеющую очень важные отличия) древнего азиатского или даже древнего индийского уклада общества. Вместо религиозно-этического авторитета появится на-учный, рациональный или экспериментальный критерий; на место брамина-Шастракары встанет ученый, администратор и экономист. Место короля, который сам соблюдает закон и принуждает всех — при помощи и с согласия общества — неуклонно следовать предназначенным для них путем, путем Дхармы, займет коллективное Государство, наделенное королевскими полномочиями и властью. Вместо иерархической системы сословий, каждое из которых имеет свои полномочия, привилегии и обязанности, будет установлено исходное равенство возможностей и права на образование — в конечном счете, вероятно, с распределением социальных функций экспертами, которые будут знать нас лучше, чем мы сами, и выбирать за нас нашу работу и положение в обществе. Научное Государство может регламентировать брак, рождение и воспитание ребенка, как в древности это делала Шастра. В жизни каждого человека будет продолжительный период работы на благо Государства, управляемого коллективными органами, и в конце ее, вероятно, — период свободы, отведенный не для деятельности, но для наслаждения досугом и личного совершенствования, соответствующий Ванапрастха и Саньяса Ашрамам древнего арийского общества. По жесткости своей структуры такое государство намного превзойдет своего азиатского предшественника; ибо последнее по крайней мере делало две важные уступки для мятежника и поборника новых

идей. Отдельной личности там предоставлялась свобода ранней саньясы — возможность отречения от общественной жизни ради жизни свободной и духовной, а группа имела право образовывать общины, подчиняющиеся новым концепциям, — такие, как сикхи или вайшнавизм. Но унитарное общество, живущее по выверенным экономическим и чисто научным законам, не может допустить ни одного из этих резких отклонений от нормы. Очевидно также, что в нем разовьется устойчивая система общественных моральных норм и традиций и утвердятся социалистическое учение, в истинности которого никому не будет позволено усомниться, фактически и, вероятно, даже теоретически, поскольку подобные сомнения могут скоро потрясти или даже подорвать систему. Таким образом, у нас появится новый типический строй, который, основываясь на чисто экономическом законе и функции, гунакарме, вследствие подавления индивидуальной свободы быстро превратится в застывшую систему рационалистических конвенций. И в конечном счете этот статичный строй неизбежно будет разрушен с наступлением нового индивидуалистического века мятежа, движущей силой которого станут, вероятно, принципы крайнего философского анархизма.

С другой стороны, существуют силы, которые, похоже, могут пресечь такое развитие или изменить его линию, прежде чем оно достигнет своего угрожающего завершения. Во-первых, рационалистическая и естественная Наука изживает себя и в скором времени должна будет отступить под мощным напором психологического и психического знания, в результате чего неминуемо утвердятся совершенно новый взгляд на человека и перед человечеством откроются новые горизонты. В то же время Век Разума явно подходит к концу; свежие идеи распространяются по миру и воспринимаются со знаменательной скоростью — идеи, неизбежно препятствующие преждевременному установлению любого типического строя, основанного на экономическом рационализме; динамичные идеи, вроде ницшевской «воли к жизни», бергсоновского «превосходства интуиции над рассудком» или новейшей тенденции немецкой философской мысли, признающей супрарациональные способности человека и супрарациональную иерархию истин. Уже начинается формироваться другой менталитет и уже ищут приложения на практике такие концепции, которые предвещают смену индивидуалистического века общества не новым типическим строем, а веком субъективизма, который вполне может стать великим и плодотворным переходом к совершенно иной цели. И можно спросить, а не находимся ли мы уже в предрассветном сумраке нового периода человеческого цикла?

Во-вторых, Запад в ходе своего триумфального завоевания мира пробудил дремлющий Восток и вызвал там усиление борьбы между привнесенным западным индивидуализмом и старым конвенциональным принципом общественного устройства. Последний — где быстро, а где медленно — разрушается, но его место вполне может занять нечто совершенно отличное от западного индивидуализма. Некоторые, правда, полагают, что Азия повторит европейский Век Разума со всем его материализмом и антирелигиозным индивидуализмом в то время, как сама Европа будет продвигаться вперед, к новым формам общественной жизни и идеям; но это в высшей степени маловероятно. Напротив, все свидетельствует о том, что индивидуалистический период на Востоке не продлится долго, а рационализм и отрицание религии не будут его характерными особенностями. И если Восток в результате своего пробуждения последует своим собственным путем и создаст новую общественную формацию и культуру, то это непременно окажет громадное влияние на дальнейшее развитие мировой цивилизации; силу его вероятного воздействия мы можем оценить уже по тем значительным результатам, которые дал первый прилив идей с еще не пробужденного Востока в Европу. Каким ни окажется это влияние, оно в любом случае не будет способствовать переустройству общества в соответствии с механистически-экономическими представлениями — тенденцией, которая продолжает преобладать в сознании и жизни на Западе. Влияние Востока скажется скорее в движении к субъективизму и подлинной духовности, в открытии нашего физического существования более высоким идеалам, чем здравые, но ограниченные цели, которые определяет грубая материальная природа жизни и

тела.

Но, что самое важное, в своем открытии личности век индивидуализма в Европе сформулировал среди идей-сил будущего две наиболее могущественные, которые уже не сможет полностью искоренить никакая следующая за ним реакция. Первая из них, ныне повсеместно признанная, — это демократическая концепция права каждого индивида как члена общества на жизнь и развитие во всей полноте в соответствии с индивидуальными способностями. Мы больше никак не можем признавать идеальным такое устройство общества, при котором отдельные классы присваивают себе право на развитие и пользование всеми социальными благами, лишая этого права других и предоставляя им одни лишь обязанности социального служения. Теперь стало ясно, что развитие и благоденствие общества предполагают развитие и благоденствие каждого отдельного его члена, а не просто процветание в целом, которое на практике сводится к богатству и власти одного или двух сословий. Эта концепция была полностью воспринята всеми прогрессивными народами и лежит в основе социалистической тенденции современного мира. Но в дополнение к ней индивидуализм открыл еще одну, более глубокую истину: личность является не просто социальной единицей; ее существование, ее право и притязание на жизнь и развитие основаны не только на роде ее деятельности и общественном положении. Человек не просто член сообщества себе подобных, улья или муравейника; он сам по себе уже есть нечто — душа, существо, которое должно реализовать свою собственную индивидуальную истину и закон, а равно исполнить природную или предназначенную ему роль в воплощении истины и закона коллективного существования. Он требует свободы, жизненного пространства, возможности активного действия для своей души, своей природы, для той могущественной и громадной силы, которой общество так не доверяет и которую в прошлом старалось либо подавить вообще, либо направить в чисто духовную область т. е. для индивидуальной мысли, воли и совести. Если человеку суждено в конце концов сплавить их в единое целое, то этим целым будет не господствующая мысль, воля и совесть общества, но нечто высшее — и он, как и все, должен получить возможность и помощь для свободного восхождения к этому высшему. Такова идея, истина, которая, снискав интеллектуальное признание Европы, безоговорочно принявшей ее внешний, поверхностный аспект, сходится по сокровенной сути своей с глубочайшими и высочайшими духовными концепциями Азии и должна сыграть важную роль в формировании будущего.

Глава III. Приход субъективистского века

Внутренне предопределенная цель, стремление, оправдание, психологическая первопричина, общая тенденция индивидуалистического века человечества — все сводится к одной главной потребности: необходимости нового открытия основополагающих истин жизни, мысли и действия, обросших ложью шаблонных конвенциональных форм, в которых уже умерла истина идей, давших рождение этим конвенциям. Вначале может показаться, что проще всего было бы вернуться к самим исходным идеям и высвободить ядро их истины из плотно обволакивающей его скорлупы конвенции. Но на этом пути существует серьезное практическое препятствие; есть и другое препятствие, которое лежит не на поверхности, но ближе к глубинным законам развития души в человеческом обществе. Воскрешение старых исходных идей, ныне до неузнаваемости искаженных конвенцией, на практике чревато нежелательными последствиями, ибо спустя какое-то время конвенции, которые Дух Времени стремится перерасти, обретают прежнюю силу и — когда глубинная тенденция к поиску истины ослабевает — могут восстановить свою власть. Они возрождаются, несомненно, видоизмененные, но по-прежнему могущественные; начинается новый процесс обволакивания, и истина обрастает еще более сложной ложью. И будь даже все иначе, человечеству, чтобы развиваться, нет никакой необходимости постоянно возвращаться к старым идеям. Ему необходимо двигаться вперед к более полному осуществлению, в котором старые идеи — если они вообще сохранились — должны быть преобразованы и

заменены новыми, более высокими идеями. Ибо истина, лежащая в основе вещей, вечна и неизменна, но ее ментальные образы, жизненные формы, физические воплощения требуют постоянного изменения и роста.

Именно этот принцип и закон необходимости оправдывают век индивидуализма и рационализма и делают его, сколь бы краток он ни был, обязательным периодом цикла. Временное господство критического разума, действие которого во многом разрушительно, безусловно необходимо для прогресса человечества. В Индии со времени великого переворота, произведенного в мысли и жизни нации буддизмом, периодически предпринимались попытки заново открыть истину души и жизни и проникнуть за покров удушающих конвенций; но попытки эти направлялись широким и терпимым духовным разумом, гибкой интуицией души и глубоким субъективным стремлением к истине, недостаточно агрессивными и разрушительными по своему характеру. Эти попытки хотя и произвели великие внутренние и значительные внешние перемены, ни разу не приводили к освобождению от господствующего конвенционального принципа. Деятельность расщепляющего и разрушающего критического разума, присущего некоторым из этих движений, никогда не заходила достаточно далеко; созидательная сила, не получившая достаточной поддержки силы разрушительной, оказалась не способной расчистить широкое и свободное пространство для созидания нового. И только в период европейского влияния появляются благоприятные условия и достаточно сильные тенденции для того, чтобы положить начало новому веку радикальной и плодотворной переоценки идей и явлений. Влияние это было всегда — или во всяком случае до недавнего прошлого — рационалистическим, утилитаристским и индивидуалистическим по своему характеру. Оно заставило национальный разум посмотреть на все с новой, аналитической и критической точки зрения, и даже те, кто стремится сохранить настоящее или воскресить прошлое, вынуждены бессознательно или полусознательно оправдывать свои усилия с новой позиции и с помощью свойственных ей методов аргументации. На Востоке субъективный азиатский ум вынужден признавать необходимость пересмотра критериев жизни и мысли. Влияние западного знания, наряду с давлением новых требований жизни и совершенно изменившейся среды существования, заставило Восток пойти против самого себя. То, чего он не сделал по внутреннему побуждению, пришло к нему как необходимость извне, и в этом внешнем характере происходящего заключались огромные преимущества, равно как и великие опасности.

Таким образом, в веке индивидуализма человечество предпринимает решительную попытку открыть истину и закон как отдельной личности, так и мира, которому она принадлежит. Этот век может начаться, как начался в Европе, с попытки вернуться назад, особенно в сфере религии, к изначальной истине, ныне скрытой, затемненной или искаженной конвенцией; но за этим первым шагом необходимо совершить и другие и в конце концов подвергнуть всестороннему сомнению сами основы мышления и практической деятельности человека во всех сферах жизни. Эта эпоха неизбежно завершается революционным преобразованием религии, философии, науки, искусства и общества. Начинается оно на уровне индивида и осуществляется силой индивидуального разума и интеллекта за счет требований, предъявляемых индивидом к жизни, и его жизненного опыта; но исходя из индивидуального, это преобразование должно стать универсальным. Ибо в результате своих усилий человек скоро понимает, что он не может быть уверен в открытой им истине и законе своего собственного существа, пока не откроет некий универсальный закон и истину, с которыми сможет их соотнести. Он является частью вселенной; во всем, кроме глубин своего духа, он является ее послушным подданным, крохотной клеткой этой колоссальной органической массы; его субстанция извлечена из ее субстанции, и закон его жизни обуславливается и управляется законом ее жизни. Из нового взгляда на мир и нового знания мира должны родиться его новый взгляд на себя и новое знание себя самого, своих сил, способностей и пределов, своих прав на существование, своего высокого пути и далекой или близкой цели своего личного и общественного предназначения.

В Европе в нынешнее время это движение приняло форму чистой и могущественной естественной Науки: законы физической вселенной, а также законы экономики и социума она выводила из физического существования человека, его окружающей среды, истории его эволюции, его физических и витальных, личных и общественных потребностей. Но в конце концов станет ясно, что знание физического мира — это не все знание; станет очевидным, что человек является существом столько же ментальным, сколько физическим или витальным, и даже по сути своей более ментальным, нежели физическим или витальным. Несмотря на то, что физическое существование и жизненная среда человека сильно влияют на его психологию и ограничивают ее, в основе своей она определяется не ими, хотя постоянно реагирует на них, незаметно обуславливает их проявления и даже преобразовывает их силой психологических запросов человека к жизни. Сама экономическая структура государства и общественных институтов определяется психологией человека — его ожиданиями относительно возможностей, обстоятельств и тенденций жизни, уровень которых отражает соотношение между разумом-душой человечества и его жизнью-телом. Следовательно, для того, чтобы найти истину явлений и в соответствии с ней вывести закон своего существования, он должен пойти глубже и постичь субъективную тайну себя самого и явлений, равно как и их объективные формы и внешнее окружение.

Какое-то время человек может пытаться осуществлять это силой критического и аналитического разума, с помощью которого он уже продвинулся довольно далеко; но это не может продолжаться долго. Ибо в своем изучении себя и мира он рано или поздно оказывается наедине с душой в себе и душой в мире и прозревает в ней сущность столь глубокую, столь сложную, столь полную сокровенных тайн и сил, что перед ней интеллект обнаруживает свою полную неспособность к исследованию, поскольку не в состоянии озарить ее своим светом: он может успешно применять свой анализ лишь к тем вещам, которые лежат на поверхности или близко к ней. Тогда потребность в более глубоком знании подвигает человека на раскрытие новых сил и средств, заключенных в нем самом. Он обнаруживает, что может полностью познать себя лишь развивая активное самосознание, а не просто самокритику; все больше и больше погружаясь в свою душу и действуя в согласии с ее велениями, а не барахтаясь на поверхности; обретая сознательную гармонию с тем, что скрывается за его ограниченным интеллектом и за пределами его поверхностной психологии; просвещая свой разум и насыщая энергией свое действие за счет более глубокого света и силы, которым он открывается. В этом процессе рационалистический идеал начинает отступать перед идеалом интуитивного знания и более глубокого самоосознания; ориентация на утилитарный критерий уступает место стремлению к самосознанию и самореализации; обыкновение жить в согласии со зримыми законами физической Природы заменяется попыткой жить согласно скрытым Законом, Воле и Силе, которые активно действуют в жизни мира и во внутренней и внешней жизни человечества.

Все эти тенденции, хотя и в незрелом, зачаточном и слаборазвитом виде, ныне явно обнаружились в мире и растут день ото дня с заметной скоростью. Их распространение и все усиливающееся влияние означают переход от порожденного индивидуализмом рационалистического и утилитарного периода развития к более великому-субъективистскому веку. Этот переход начинается с быстрого превращения философских течений в широкие и глубокие учения, опровергающие старые концепции, и стремительного разрушения старых заповедей. Материализм девятнадцатого века уступил место сначала свежему и глубокому витализму, который принял разнообразные формы — от учения Ницше о «воле к жизни» и «воле к власти» как основе и законе жизни до новой плюралистической и прагматической философии, которая плюралистична, поскольку сосредотачивает внимание скорее на жизни, чем на душе, и прагматична, поскольку пытается толковать бытие скорее с позиции силы и действия, чем света и знания. Эти философские тенденции, которые до недавнего прошлого, до начала Великой войны, оказывали значительное влияние на жизнь и мысль Европы, особенно во Франции и Германии, были не просто поверхностным отходом от интеллектуализма к жизни и действию — хотя умы неглубокие часто трактовали их

именно так; они были попыткой серьезно исследовать Жизнь-Душу вселенной и жить исходя из нее и по методу своему тяготели к глубокой психологичности и субъективизму. Вслед за ними, заполняя пустое место, образовавшееся после дискредитации старого рационалистического интеллектуализма, начал возникать новый интуитивизм, который пока еще неясно сознает свой внутренний импульс и природу и ищет в формах и силах Жизни то, что скрывается за внешней стороной Жизни, а порой даже предпринимает все еще неуверенные попытки открыть опечатанные двери Духа.

В мировом искусстве, музыке и литературе, которые всегда служат верным показателем виталистических тенденций века, тоже произошли революционные изменения в сторону углубляющегося субъективизма. Великое объективное искусство и литература прошлого больше не властны над разумом нового века. Первой тенденцией, проявившейся как в философии, так и в литературе, стал возрастающий психологический витализм, который стремился глубоко постичь и описать самые неуловимые психологические импульсы и побуждения человека, получающие внешнее выражение в его эмоциональных, эстетических и витальных желаниях и деятельности. Созданные с великим мастерством и тонкостью, но без глубокого проникновения в суть человеческого существования, творения эти редко шли дальше изображения обратной стороны наших эмоций, чувств и действий, которые они анализировали тщательно и детально, но не озаряли светом широкого или глубокого знания. Возможно, эти произведения и представляли интерес для своего времени, но как произведения искусства они обычно уступали старой литературе, которая по крайней мере прочно утвердилась в своей области за счет высокого и яркого мастерства. Они описывали больше болезни Жизни, нежели ее здоровье и мощь, и бунт и мятеж ее желаний — неистовых, а потому бессильных и неудовлетворенных, — а не динамику их самовыражения и самоограничения. Но за этим движением, достигшим высочайшей творческой силы в России, последовал поворот к более глубокому психологическому искусству, музыке и литературе — скорее ментальным, интуитивным, духовным, чем витальным, — которые отошли от поверхностного витализма настолько далеко, насколько предшествовавшие ему искусство, музыка и литература отошли от объективного разума прошлого. Это новое движение всемерно стремилось, как и новый философский интуитивизм, сорвать покровы видимого, постичь человеческим умом некое бытие, не выраженное явно, прикоснуться и проникнуть в сокровенную душу вещей и явлений. Во многих отношениях оно оставалось по-прежнему неустойчивым, не способным четко определить цель поисков, недоразвитым по форме, но оно побудило человеческий разум покинуть старую гавань и указало направление великого похода — похода к открытию нового внутреннего мира, которое должно повлечь за собой создание нового внешнего мира человека и общества. Похоже, искусство и литература окончательно обратились к субъективным поискам того, что можно назвать скрытой внутренней стороной вещей, и отошли от рационального и объективного канона или внешней природы.

В сфере практической жизни уже набирают силу прогрессивные тенденции, порожденные этим более глубоким субъективизмом. Правда, ничто пока не получило устойчивого завершения, оставаясь на уровне предварительных набросков и первых попыток нащупать материальную форму для воплощения этого нового духа. То, что сегодня происходит в мире — недавние великие события, такие, как чудовищное столкновение европейских стран и волнения и перемены внутри них, которые предшествовали ему и за ним последовали, — является скорее результатом хаотичных полуосознанных усилий примирить старую интеллектуальную и материалистическую тенденцию с новым, пока еще поверхностным, субъективистским и виталистическим импульсом, возникшим на Западе. Последний, не подкрепленный подлинным внутренним ростом души, неизбежно вынужден был искать поддержку в ней и использовать ее для своих неограниченных притязаний на жизнь; мир двигался в направлении к ужасающе совершенной организации общества, основанной на «воле к жизни» и «воле к власти», и именно это движение ввергло мир в пучину Войны, а ныне нашло или ищет для себя новые формы жизни, которые яснее

обнаруживают его главную идею и мотив. Асурический или даже ракшасический характер недавнего мирового конфликта объясняется этой страшной комбинацией ложно направленной виталистической побудительной силы с великой силой поставленного ей на службу интеллекта, использовавшего изощренную логику в качестве своего орудия и дух совершенной материалистической Науки в качестве своего джина, могущественного творца великих, осязаемых и бездушных чудес. Война была взрывом получившейся таким образом горючей смеси, и хотя она покрыла мир руинами, вполне вероятно, что ее последствия подготовили распад той чудовищной комбинации сил (оказавшейся если не полностью уничтоженной, то по крайней мере сильно разрушенной в результате войны), которая привела к войне, и теперь, на фоне этого спасительного распада, происходит расчистка поля человеческой жизни от главных препятствий, мешающих истинному развитию и движению к более высокой цели.

Вся надежда человечества заключается в тех незрелых, пока еще слабо проявленных тенденциях, которые несут в себе семена нового субъективного и психического отношения человека к собственному бытию, к своим ближним и к устройству своей личной и общественной жизни. Влияние этих тенденций можно увидеть в новых концепциях детского образования и воспитания, получивших широкое распространение в довоенные годы. Прежде образование ребенка сводилось к чисто механическому воздействию на его природу и насильственному подчинению жестким стандартам обучения и процесса познания, которые в последнюю очередь принимали во внимание его индивидуальность и субъективные качества; семейное же воспитание заключалось в постоянном подавлении и принудительном формировании его привычек, мыслей и характера по образцу, установленному конвенциональными идеями или личными предпочтениями и идеалами наставников и родителей. Открытие того, что образование должно выявлять интеллектуальные и нравственные качества ребенка, максимально развивать их и основываться на знании детской психологии, стало шагом вперед к более здоровой, более ориентированной на личность системе обучения. Однако и такая система далека от идеала, ибо она по-прежнему видит в ребенке объект, который учитель должен обрабатывать и формировать — «образовывать». Но здесь уже намечаются первые проблески понимания того, что каждое человеческое существо представляет собой саморазвивающуюся душу и что задача и родителей, и наставника состоит в том, чтобы дать возможность и помочь ребенку самому образовывать себя, развивать свои умственные, нравственные, эстетические и практические способности и свободно расти как самостоятельной личности, которую нельзя лепить, как тесто, по образу и подобию воспитателей. Еще не открылось осознание того, что такое есть эта душа, или того, что настоящий секрет заключается в помощи человеку (не важно, взрослому или ребенку) в обретении своего глубинного «я», подлинного психического существа, скрытого внутри. Это психическое существо — если мы позволим ему выйти на передний план и, тем более, если призовем его на передовые позиции как «главнокомандующего, возглавляющего поход», — возьмет на себя всю задачу нашего образования и разовьет способности нашего внутреннего разнопланового существа по реализации его потенциальных возможностей, почувствовать которые или создать адекватную концепцию их развития нам мешает механистический взгляд на человека и жизнь и основанные на нем привычные шаблоны поведения и реагирования. Эти новые воспитательные и образовательные методы прямым путем ведут к истинной реализации потенциальных возможностей человека. Предпринимается попытка более тесно соприкоснуться с психическим существом, скрытым за витальной и физической ментальностью, а растущая вера в его возможности должна в конце концов привести человека к открытию того, что по сокровенной природе своей он есть душа и сознательная сила Божественного и что пробуждение этого подлинного внутреннего человека и есть истинная цель воспитания и образования, да и всей человеческой жизни, если человек хочет найти скрытую Истину и глубочайший закон своего бытия и следовать им. Именно это знание древние пытались выразить в религиозном и общественном символизме, и

субъективизм есть путь назад к утраченному знанию. Начинаясь с углубления внутреннего опыта человека, продолжаясь как восстановление интуиции и самосознания в масштабах всего человечества, возможно, на невиданном доселе уровне, этот путь ведет к революционному преобразованию способа самовыражения человека на социальном и коллективном уровне.

Между тем зарождающийся субъективизм, подготовливающий рождение нового века, обнаружил себя не столько в отношениях между людьми или господствующими идеями и тенденциях общественного развития, которые по-прежнему остаются в основном рационалистическими и материалистическими и лишь в незначительной мере затронуты влиянием более глубокой субъективистской тенденции, сколько в новом коллективном самосознании человека в той организованной сфере его жизни, которая в результате прошлого развития обрела наиболее устойчивую форму — нации. Именно здесь субъективизм — либо виталистический, либо психический — уже начал приносить первые ощутимые плоды, и именно здесь мы увидим наиболее ясно реальное направление его развития, его недостатки, таящиеся в нем опасности, а также истинный смысл и условия наступления субъективистского века человечества и цель, к которой человеческое общество, входя в новую фазу развития, предполагает прийти на этом широком витке цикла.

Глава IV. Открытие души нации

Главный смысл и цель жизни индивида заключаются в его стремлении к развитию собственного существа. Сознательно ли, полусознательно, или вовсе бессознательно, блуждая в потемках, он всегда стремится — и стремится справедливо — к самовыражению: обрести себя, открыть в себе закон и силу собственного существа и реализовать их. Это главная, верная и неизбежная цель человеческой жизни, ибо даже с учетом всех оговорок, при всех своих ограничениях человек — это не просто эфемерное физическое творение, некая форма разума и тела, которая возникает как целое и затем распадается, но бытие, живое могущество вечной Истины, проявляющий себя дух. Равным образом главный смысл и цель жизни общества, объединения людей или нации — это стремление к самореализации; человеческое сообщество справедливо стремится постичь свою суть, обрести понимание закона и силы собственного бытия и осуществить их во всей полноте, реализовать все свои потенциальные возможности, жить своей собственной самораскрывающейся жизнью. Причина все та же: ибо человеческое сообщество — это тоже существо, живое могущество вечной Истины, самопроявление космического Духа, и потому оно должно выразить и осуществить своим способом и по мере своих способностей особую истину, силу и предназначение космического Духа, заключенного в нем. Подобно индивиду, нация или общество имеют тело, органическую жизнь, нравственный и эстетический характер, развивающееся сознание, а за всеми этими видимыми качествами и проявлениями — душу, ради которой все они существуют. Можно даже сказать, что, подобно индивиду, нация или общество не обладают душой, но сами по сути своей есть душа. Это объединенная душа, которая после того, как она обрела свойственную лишь ей индивидуальность, должна становиться все более самосознательной и реализовывать себя во все большей полноте по мере развития своей коллективной деятельности, менталитета и органической выражающей себя жизни.

Эта параллель между индивидом и обществом справедлива во всех отношениях, ибо речь идет не просто о параллели, но об истинном тождестве их природы. Различие состоит лишь в том, что общественная душа гораздо более сложна, поскольку ее физическое существо складывается из великого множества ментальных индивидов, обладающих частичным самосознанием, а не является простым объединением клеток, существующих на уровне витального подсознательного. Именно поэтому формы, которые она принимает вначале, кажутся более грубыми, примитивными и искусственными; ибо перед ней стоит более сложная задача, ей нужно больше времени, чтобы обрести себя, она более текуча и не так

легко поддается организации. Когда общественной душе удастся выйти из стадии полубессознательного самоформирования, ее первое отчетливое осознание себя носит гораздо более объективный, нежели субъективный характер. А там, где это осознание субъективно, оно скорее всего поверхностно или неопределенно и неясно. Этот объективный характер самосознания общественной души очень ярко проявляется в привычном эмоциональном представлении о нации, которое сосредотачивается на самом внешнем и материальном ее признаке — географическом — и выражается в любви к земле, где мы живем, земле наших предков, земле нашего рождения: родине, patria, vaterland, janmabhu_mi. Когда мы приходим к пониманию, что страна это только оболочка тела (хотя и очень живая оболочка, оказывающая влияние на всю нацию), когда мы начинаем чувствовать, что истинным телом являются люди, составляющие нацию как целое, и это тело вечно меняется, но всегда остается одним и тем же, подобно телу отдельного человека, — тогда мы уже находимся на пути к подлинно субъективному общественному сознанию. Ибо тогда у нас есть возможность осознать, что даже физическое существование общества есть некий субъективный процесс, а не просто объективная данность. По своей внутренней сути это великая объединенная душа, живущая жизнью души — со всеми открывающимися перед ней возможностями и опасностями.

Объективистский взгляд на общество господствовал на Западе на протяжении всего исторического периода человечества; на Востоке он был достаточно распространен, хотя и не обладал абсолютным влиянием. Именно благодаря принадлежности нации и правители, и народ, и мыслители сознавали свой политический статус, протяженность государственных границ, свое экономическое благополучие и развитие, свои законы, общественные институты и проявление всех этих составляющих. По этой причине политическим и экономическим мотивам, как наиболее заметным, придавалось преобладающее значение, а история была хроникой их действия и влияния. Единственной субъективной и психологической силой, сознательно признанной и с трудом оспоримой, была субъективная и психологическая сила личности. Это преобладание было настолько велико, что большинство современных историков и некоторые политические философы пришли к выводу, что по закону Природы объективная необходимость есть единственный фактор, действительно определяющий историю, а все остальное — следствие или поверхностные случайные проявления ее действия. Считалось, что история как наука должна констатировать и оценивать обусловленные внешней средой мотивы политической деятельности, игру экономических сил, их проявление и направление развития общественных институтов. Те немногие ученые, которые по-прежнему признавали роль психологического фактора, сосредоточили все внимание на отдельных личностях и были не далеки от того, чтобы считать историю просто набором огромного числа биографий. Более истинная и всеобъемлющая наука будущего увидит, что такое положение дел в истории характерно только для периода слабого самосознания нации. И даже в такие периоды деятельность отдельных личностей, политические и экономические движения и реформы общественных институтов неизменно направляет скрытая за ними великая субъективная сила; но действует она большей частью на подсознательном уровне — скорее как подсознательное «я», нежели как сознательный разум. И только когда эта подсознательная сила общественной души выходит на поверхность, нация начинает обретать свое субъективное «я»; она начинает постигать, пусть еще неясно или неполно, свою душу.

Конечно, даже на поверхности коллективного сознания всегда смутно ощущается действие этой субъективной силы. Но если это смутное ощущение вообще становится сколько-либо определенным, то касается оно по большей части несущественных деталей и частных особенностей: национальных особенностей, обычаев, предрассудков, явных ментальных тенденций. Это можно назвать объективированным чувством субъективного. Подобно тому, как человек привык рассматривать себя как физическое тело, наделенное жизнью, как животное, обладающее определенным нравственным или безнравственным характером, а любые творения ума считал неким изящным украшением, надстройкой над физической

жизнью, а не чем-то существенным по природе своей или признаком чего-то существенного — так же, и в гораздо большей мере, общество относилось к той крохотной частице своего субъективного «я», которую научилось сознавать. В самом деле, оно всегда цепляется за свои национальные особенности, обычаи, предрассудки — но бездумно, в объективистской манере, принимая во внимание их самый внешний аспект и вовсе не стремясь исследовать глубже их суть, бла-годаря которой они существуют и которую бессознательно пытаются выразить.

Это характерно не только для нации, но и для любого сообщества. Церковь является организованным религиозным сообществом, и уж религия-то во всяком случае должна быть субъективной; ибо сам смысл ее существования — там, где она не превратилась просто в этическую доктрину, наделенную сверхъестественным авторитетом, — состоит в том, чтобы помочь человеку обрести и реализовать душу. Тем не менее почти вся история религии — за исключением эпохи ее основателей и их непосредственных последователей — была настойчивым утверждением объективного: обрядов, церемоний, власти, церковных правительств, догм, внешних форм веры. Примером может служить вся внешняя история религии в Европе, эта странная святотатственная трагикомедия разногласий, кровопролитных споров, «религиозных» войн, гонений, государственных церквей и всего прочего, что является прямым отрицанием духовной жизни. Лишь недавно люди начали всерьез задумываться над тем, что есть на самом деле христианство, католицизм, ислам и каков их сокровенный смысл, т. е. подлинная реальность и сущность.

Но теперь эта новая психологическая тенденция общественного сознания заметно и быстро выходит на поверхность. Теперь у нас сформировалась концепция души нации, и, что более важно, мы действительно видим, как нации ошупью ищут свои души, пытаются обрести их, всерьез стараются действовать исходя из этого нового чувства и превращать его в сознательную движущую силу жизни и деятельности общества. И, разумеется, данная тенденция наиболее сильно должна была проявиться в новообразовавшихся нациях или тех, которые борются за свою самореализацию вопреки политической зависимости или угнетенности. Им больше, чем кому-либо, необходимо почувствовать разницу между собой и другими, чтобы получить возможность отстоять и доказать свое право на индивидуальность как средство противодействия могучей сверхжизни, стремящейся поглотить или уничтожить ее. Именно потому, что жизнь таких наций развита слабо во внешних своих формах и при существующих неблагоприятных обстоятельствах ей трудно утвердиться собственными усилиями, у них есть больший шанс обрести свою индивидуальность и присущую ей силу самоутверждения в сфере внутреннего, субъективного или по крайней мере во всем, что имеет отношение к субъективному, психологическому миру.

Поэтому в нациях, оказавшихся в зависимом положении, тенденция к самопознанию проявилась наиболее сильно, создав в некоторых из них новый тип национального движения — как, например, в Ирландии и Индии. Именно в этом заключался глубинный смысл движения свадешти в Бенгалии и ирландского народного движения на его ранних стадиях, когда оно еще не стало чисто политическим. В Индии выделение Бенгалии в субнацию с самого начала было движением отчетливо субъективного характера, причем на последних стадиях своего развития это движение стало субъективным вполне осознанно. Движение 1905 г. в Бенгалии утверждало совершенно новую концепцию нации — не просто как страны, но как души, психологического, почти духовного существа, и даже руководствуясь экономическими и политическими мотивами, оно старалось оживить их этой субъективистской идеей и видело в них скорее средства самовыражения, чем некую объективную данность, существующую саму по себе. Однако не следует забывать, что на первых этапах эти движения осознанно руководствовались старыми мотивами, порожденными объективным и главным образом политическим самосознанием. Конечно, Восток всегда был более субъективен, чем Запад, и оттенок субъективизма мы можем видеть даже в политических движениях Востока — в Персии, Индии или Китае, и даже в очень

неоригинальном движении возрождения в Японии. Но сознательным этот субъективизм стал лишь совсем недавно. Поэтому мы можем заключить, что сознательный и намеренный субъективизм некоторых наций был только признаком и предвестником изменений в масштабах всего человечества, и местные условия лишь способствовали его становлению, сам же субъективизм никак не зависел от этих условий и не являлся их следствием.

Этот всеобщий изменения не вызывают никаких сомнений; они представляют собой одно из главных проявлений современных тенденций в жизни нации и общества. Сегодня все больше и больше наций принимает в качестве основного принципа своей жизни концепцию, которую Ирландия и Индия первыми облекли в окончательную формулу — «быть самими собой», столь отличную от побуждений и стремления зависимых или несчастных народов прошлого, которое сводилось скорее к желанию «быть как все». Эта концепция чревата великими опасностями и заблуждениями, но является важным условием осуществления того, что ныне стало требованием Духа Времени к человеческой расе: руководствуясь принципами субъективизма, она должна найти не только в индивидуе, но и в нации, и в самом человечестве как целом сокровенное бытие, внутренний закон, свое подлинное «я» и жить в соответствии с ними, а не по искусственным стандартам. Эта тенденция подготавливалась повсюду и частично вышла на поверхность перед войной, но наиболее заметно обнаружилась, как мы уже говорили, в новых нациях вроде германской или в зависимых нациях вроде ирландской и индийской. Разразившаяся война повсюду с первых же дней вызвала немедленное — и в настоящее время носящее воинствующий характер пробуждение того же глубинного самосознания. Достаточно примитивными были первые его проявления, зачастую подлинно варварскими и реакционными в своей примитивности. В частности, оно побуждало нации повторить ошибку германского народа, подготавливая их не только «быть собой», что совершенно справедливо, но жить единственно для и ради себя, а такое стремление за известной чертой становится губительным. Ибо для того, чтобы субъективистский век человечества принес свои лучшие плоды, нациям необходимо осознать не только свою собственную душу, но и души других наций и научиться уважать друг друга, оказывать друг другу помощь и извлекать из взаимного общения пользу не только экономическую и интеллектуальную, но и психологическую и духовную.

Пример развития Германии и ее агрессия против других стран оказали огромное влияние на развитие наций. Ее пример состоял в том, что никакая другая нация не пыталась с такой осознанностью, так методично, так разумно и, если судить по внешней стороне дела, так успешно найти себя и реализовать свою энергию, жить своей жизнью и максимально использовать свои собственные силы. Ее агрессия сыграла свою роль потому, что сама природа и провозглашенные лозунги нападения вызвали в качестве защитной реакции подъем самосознания в подвергшихся нападению народах и заставляли их задуматься, в чем кроется источник этой могучей силы, и понять, что они сами должны сознательно искать ответную силу в тех же глубинных источниках. В то время Германия являла самый замечательный пример нации, готовящейся к субъективистскому веку, поскольку, во-первых, она обладала определенным видением — к сожалению, скорее, интеллектуальным, нежели просветленным, — и мужеством действовать сообразно этому видению — опять-таки, к сожалению, больше витальным и интеллектуальным, нежели духовным; и, во-вторых, будучи полновластной хозяйкой своей судьбы, смогла организовать собственную жизнь так, чтобы выразить собственное видение себя. Исходя из внешней стороны событий, мы не должны делать ложного вывода, будто сила Германии была создана Бисмарком или направлялась кайзером Вильгельмом II. Появление Бисмарка во многих отношениях стало скорее несчастьем для растущей нации, ибо под его твердой и сильной рукой ее субъективизм вылился в форму и действие слишком рано. Будь подготовительный период субъективизма более длительным, германской нации, возможно, не пришлось бы пожирать столь губительные плоды, пусть человечество и лишилось бы при этом столь впечатляющего примера. Подлинный источник этой великой субъективной силы, которая так сильно исказилась в своем объективном проявлении, заключался не в государственных деятелях и

солдатах Германии — в большинстве своем довольно невзрачных людях — но в ее великих философах Канте, Гегеле, Фихте, Ницше, великом мыслителе и поэте Гете, великих композиторах Бетховене и Вагнере, а также во всем том в душе и характере Германии, что они выражали. Если главные достижения нации почти полностью лежат в двух сферах, философии и музыке, то ей явно предназначено возглавить переход к субъективизму и принести великие плоды добра или зла на заре субъективистского века.

Это одна сторона предназначения Германии; вторая определялась деятельностью ее просветителей, педагогов, ученых, общественных деятелей. Эта нация издавна славилась своим прилежанием, добросовестным усердием, верностью идеям, честным и неутомимым духом трудолюбия. Народ может обладать великими врожденными талантами, и все же, если он пренебрегает развитием низшей стороны нашей сложной природы, он будет не в состоянии построить тот мост между идеей и воображением и реальной жизнью, между видением и силой, который и делает реализацию возможной; высокий дар народа может стать источником радости и вдохновения для окружающего мира, но сам он не сможет войти во владение собственным миром, пока не выучится более скромному умению. В Германии этот мост был возведен, хотя большая его часть представляла собой темный тоннель над пропастью; ибо при передаче от субъективного ума философов и поэтов к объективному уму ученых и общественных деятелей идеи искажались. Примером такого искажения служит неверное применение, которое Трейчке нашел учению Ницше в области национальных интересов и международной политики и которое глубоко возмутило бы самого философа. Но так или иначе, передача идей существовала. Более полувека Германия занималась субъективным самоанализом, обращая пылкий взор на себя саму, вещи, явления и идеи в поисках истины своего собственного существа и истины мира; и еще полвека она занималась кропотливым научным исследованием в поисках объективно существующих средств для упорядочения своих реальных или мнимых достижений. И эта деятельность дала результаты, результаты поистине впечатляющие и великие, однако в некоторых направлениях приняла уродливые и губительные формы. К сожалению, именно эти направления оказались теми самыми магистральными путями, сбиться с которых означало уклониться от цели.

Конечно, можно сказать, что последний результат деятельности, о которой идет речь, — война, разруха, жестокая реакция, ведущая к появлению жестко организованного, закованного в броню, агрессивного и грозного нацистского государства — не только ошеломляет, но и служит ясным предупреждением о необходимости оставить этот путь и вернуться к прежним и более безопасным формам жизни. Но неверное использование великих сил еще не довод против невозможности их верного применения. Возвращение назад невозможно; на самом деле любая попытка вернуться назад есть заблуждение. Мы все должны предпринять ту же попытку, которую сделала Германия, но, учитывая все ее ошибки, сделать это иначе. Поэтому нам следует проникнуть взором за кровавую пелену войны и черный дым смятения и хаоса, поглотивших ныне мир, чтобы увидеть, где и почему Германия потерпела неудачу. Ее неудача, которая сегодня очевидна по тому обороту, какой приняли ее действия, приведшие в настоящее время к полному краху, была очевидна уже с самого начала для ищущего истины беспристрастного мыслителя. С Германией случилось то, что порой случается с ищущим на пути Йоги, искусства сознательного обретения своего «я», — пути, чреватого опасностями куда более серьезными, чем те, которые обычно окружают среднего человека, — когда он следует за ложным светом навстречу своей духовной гибели. Германия ошибочно приняла свое витальное эго за свое истинное «я»; она искала свою душу, но нашла лишь свою силу. Подобно Асуру, она провозгласила: «Я есть мое тело, моя жизнь, мой разум, мой характер» и привязалась к ним с титанической силой; особенно настойчиво она провозгласила: «Я есть моя жизнь и мое тело», а большей ошибки не может совершить человек или нация. Душа человека или нации есть нечто более великое и более божественное; она выше своих орудий, и ее нельзя заключить в формулу физического, витального, ментального существования или формулу характера. Если ее таким образом ограничить — даже если фальшивое социальное устройство будет воплощено в

бронированном социальном теле человеческого коллектива, этаким гигантском динозавре, — это может лишь подавить рост внутренней Реальности и привести к разложению или вымиранию, которые берут верх над всем, лишенным гибкости и умения приспосабливаться к среде.

Совершенно очевидно, что наряду с истинным есть ложный субъективизм, и заблуждения, к которым предрасположена субъективистская тенденция, столь же велики, как и скрытые в ней возможности, и вполне могут привести к тяжким бедствиям. Для того, чтобы устранить опасности, которые ожидают человечество на этой стадии общественной эволюции, необходимо ясно понять различие между истинным и ложным субъективизмом.

Глава V. Истинный и ложный субъективизм

Субъективистский период развития человечества — это та переходная стадия, когда, уйдя от символов, типов и конвенций, обратив еще неглубокий взгляд на индивидуальное существование с целью открыть его истину и верный закон его действия применительно к поверхностной и внешней истине и закону вселенной, наша раса начинает проникать взором глубже, чтобы увидеть и почувствовать реальность, скрытую за видимым и поверхностным, и, следовательно, жить внутренним миром. Субъективизм — это шаг в сторону самопознания и жизни внутри своего «я» и по законам этого «я»; он уводит от прежнего способа познания мира как реальности, существующей независимо от «я», и от жизни в согласии с этой объективистской идеей бытия и вселенной. Все зависит от того, каким образом предпринимается этот шаг, к какого рода субъективизму мы приходим и как далеко продвигаемся в самопознании; ибо опасность заблуждения на этом пути столь же велика и чревата столь же серьезными последствиями, как велики результаты поисков в верном направлении. Человечество символистического, типического и конвенционального века избегает этих опасностей, отгораживаясь от них стеной самоограничения; и именно потому, что эта стена в конце концов превращается в тюрьму духовного невежества, ее необходимо разрушить и стать на опасный, но плодотворный путь субъективизма.

В процессе психического познания внутренней сущности нам открывается, что в нашем существе есть множество поверхностных, фронтальных, видимых или фрагментарных «я» и лишь одно — полностью скрытое — подлинное; привычка сосредотачиваться на внешнем и ошибочно принимать его за подлинное является главным заблуждением, порождающим все остальные, и причиной всех разочарований и страданий, к которым человек предрасположен по своей ментальной природе. Мы можем приложить эту истину и к попытке человека жить по закону своего субъективного существа — не важно, подразумевается ли под существом индивид или социальная единица, объединяющая коллективные разум и тело.

Смысл того характерного направления, которое принимает развитие современной цивилизации, заключается в том, что во всех областях жизни мы начинаем — пусть пока не всегда и в порядке робкого эксперимента — подходить к действительности с субъективной позиции. В области воспитания и образования мы ставим себе целью познавать психологию ребенка по мере превращения его во взрослого человека и на этом основании строить наши системы обучения и воспитания. Новая цель состоит в том, чтобы помочь ребенку развить свое интеллектуальное, эстетическое, эмоциональное, моральное, духовное существо и организовать свою общественную жизнь и внутренние побуждения, исходя из своего собственного характера и способностей, — и цель эта сильно отличается от той, которую преследовала старая система образования, а именно: невзирая на сопротивление ребенка, просто забить его голову стереотипными знаниями и подчинить шаблонным правилам поведения его сопротивляющуюся природу и преобладающие естественные импульсы. В плане отношения к преступнику общество в наиболее прогрессивных странах уже не довольствуется только тем, что видит в нем нарушителя закона, которого следует наказывать, заключить в тюрьму, запугать, казнить, а нет так мучать физически или морально либо в порядке мести за его бунт, либо в назидание другим; все чаще предпринимаются попытки

понять преступника, принять во внимание его наследственность, окружающую среду, врожденные пороки и изменить его скорее изнутри, нежели сломить снаружи. Если говорить о нашем взгляде на само общество в целом, то мы начинаем рассматривать сообщество, нацию или любое другое устойчивое человеческое объединение как живой организм, обладающий своим собственным субъективным бытием, тенденцией к росту и естественному развитию, которые он должен осуществить с предельной полнотой и совершенством. Вроде бы все хорошо: совершенно очевидны бо́льшая просвещенность, подлинная глубина, мудрая гуманность этого нового взгляда на мир. Но равно очевидны и угроза ограничения нашего знания и опыта на этом новом пути, и опасность серьезных ошибок и заблуждений.

Если мы посмотрим на новую попытку наций, продиктованную субъективными побуждениями или имперскими амбициями сознательно осуществить себя, и особенно на знаменательный эксперимент германского народа, движимого субъективным мотивом, то увидим источник вероятных ошибок. Первая опасность проистекает из самого исторического факта развития субъективистского века из индивидуалистического. Соответственно, первой чудовищной ошибкой была тенденция превратить заблуждение индивидуалистического эгоизма в более серьезное заблуждение эгоизма общественного. Индивид, ищущий закон своего существования, может быть уверен, что нашел его, только в том случае, если он ясно сознает две великие психологические истины и живет в согласии с этим ясным видением. Во-первых, эго и «я» — разные вещи; есть одно общее «я» вселенной, и душа является частицей этой универсальной Божественности. Осуществление индивида заключается не в предельном развитии его эгоистического интеллекта, витальной силы, физического здоровья и предельном удовлетворении его ментальных, эмоциональных и физических желаний, но в раскрытии божественного в нем до крайних пределов мудрости, силы, любви и универсальности, и в процессе этого раскрытия — высочайшей индивидуальной реализации всей возможной красоты и восторга существования.

Воля к жизни, воля к власти, воля к знанию абсолютно оправданны, в их удовлетворении состоит истинный смысл нашего существования, и чрезмерно ограничивать или подавлять их — значит калечить наше существо и осушать или перекрывать источники жизни и роста. Но удовлетворение этих стремлений не должно быть эгоистическим — не по каким-либо причинам морального или религиозного характера, но просто потому, что таким образом удовлетворить их нельзя. Подобная попытка неизменно ведет к вечной борьбе эгоизмов, к взаимному причинению боли и ущемлению интересов, даже к взаимному уничтожению, причем победивший сегодня оказывается побежденным или убитым завтра; ибо мы изнуряем и развращаем себя в опасном стремлении жить за счет уничтожения или эксплуатации других. Выживает лишь то, что живет своим собственным существованием. И, как правило, истреблять других — значит в то же время записаться в подданные и предопределенные жертвы Смерти.

Несомненно, мы не сможем действовать иначе до тех пор, пока не придем к самопознанию; людям и нациям приходится поступать и мыслить эгоистически, поскольку в своем невежестве они знают лишь такой образ жизни, а жажда жить заложена в них Богом. Поэтому им приходится жить эгоистически — это лучше, чем не жить вовсе, — жить, подчиняясь тем законам, этическим нормам и практическому здравому смыслу, подразумевающему самоограничение, которым их научили природа и жизненный опыт. Но субъективизм по самой природе своей есть попытка познать себя и жить подлинным самопознанием и внутренней силой, и он не принесет нам реальной пользы, если мы будем лишь повторять старые заблуждения в новой форме. Поэтому мы должны понять, что подлинная сущность индивида есть не эго, но божественная личность, которая в ходе нашей эволюции готовится раскрыться в нас; ее выявление и удовлетворение ее требований, а не удовлетворение простой эгоистической воли к жизни в угоду низшей природе человека — вот подлинная цель, к которой человечество, стремящееся субъективно постичь и осуществить свои глубочайшие закон и истину, должно продвигаться все настойчивей.

Вторая психологическая истина, которую должен уяснить индивид, заключается в том, что он существует не только сам по себе, но в обществе себе подобных — оставим пока в стороне все, что нам не представляется подобным ему. Наша сущность выражает себя не только в индивидуальном, но и в универсальном, и хотя каждый человек должен реализовывать себя своим способом, ни один не может добиться успеха независимо от других. Общество не имеет права подавлять или уничтожать индивида ради собственного лучшего развития или самоудовлетворения; индивид — по крайней мере, если он выбирает жизнь в обществе, — не имеет права во имя своего личного удовлетворения и развития игнорировать других и жить в состоянии войны со своими ближними или эгоистически стремиться исключительно к личному благу. И когда мы говорим «не имеет права», то руководствуемся не общественной, моральной или религиозной точкой зрения, но точкой зрения в высшей степени очевидной и просто самим законом существования. Ибо ни общество, ни индивид не могут иначе развиваться на пути самореализации. Каждый раз, когда общество подавляет или уничтожает индивида, оно наносит ущерб себе самому и лишает свою собственную жизнь бесценных источников энергии и роста. Также и индивид не может достичь расцвета одними лишь собственными усилиями; ибо универсальное — объединение и сообщество ему подобных — является в настоящее время его опорой и источником его силы; именно возможности универсального человек реализует индивидуальным образом, даже когда поднимается выше настоящего уровня универсального и сам в своем феноменальном бытии является одним из его выражений. Упадок общества в конечном счете подрывает основы жизни индивида, а подъем первого способствует подъему последнего. Вот чему учит нас истинный субъективизм: во-первых, наше «я» выше нашего эго или нашей низшей природы; во-вторых, в нашей жизни и нашем существе мы есть не только мы сами, но и все прочие; существует некая общность людей, против которой наш эгоизм может восставать и бороться, но от которой нам никуда не уйти. Древней Индии принадлежит открытие того, что, во-первых, наше подлинное «Я» есть Верховное Существо, являющееся нашей истинной сутью, которое мы должны открыть в себе и которым должны сознательно стать, и, во-вторых, что это Существо, выраженное в индивиде и обществе, едино во всем, и только признавая и осуществляя наше единство с другими, мы можем полностью реализовать наше подлинное внутреннее бытие.

Человечество имело смутное общее представление об этих двух истинах применительно к индивиду, хотя предпринимало очень слабые и разрозненные попытки считаться с ними на практике и в девяти случаях из десяти старалось отойти от них — даже когда внешне частично провозглашало их справедливость. Однако эти истины применимы не только к индивиду, но и к нации. И вот в чем крылась первая ошибка германского субъективизма. Рассуждая об Абсолюте, индивидуальном и универсальном, Германия обращала взор в себя и видела, что в действительности, в реальной жизни, Абсолют (как ей казалось) выражает себя как эго, и, опираясь на заключения современной Науки, она видела в индивиде просто клетку коллективного эго. Значит, коллективное эго является величайшим реально существующим организованным выражением жизни, и именно ему все должно подчиняться, поскольку это будет лучше всего соответствовать Природе и способствовать ее эволюции. Великое человеческое сообщество существует, но в зачаточном и неорганизованном виде, и скорейшего его прогресса можно достичь, развивая наиболее эффективную из уже существующих форм коллективной жизни, т. е. на практике через рост, совершенствование и господство наиболее прогрессивных наций или одной наиболее прогрессивной нации — коллективного эго, которое лучше всех осуществило замысел Природы, и чья победа и господство являются потому волей Божией. Ибо все формы организованной жизни, все обладающие самосознанием эго находятся в состоянии войны — временами явной, временами скрытой, временами полной, временами частичной, — и выживание достойнейших в этой войне обеспечивает наивысший прогресс человечества. А какая нация была — по общему признанию, равно как и в собственном понимании Германии, — самой достойной, самой прогрессивной, деятельной, высококультурной и

наиболее полно реализующей себя, если не германская? Значит, реализация коллективного германского эго и обеспечение его роста и господства были одновременно верным законом разума, высшим благом для человечества и миссией великой и высшей германской расы.

Из этого эгоистического представления Германии о себе логически вытекал ряд положений, каждое из которых, взятое по отдельности, представляло ошибку ложного субъективизма. Во-первых, поскольку индивид является лишь клеткой сообщества, его жизнь необходимо полностью подчинить продуктивной жизни нации. Его необходимо сделать действительно полезным — нация должна позаботиться о его образовании, надлежащих средствах к существованию, тщательной профессиональной подготовке, об упорядочении его жизни и о контроле за его деятельностью — но как деталь социального механизма или послушное орудие Жизни нации. Инициатива должна исходить от сообщества, выполнение вменяется в обязанность индивиду. Но что представляет собой сообщество и каким образом оно может выразить себя не только как некая единица, обладающая самосознанием, но и как организованная и деятельная коллективная воля и самонаправляемая энергия? — Государство, вот в чем крылся секрет. Нужно сделать Государство совершенным, господствующим, всепроникающим, всевидящим, все-осуществляющим; только тогда коллективное эго сможет сконцентрироваться, обрести себя и достичь предельной силы, организованности и эффективности своей жизни. Таким образом Германия породила и упрочила ныне углубляющееся заблуждение, заключающееся в культе Государства, и систему постепенного подчинения индивида обществу, ведущую в конечном счете к полному его подавлению. Мы видим, чего она достигла: колоссальной коллективной силы, своего рода совершенства, научно обоснованного использования всех средств для достижения цели и высокого общего уровня экономической, интеллектуальной и социальной эффективности не говоря уже о громадной единовременной силе, которую придает человеку или народу блистательное осуществление великой идеи. А то, что она начала терять, пока еще мало заметно: всю ту глубинную жизнь, духовное видение, силу интуиции, силу личности, душевную мягкость и широту, которые свободный индивид приносит в качестве дара человечеству.

Во-вторых, поскольку Государство превышает всего, поскольку оно является представителем Божественного или высочайшей реально существующей формой организации человеческой жизни и имеет божественное право требовать послушания, безоговорочного повиновения и подчинять своим интересам всю деятельность индивида, служение Государству и сообществу является единственным абсолютным законом морали. Внутри Государства он может включать в себя и санкционировать все прочие нравственные законы, потому что здесь не допустим никакой мятежный эгоизм, поскольку индивидуальное эго должно раствориться в эго Государства или стать его частью, и любая возможность скрытого или явного противостояния должна быть устранена в согласии с соображениями общественного блага, определяемого общественной волей. Но в сфере отношений с другими Государствами, с другими коллективными эго, обычное состояние и действующий закон по-прежнему остаются состоянием и законом войны, борьбы между резко расходящимися эгоистическими интересами Государств, каждый из которых стремится осуществить себя, встречая препятствия и ограничения со стороны других на своем поле деятельности. Таким образом, единственная возможная позиция Государства в отношении других Государств — это состояние войны: войны вооруженной, войны торговой, войны идейной и культурной, войны коллективных личностей, каждая из которых жаждет господства или, по крайней мере, доминирующего положения и первенства в мире. Здесь не может идти речи ни о какой иной морали, кроме морали успеха, хотя претензия на мораль может оказаться полезной военной хитростью. В служении Государству, германскому сообществу, которое является высшим и подлинным «я» индивида, заключается дело каждого немца — не важно, на родине или в другой стране, — и все средства, способствующие достижению этой цели, оправданны. Безнравственны лишь неспособность, некомпетентность и неудача. В военное время оправдан любой метод действий, который ведет к военному успеху Государства, в

мирное время — любой метод действий, который подготавливает военный успех; ибо мир между народами есть лишь состояние скрытой войны. И как война является средством физического выживания и господства, так и торговля является средством экономического выживания и господства; на самом деле это лишь другой род войны, другой способ борьбы за жизнь: в первом случае это война физическая, во втором — витальная. А жизнью и телом, как уверяет нас Наука, исчерпывается все существование.

В-третьих, поскольку выживание лучших есть высочайшее благо для человечества и происходит оно за счет уничтожения слабых и ассимиляции менее слабых, покорение мира германской культурой есть прямой путь к прогрессу человечества. Но культура в таком понимании означает не просто уровень знания или систему убеждений, моральных и эстетических ценностей; культура есть жизнь, управляемая идеями, — но идеями, основанными на истинах жизни и организованными таким образом, чтобы сделать жизнь предельно эффективной. Поэтому все формы жизни, не способные воспринять эту культуру и достичь необходимой эффективности, следует уничтожить или подавить; все формы жизни, способные усвоить культуру, но не реализующие ее на практике, следует подчинить и ассимилировать. Но уровень способностей всегда определяется биологическим родом и видом, а в случае человечества — расой. Отсюда логически вытекает, что одна лишь тевтонская раса является полностью одаренной, и потому Германия должна поглотить все тевтонские расы и превратить их в часть германского сообщества; расы менее одаренные, но не вполне лишенные способностей, следует германизировать; прочие же, безнадежно деградировавшие (такие, как латинские народы Европы и Америки) или низшие по природе своей (как значительное большинство африканских и азиатских народов) необходимо, где возможно, переместить, как гереро, а где невозможно, поставить в зависимость, подвергнуть эксплуатации и обращению соответственно их низшей природе. Так будет осуществляться эволюция, так род человеческий будет двигаться к своему совершенству.

Не надо полагать, будто все немцы придерживались такой крайней точки зрения, как это слишком долго представлялось, или что большинство придерживалось ее сознательно; но достаточно того, чтобы активное меньшинство мыслителей и сильных личностей захватило власть над жизнью народа и внедрило в нее определенные тенденции, чтобы те восторжествовали на практике или по крайней мере вызвали общую тенденцию на уровне подсознания даже там, где сама мысль в действительности не внедряется в сознательный ум. Фактические события настоящего времени, похоже, показывают, что именно эти убеждения — частично сознательно, частично подсознательно или неосознанно воспринял коллективный германский ум. Легко высмеять прямолинейность этой ужасающей логики или сурово раскритиковать ее доводы, опираясь на идеи и истины, которые она оставила без внимания, и еще легче отвернуться, испугаться, возненавидеть и резко отвергнуть ее, в то же время на практике в собственных действиях руководствуясь — не столь явно, последовательно и смело — ее принципами. Но полезней начать с понимания, что за этой логикой стояла и стоит великая искренность, в которой кроется секрет ее силы, а в ее заблуждениях есть своего рода извращенная честность; то искренность, с которой Германия старается прямо смотреть на собственное поведение и явления жизни, и честность, с которой она провозглашает подлинные принципы этого поведения и не утверждает другие (за исключением случаев дипломатической необходимости) лишь на словах, вместе с тем пренебрегая ими на деле. И если этому германскому идеалу суждено рухнуть — не просто временно, на поле боя и в коллективном сознании нации или наций, его провозглашающих, как это преждевременно произошло в мировой войне, но в сознании человека и в жизни человеческой расы, то тем, кто придет к лучшему закону существования, потребуется равная искренность и неизвращенная честность.

Совершенно очевидно, что германское учение имеет два аспекта, внутренний и внешний: культ Государства, нации или сообщества и культ интернационального эгоизма. В первом отношении Германия, пусть даже и потерпевшая временное поражение на поле боя, похоже, уже обеспечила себе победу в моральном сознании человечества. Тенденция к

беспощадному принуждению (противоположная тенденции помощи индивиду со стороны Государства) — конечно же, ради его личного и общего блага, ибо кто открыто признает, что принуждает во вред? — почти повсюду либо преобладает, либо постепенно усиливается и укрепляется в общественном сознании; поборники индивидуальной свободы сегодня представляют собой потерпевшую моральное поражение редущую армию, которая может сражаться лишь в надежде на будущую победу или в расчете спасти от гибели хотя бы часть своих принципов. Что касается внешнего аспекта — международных отношений, — то борьба идей по-прежнему продолжается, но она с самого начала не обещала ничего хорошего; и теперь, когда физическая война с ее первыми психологическими последствиями, осталась позади, мы уже можем увидеть, какой оборот, скорее всего, примут события. Война — опасный наставник, и физическая победа зачастую ведет к моральному поражению. Германия, потерпевшая поражение в войне, победила после войны; германское учение, возродившееся в более суровом и яростном воплощении, угрожает распространиться по всей Европе.

Если мы не хотим обманывать себя, необходимо заметить, что даже в этой области Германия просто привела в систему некоторые реально существующие сильные тенденции и принципы международной деятельности, исключив все, что либо пыталось противостоять им, либо действительно их видоизменило. Если международными отношениями должен управлять священный эгоизм (а выражение это сошло не с тевтонских уст), тогда трудно отрицать силу позиции, занятой Германией. Теория о низших и деградировавших расах была громко провозглашена иными, не немецкими, мыслителями и определила — с любыми оговорками, сделанными для успокоения совести, — общую практику военного превосходства и экономической эксплуатации слабых сильными; все, что сделала Германия, — это попыталась шире распространить и последовательней осуществить свою теорию и применить ее к европейским, а равно к азиатским и африканским народам. Даже суровость и беспощадность ее методов ведения войны, колониального подавления или внутренних политических репрессий, — если даже посмотреть на них с худшей стороны, ибо многие некогда выдвинутые против Германии обвинения оказались и были признаны умышленной ложью, сфабрикованной ее врагами, лишь свидетельствовали о кристаллизации определенных новых тенденций возрождения древней и средневековой жестокости в человеческой расе. Массовые убийства и зверскую жестокость в войне (и даже оправдание их) под предлогом военной необходимости и в ходе торговой эксплуатации или подавления мятежей и беспорядков совсем недавно мы наблюдали на других континентах, не говоря уже о некоторых окраинах Европы. С одной стороны, хорошо, что человечеству наглядно представлены жуткие последствия, порожденные этой логикой в ее предельном развитии: при виде зла, лишенного всех покровов, человеческая совесть вынуждена будет сделать выбор между добром и злом вместо того, чтобы колебаться между ними. Горе человечеству, если оно заглушает голос своей совести и оправдывает свой животный эгоизм старыми доводами; ибо боги уже показали, что с Кармой шутить не стоит.

Однако корень всех заблуждений Германии кроется в том, что она ошибочно приняла свои жизнь и тело за свое «я». Говорят, что это учение знаменует собой просто возвращение к древней варварской религии Одина; но это неправда. Это новое и современное учение, появившееся в результате применения метафизической логики к выводам материалистической Науки и философского субъективизма — к объективистскому прагматическому позитивизму современной мысли. Точно так же, как в деле реализации своего общественного субъективного существования Германия воспользовалась индивидуалистической позицией, она воспользовалась и материалистической и виталистической мыслью последнего времени и вооружила ее субъективистской философией. Так она пришла к усеченному кредо — объективистскому субъективизму, — который не имеет ничего общего с подлинной целью субъективистского века. Чтобы выявить эту ошибку, необходимо понять, в чем заключается истинная индивидуальность человека и нации. Она заключается не в их физической, экономической или даже культурной

жизни, которые являются лишь средствами и дополнениями, но в чем-то более глубоком, уходящем корнями не в эго, но в «Я» — с той разницей, что благо каждого субъекта, существующего в условиях равноправия, а не борьбы и превосходства, соотносится с благом всего остального мира.

Глава VI. Объективистский и субъективистский взгляды на жизнь

Принцип индивидуализма есть свобода человека как самостоятельного существа развиваться и осуществлять свою жизнь, реализовывать свои ментальные устремления, удовлетворять свои эмоциональные и витальные потребности и устраивать физическое бытие в согласии со своими желаниями, управляемыми рассудком; данный принцип не допускает никаких ограничений этого права и свободы человека, кроме обязанности уважать такую же индивидуальную свободу и право других людей. Равновесие между этой свободой и этой обязанностью является тем принципом, который принял индивидуалистический век в своем преобразовании общества. В качестве принципа организации как личной, так и общественной жизни он принял гармонию компромиссов между правами и обязанностями, свободой и законом, дозволенным и недозволенным. Подобным образом индивидуалистический век провозгласил идеал свободы и в жизни наций и стремился — пусть с меньшим успехом, чем в сфере индивидуальной жизни, — утвердить принцип взаимного уважения к свободе друг друга в качестве нормы межнациональных отношений. Согласно этой идее жизни, каждая нация, как и индивид, имеет неотъемлемое право свободно управлять своими собственными делами — или, если ей угодно, свободно пренебрегать ими — и не опасаться за свои права и свободы до тех пор, пока она сама не ущемляет прав и свобод других наций. Но на деле эгоизм индивида и нации не желает оставаться в этих рамках; поэтому общественный закон нации был призван укрепить нарушенный принцип в сфере межличностных отношений, и точно так же и с той же целью предпринимались попытки развить международное право. Влияние этих идей сильно до сих пор. В последнем межнациональном конфликте в Европе свобода наций была провозглашена идеалом, во имя которого и велась война, — вопреки тому очевидному факту, что она началась вследствие обычного столкновения интересов. Развитие международного права и превращение его в действенную силу, способную обуздать эгоизм наций, как общественный закон обуздывает эгоизм индивидов, является тем решением проблемы, которое по-прежнему кажется наиболее привлекательным и реальным для большинства наций, пытающихся найти способ разрешения конфликтов в будущем.

Тем временем современная Наука в ходе своего развития породила новые идеи и тенденции: с одной стороны — крайний индивидуализм, или, скорее, виталистический эгоизм, с другой — совершенно противоположный ему идеал коллективизма. В своем исследовании жизни Наука открыла, что в основе всякого существования лежит борьба за максимально выгодное использование окружающей среды с целью самосохранения, самоосуществления и саморасширения. Человеческая мысль, ухватившись в своей обычной произвольной и категоричной манере за этот аспект современного знания, основала на нем новые теории, которые возвели в ранг непреложного закона право каждого жить своей собственной жизнью, не просто используя других, но даже за счет других. Согласно этому взгляду, главная цель жизни для инди-вида заключается в том, чтобы выжить любой ценой, достичь силы, эффективности, могущества, подчинить своей власти окружающую среду и своих ближних, максимально развить свои способности, следуя этой жесткой и эгоистичной линии поведения, и извлечь из жизни все доступное наслаждение. Философские системы вроде ницшеанства, некоторых форм анархизма (не идеалистического философского анархизма, который является, скорее, старым индивидуализмом идеалистического разума, доведенным до своего логического завершения), а также некоторые формы империализма испытали значительное влияние такого рода идей и нашли в них поддержку, хотя в действительности были порождены не ими.

С другой стороны, в своем исследовании жизни Наука открыла и то, что наибольшую безопасность и эффективность индивидуальной жизни обеспечивают объединение с другими и подчинение закону общественного саморазвития, а не агрессивное самоутверждение, более того, Природа в действительности стремится сохранить вовсе не индивида, но род, и в ее системе ценностей стая, стадо, улей или муравейник важнее отдельного животного или насекомого, а человеческий коллектив важнее индивида. Поэтому, в согласии с подлинным законом и природой бытия, индивид должен жить для всех, постоянно подчиняться обществу и жертвовать собой ради роста, эффективности и прогресса всего человечества, а не жить ради собственного самоосуществления и подчинять жизнь человечества своим личным нуждам. Современный коллективизм черпает свою победоносную силу в понятиях, внушенных человеческому уму этим аспектом современного знания, противоположным первому. Мы уже видели, как германский ум воспринял обе эти идеи и объединил их на базе современных явлений человеческой жизни. С одной стороны, он утвердил принцип полного подчинения индивида сообществу, нации или Государству; с другой — с равной силой утвердил эгоистическую свободу отдельной нации отстаивать свои права в ущерб другим нациям, любому союзу наций или всем союзам, которые составляют человечество в целом.

Но за этим конфликтом между идеей националистического и имперского эгоизма и старым индивидуалистическим учением об индивидуальной и национальной свободе и независимости зреет новая идея человеческого единства или мирового коллективизма, которая (если она сумеет стать действенной силой) скорее всего победит идею национального сепаратизма и свободы так же, как внутри сообщества она победила идеал индивидуальной свободы и независимого самоосуществления. Эта новая идея требует, чтобы нация подчинила свою свободу и независимость жизни более великой общности (если не слилась с ней и не принесла себя в жертву) — будь то имперский союз, объединение стран одного континента или культурный союз, как это предполагает идея объединенной Европы или объединенного человечества.

Принцип субъективизма, утверждаясь в сознании и деятельности человека, обязательно должен сильно изменить наше видение, мотивацию и сам образ жизни, но поначалу эти изменения практически не заметны. Субъективизм и объективизм исходят из одних и тех же данных: это индивид и коллектив, их сложная природа, разнообразные силы ума, жизни и тела и поиск закона их самоосуществления и гармонии. Но объективизм, развиваемый аналитическим умом, придерживается поверхностного и механистического взгляда на проблему в целом. Он смотрит на мир как на некую вещь, объект, процесс, которые довлжно наблюдать и изучать с помощью ума, который мысленно отделяет себя от составных частей и целого, подлежащих рассмотрению, и таким образом наблюдает их со стороны — как человек наблюдает за работой сложного механизма. Законы этого процесса объективизм сводит к множеству механистических правил или неизменных сил, воздействующих на индивида или группу, которые — когда они выявлены и распознаны разумом — следует волей человека или какой-либо иной волей упорядочить и применить к действительности точно так же, как применяет открываемые ею законы Наука. Эти законы или правила навязываются индивиду силой его собственного абстрактного разума и воли, отчужденных, как верховная власть, от других частей его природы, либо силой разума и воли других индивидов или группы; и они навязываются самой группе либо силой ее собственного коллективного разума и воли, воплощенных в некой системе управления и контроля, которую ум мыслит отдельно от жизни группы, либо силой разума и воли какой-нибудь другой группы, которая существует вне первой или включает ее в себя. Таким образом, современная политическая мысль видит в Государстве некий организм, существующий сам по себе, — словно оно существует отдельно от общества и составляющих его индивидов и имеет право диктовать им свою волю и контролировать их деятельность в ходе реализации некой идеи справедливости, блага или пользы, навязанной им силой ограничения и принуждения, а не развитой в них и через их усилия как цель, к которой всегда стремится в своем росте их внутреннее «я» и природа. Жизнь следует направлять, приводить в гармонию

и совершенствовать посредством регулировки, приспособления друг другу ее составных частей, механизации, в процессе которых она формируется. Закон, существующий вне и независимо от субъекта (даже тогда, когда его открывает или определяет индивидуальный разум и принимает или подкрепляет индивидуальная воля) — вот главная идея объективизма; механический процесс управления, организации, совершенствования — вот объективистская концепция практической жизни.

Субъективизм исходит из внутреннего мира и рассматривает все с точки зрения всеохватывающего развивающегося самосознания. Закон находится внутри нас. Жизнь является процессом самосозидания, роста и развития, где нам сначала подсознательно, затем полусознательно и наконец сознательно открывается то внутреннее «я», которое мы собой представляем в потенции и которое сохраним в себе; принцип развития этого процесса заключается во все более глубоком распознавании этого «я», его реализации и, на основании этого, самоформировании. Разум и воля являются лишь действительными орудиями внутреннего «я»: разум есть процесс распознавания «я», воля есть сила его самоутверждения и самоформирования. Более того, разум и интеллектуальная воля являются лишь частью тех средств, с помощью которых мы познаем и осуществляем себя. Субъективизм склонен придерживаться широкого и сложного взгляда на человеческую природу и существование и признавать многие виды знания, многие реализующие силы. Мы видим даже, что в своем отходе от внешнего и объективного метода исследования на первых порах он не доверяет разуму и умаляет значение его деятельности, провозглашая главенство жизненного импульса или природной «воли к жизни» в противоположность притязаниям интеллекта, или же утверждая способность более глубокого познания, ныне получившую название интуиции, которая видит вещи в целом, в их истинной и сокровенной сущности и гармонии, в то время как интеллектуальный разум расчленяет, фальсифицирует, утверждает поверхностное и внешнее и способен привести все в гармонию только методом механического приспособления. Но в целом под интуицией субъективизм подразумевает скорее самосознание, ощущение, восприятие, постижение своей сути и разных ее аспектов, нежели умственный анализ своей собственной истины, природы и возможностей. Вся энергия субъективизма направлена на то, чтобы постичь свое «я», жить в этом «я», видеть через свое «я», осуществлять истину своего «я» в мире внутреннем и внешнем, всегда повинаясь внутреннему побуждению и глубинному импульсу.

Но по-прежнему остается вопрос: что такое это «я», где оно пребывает на самом деле? И здесь субъективизму приходится иметь дело с теми же факторами, что и объективистскому взгляду на жизнь и бытие. С одной стороны, мы можем сосредоточиться на индивидуальной жизни и индивидуальном сознании, приняв их за «я», и видеть цель жизни в его силе, свободе, восхождении к свету, удовлетворении и радости — и таким образом прийти к субъективному индивидуализму. С другой стороны, мы можем взять за основу общественное сознание, коллективное «я»; мы можем видеть в человеке лишь выражение этого общественного «я», неизбежно неполное в индивидуальном или изолированном существовании и обретающее полноту только в жизни сообщества, и, возможно, мы будем склонны подчинить жизнь отдельной личности человечеству ради роста его силы, эффективности, знания, счастья, самоосуществления или даже принести личность в жертву и видеть в ней какой-то смысл лишь до той поры, пока она служит жизни и развитию общности или рода. Возможно, мы потребуем подвергнуть индивида справедливому притеснению и объяснить ему теоретически и на практике, что он не имеет никакого права на существование и самоосуществление, кроме как в сфере своих отношений с обществом. Следовательно, только лишь эти отношения и должны определять мысли, действия и бытие индивида, а его притязания на закон своего собственного существования, закон своей собственной природы, который он вправе реализовывать, а также его требование свободы мысли, неизбежно подразумевающей свободу заблуждаться, и свободы действия, неизбежно подразумевающей свободу оступаться и грешить, можно считать дерзостью и несбыточной мечтой. Тогда коллективное самосознание будет иметь право в любой момент вторгаться в

жизнь индивида, отказывать ему в праве на уединенность и обособленность, на самосозерцание и самоизоляцию, на независимость и самоуправление и решать все за него, руководствуясь тем, что представляется ему разумнейшей мыслью и высочайшей волей общества, справедливо преобладающим в нем чувством, тенденцией, осознанной потребностью и стремлением к самодовольствованию.

Но мы можем также расширить идею «я» (подобно тому, как объективная Наука видит в универсальной силе Природы единственную реальность, а во всем остальном — проявления этой силы) и прийти в результате внутренних поисков к осознанию универсального Существа или Бытия, которое реализует себя в мире, а индивида и коллектив беспристрастно рассматривать как равноправные силы его самовыражения. Очевидно, именно такое самопознание, скорее всего, окажется правильным, поскольку оно наиболее широко охватывает и наиболее полно объясняет различные аспекты мирового процесса и тенденции, неизменно присутствующие в жизни человечества. В таком видении идеалом не может быть ни обособленный рост индивида, ни всепоглощающий рост коллектива — но равное, одновременное и, насколько возможно, параллельное развитие обоих, в ходе которого они помогают друг другу осуществиться. Каждое существо имеет свою истину независимой самореализации и свою истину самореализации в жизни других и должно своим сочувствием, желанием, содействием — по мере роста своего сознания и силы — принимать все большее участие в гармоничном и естественном развитии всех индивидуальных и всех коллективных «я», составляющих это единое универсальное Существо. Индивидуальное и коллективное развитие при правильном подходе представляют собой не отдельные, противоположные или даже противодействующие друг другу тенденции, но порожденные единым импульсом одного общего существования родственные движения, которые разделяются только для того, чтобы вновь повернуть навстречу друг другу и к взаимной пользе образовать более плодотворное и великое единство.

Подобным образом в своих поисках «я» субъективизм, как и объективизм, может преимущественно склоняться к отождествлению «я» с сознательной физической жизнью, поскольку тело является или кажется вместилищем ментальных и витальных сил и способностей, определяющим их развитие. Он может также отождествить «я» с витальным существом, с заключенной в нас жизнью-душой и ее эмоциями, желаниями, побуждениями, стремлением к силе и росту и эгоистическим самоосуществлением. Или же он может подняться до понимания человека как ментального и морального существа, поставить на первое место его внутренний рост, силу и совершенствование в индивидуальной и общественной жизни и объявить это подлинной целью нашего существования. Может возникнуть и некая разновидность субъективного материализма, прагматичного и занятого внешним миром; но здесь субъективистская тенденция не может сохраняться долго. Ибо природа субъективизма заключается в вечном движении от внешнего к внутреннему, и он только тогда начинает ощущать себя и получать удовлетворение от своей деятельности, когда приходит к внутренней полностью сознательной жизни и чувствует всю ее силу, радость и великие потенциальные возможности, требующие осуществления. На этой стадии развития человек сознает себя как глубинную витальную «волю к жизни», которая использует тело в качестве своего орудия, а силы разума — в качестве своих слуг и помощников. Это образец того витализма, который в разнообразных и ярких формах недавно играл столь важную роль в жизни и до сих пор оказывает значительное влияние на человеческую мысль. За этим витализмом мы приходим к субъективист-скому идеализму, ныне возникающему и набирающему силу, который утверждает осуществление человека как удовлетворение его глубочайшей религиозной, эстетической, интуитивной, высочайшей интеллектуальной и этической, сокровенной душевной и эмоциональной природы и, видя в нем полноту и весь смысл нашей жизни, старается подчинить ей наше физическое и витальное существование. Физическая и витальная жизнь предстают здесь как возможные проявления и орудия субъективной жизни, выливающейся в определенные формы, и утрачивают самостоятельную ценность. Этому новому движению — новому для

современной жизни после эпохи господства индивидуализма и объективистского интеллектуализма — свойственна известная склонность к мистицизму, оккультизму и поискам «Я», не зависящего от жизни и тела; эта склонность яснее обнаруживает истинное направление и характер данного движения.

Однако и здесь субъективизм может пойти дальше и открыть подлинное «Я» в чем-то более великом, чем даже разум. Тогда разум, жизнь и тело становятся просто орудиями, служащими все более полному выражению этого «Я» в мире орудиями не равноценными по значению, но равно необходимыми для целого, так что их абсолютное совершенство, гармония и единство как составляющих частей нашего самовыражения становятся существенно необходимыми для достижения подлинной цели нашей жизни. И все же цель эта будет состоять не в совершенствовании жизни, тела и разума ради них самих, но в их развитии таким образом, чтобы превратить их в прочное основание и идеальные средства для проявления в нашей внутренней и внешней жизни светящегося «Я», сокровенного Божества, которое едино и все же разнообразно во всех нас, в каждом существе и бытии, вещи и живом создании. Идеал человеческого существования — личного и общественного — будет заключаться в постепенном превращении жизни в сознательный расцвет радости, силы, любви, света, красоты трансцендентного и универсального Духа.

Глава VII. Идеальный закон общественного развития

Подлинный закон нашего развития и весь смысл нашей общественной жизни ясно предстанут перед нами лишь тогда, когда мы поймем не только то, что представлял собой человек в своей прошлой физической и витальной эволюции (как это сделала современная Наука), но и каковы его будущее ментальное и духовное предназначение и его место в циклах Природы. Именно по этой причине субъективистские периоды человеческого развития всегда бывают много плодотворней и созидательней прочих. В другие периоды человек либо сосредоточивается на какой-то внешней стороне, образе или форме внутренней реальности, которую старается проявить в нем Природа, либо механически следует ее движущей силе или формирует себя по некоему шаблону, заданному ее внешними влияниями; на этой же стадии развития в своем субъективном обращении к внутреннему миру человек вновь возвращается к себе, к основам своего существования и своим бесконечным возможностям, и перед ним постепенно открывается перспектива нового и совершенного самосозидания. Он видит свое истинное место в Природе и осознает величие своего предназначения.

Существование есть бесконечная и потому не поддающаяся четкому определению и не имеющая границ Реальность, которая выражает себя во многих значениях жизни. Сначала она проявляет себя — по крайней мере в сфере нашего существования — в материальном образе, как облеченная в форму твердая субстанция, в пределах и на основании которой она может созидать, т. е. как миры, земля, тело. Здесь она прочно запечатлевает и устанавливает главный закон своего развития. Этот закон заключается в том, что все вещи едины в своем бытии и первооснове, едины в общем законе существования, взаимозависимы и едины в универсальной схеме своих взаимоотношений; но каждая реализует это единство предназначения и существования, следуя своей собственной линии развития и подчиняясь своему собственному закону вариации, тем самым обогащая универсальное бытие. В Материи вариативность ограничена; это вариативность типа, в пределах которого в целом сохраняется единообразие особей. Каждая особь следует своей независимой линии развития, но общее направление движения остается для всех одним; несмотря на некоторые незначительные отличия друг от друга, все особи типа имеют характерные, присущие всем черты и общий для всех набор качеств. Разнообразие в пределах типа (если оставить в стороне отдельные несущественные отклонения от нормы) достигается за счет вариации подтипов — групп, относящихся к одному общему классу, т. е. видов и подвидов одного рода. В эволюции Жизни, пока ум не достигает самосознания, господствует тот же закон; но

с развитием жизни, и особенно с появлением разума, индивид также обретает более широкую и более витальную способность вариации. Он получает свободу развиваться в согласии с общим законом Природы и общим законом своего типа, но также и в согласии с индивидуальным законом своего существования.

Человек, ментальное существо Природы, особенно отличается от ее менее развитых творений — большей способностью сохранять индивидуальность, способностью высвобождать ментальное сознание, которое в конце концов дает ему возможность все больше и больше понимать себя и свой закон существования и развития, способностью высвобождать ментальную волю, дающую ему возможность под незримым управлением универсальной Воли все более эффективно распоряжаться средствами и контролировать направления своего развития, и способностью в конечном счете выйти за пределы самого себя, своей ментальной структуры и открыть свое сознание тому началу, из которого происходят ум, жизнь и тело. Он может даже прийти к максимально возможному достижению обрести, пусть в настоящее время и не в полной мере, некое сознание Реальности, которая является его подлинным существом, и столь же сознательно овладеть (что недоступно больше никаким творениям земной Природы) «Я», Идеей, Волей — составными частями своего существа — и, следовательно, стать хозяином собственной природы, а со временем — властителем Природы, а не просто борцом с ее подавляющим влиянием, каким является ныне. Сделать это, прийти через ум, и выйдя за пределы ума, к «Я», Духу, который выражает себя во всей Природе, и, объединив с ним свое бытие, силу, сознание, волю и знание, овладеть одновременно на человеческом и божественном уровне (согласно закону и природе человеческой жизни, но человеческой жизни, реализуемой в Боге и реализующей Бога в мире) и самим собой, и миром — вот предназначение человека и цель его индивидуального и общественного бытия.

Это осуществляется прежде всего через индивида; именно для этой цели человек стал индивидуальной душой — чтобы Единое могло найти и проявить Себя в каждом человеческом существе. Конечно, индивиду не достичь этой цели одной своей ментальной силой, не получающей поддержки. Он нуждается в помощи сокровенного Божественного, находящегося за пределами его ментальной сферы, в его сверхсознательном «я»; он нуждается также в помощи сокровенного Божественного, присутствующего вокруг него в Природе и окружающих людях. Все в Природе служит для человека поводом развить свои божественные силы, и он имеет известную относительную свободу использовать или упустить эту возможность, хотя в конечном счете результатами и должного, и недолжного использования им своих ресурсов универсальная Воля распоряжается таким образом, чтобы в конце концов содействовать развитию его закона существования и реализации его предназначения. Вся окружающая человека жизнь помогает ему в движении к скрытой в нем божественной цели; каждый человек является его товарищем по работе и помогает ему — либо в качестве единомышленника и союзника, либо в качестве соперника и противника. Он выполняет свое предназначение не как индивидуальный Человек, действующий ради одной лишь своей индивидуальной души (ибо личным спасением души не исчерпывается его идеал), но как Человек, работающий также и для всего мира или, точнее, для Бога в мире, Бога во всех, равно как и надо всеми, а не только для Бога исключительно в нем одном, независимо от других. Причем это предназначение осуществляется на самом деле не напряжением личной обособленной индивидуальной Воли, но через усилие универсальной Воли в ее движении к конечной цели циклов развития.

Следовательно, целью для всякого общества должно стать — и будет становиться по мере приближения человека к полному, а не частичному, как ныне, осознанию своего истинного существа, природы и предназначения во-первых, создание таких условий жизни и роста, при которых индивидуальный Человек (не отдельная группа, класс или привилегированная раса, но каждый индивид в соответствии со своими способностями) и весь род человеческий (через рост составляющих его индивидов) смогут двигаться к этому божественному совершенству. И, во-вторых, когда все человечество в целом по мере своего

роста будет все полнее воплощать некий образ Божественного в жизни, и все больше и больше людей будет приходить к этому (ибо циклов развития много, и каждому циклу свойственно свое представление об образе Божественного в человеке), эта цель будет заключаться в том, чтобы выразить в общей жизни рода человеческого свет, силу, красоту, гармонию, радость того «Я», которое достигнуто и широко изливается в более свободное и более благородное человечество. Свобода и гармония суть два необходимых принципа разнообразия и единства — свобода индивида, группы, расы, согласованная гармония сил одного индивида и усилий всех индивидов, составляющих группу, все группы расы и все расы человеческого рода, — и эти принципы являются двумя условиями здорового прогресса и успешного достижения цели. На протяжении всей своей истории человечество предпринимало бессознательные и полусознательные попытки выполнить эти условия и объединить их — поистине сложная задача, если учесть, насколько несовершенно человек ее понимает и насколько неуклюже и механистически пытается ее решить на основе разума и желаний; она не получит удовлетворительного разрешения, пока через самопознание и обретение господства над собой человек не достигнет духовного и психического единства с себе подобными. Чем яснее мы будем сознавать необходимые условия развития, тем более светоносным и спонтанным будет наше продвижение к цели, и чем отчетливей будет вырисовываться перед нами наша цель, тем лучше мы будем сознавать необходимые условия развития. Человеческое «Я», несущее все большие знание и свет и приводящее волю в гармонию с ними, чтобы осуществить в жизни все, что постепенно открывается человеку в его видении и мысленном образе «Я», — вот источник человеческих сил, закон человеческого развития и тайна человеческого стремления к совершенству.

Человечество на земле является единым главным самовыражением универсального Существа в Его космическом самораскрытии; человек выражает в условиях земного мира, в котором он обитает, — ментальную силу универсального существования. Все человечество едино по своей природе физической, витальной, эмоциональной, ментальной — и всегда было единым, несмотря на все различия в интеллектуальных уровнях — от неразвитого бушмена и негроида до представителя высокоразвитых культур Азии и Европы; и как единая человеческая общность все человечество имеет одно предназначение, которое оно стремится осуществить и к выполнению которого неуклонно приближается, совершая циклическое движение — то восходящее, то нисходящее на протяжении бесчисленных тысячелетий истории. Ни одно блистательное свершение отдельной расы или нации, ни одна их победа в смысле новых завоеваний, духовных озарений, интеллектуальных достижений или установления власти над окружающей средой не имеет какого-либо непреходящего значения или ценности, пока не добавляет, не возвращает или не сохраняет что-то полезное для человечества на этом пути. Движение к цели, которую древние индийские писания провозглашают подлинной целью всякой человеческой деятельности, локасанграха, поддержание целостности человечества в ходе его циклической эволюции, — всегда остается смыслом всех наших действий, понимаем мы это или нет.

Но в пределах этой общей природы и общего предназначения человечества каждый отдельный человек должен двигаться к общей цели путями, предопределенными его собственной природой, и достигать своего максимально возможного совершенства через внутренний рост. Только таким образом сама человеческая раса сможет достичь какой-либо подлинной, живой и глубокой реализации. Этого нельзя добиться грубым, тяжеловесным, механическим принуждением масс; коллективное «я» не имеет права рассматривать индивида как всего лишь клетку своего тела, кирпичик своего здания, пассивное орудие своей общественной жизни и роста. Человечество устроено иначе. Мы не постигнем божественную реальность в человеке и тайный смысл человеческой жизни, если не увидим, что каждый отдельный человек является этим «Я» и в своем собственном существовании заключает все потенциальные возможности человечества. Эти потенциальные возможности он должен выявить, развить и осуществить изнутри. Никакое Государство, законодатель или реформатор не вправе безжалостно кроить человека по некоему идеальному образцу;

никакая Церковь или священнослужитель не могут дать ему автоматического спасения; никакой строй, классовая жизнь или идеал, никакая нация, цивилизация или доктрина, никакая этическая, социальная или религиозная Шастра не вправе постоянно говорить ему: «Таким-то образом, мной указанным, ты будешь действовать и до такого-то уровня будешь развиваться, а действовать иначе и развиваться дальше тебе не позволено». Все они могут временно помогать человеку или сдерживать его; и по мере своего роста он сначала использует, а потом превосходит их, воспитывает и обучает благодаря им свою индивидуальность, но в конце концов всегда утверждает ее в ее божественной свободе. Он вечно странствует по виткам циклов, и путь его ведет вверх.

Действительно, его жизнь и становление совершаются во имя всего мира, но помогать миру своей жизнью и становлением он начинает только по мере того, как все более свободно и широко отождествляется со своим подлинным «я». Действительно, человек должен использовать идеалы, учения, системы взаимодействия, которые встречается на своем пути; но по-настоящему — верным способом и по подлинному их назначению — он сможет воспользоваться ими лишь в том случае, если они являются для его жизни средствами движения к некой цели, лежащей за их пределами, а не грузом, который должно нести ради него самого, или некими деспотическими системами контроля, которым он должен подчиняться как раб или послушный подданный; ибо, хотя законы и учения имеют особенность быть тиранами человеческой души, единственное их назначение состоит в том, чтобы быть ее орудиями и слугами, и когда необходимость в них отпадает, их следует отвергать и уничтожать. Правда и то, что человек должен набираться опыта, обращаясь к уму и жизни окружающих людей, и извлекать наибольшую пользу из опыта человечества прошлых веков, а не ограничивать себя узкими рамками собственного мировоззрения; но пре-успеть в этом он сможет лишь тогда, когда сделает все найденное своей собственностью, усвоив его и приведя в гармонию с собственной природой и подчинив зову будущей жизни, все шире раздвигающей свои горизонты. Свобода, которой требовал мятежный человеческий ум для индивида, есть не просто эгоистический вызов и бунт, каким бы эгоистическим путем эта свобода порой ни достигалась и сколь бы односторонне и неверно ни использовалась — это божественный инстинкт человеческой природы, закон «Я», его требование пространства и единственное главное условие его естественного самораскрытия.

Индивид принадлежит не только человечеству в целом, его природа представляет собой не только вариацию человеческой природы в целом — он принадлежит также к определенной расе, определенному классу, определенному ментальному, витальному, физическому, духовному типу, и в этом отношении он сходен с одними и отличается от других. По принципу этого сходства человек стремится объединиться с себе подобными в церквях, сектах, общинах, сословиях, товариществах, ассоциациях, жизни которых он помогает, и с их помощью обогащает как свою жизнь, так и жизнь крупной экономической, социальной и политической группы или общности, к которой принадлежит. В нынешнее время такой общностью является нация. Своим вкладом в национальную жизнь (хотя и не только этим) человек помогает общей жизни человечества в целом. Но следует заметить, что он не ограничен и не может быть ограничен рамками ни одного из этих сообществ; он является не просто аристократом, купцом, воином, священнослужителем, ученым, художником, земледельцем или ремесленником, не просто религиозным, общественным или политическим деятелем. Равно он не может быть ограничен рамками своей нации; он является не просто англичанином, французом, японцем или индийцем; если одной частью своего «я» он принадлежит нации, то другой частью превосходит ее и принадлежит человечеству. Но даже тогда остается часть его «я», величайшая из всех, которая превосходит и человечество; благодаря ей он принадлежит Богу, миру всех созданий и божествам будущего. Человеку действительно свойственна тенденция к самоограничению и подчинению окружающей среде и общности, но ему также свойственна и равно необходимая тенденция к росту и выходу за пределы окружающей среды и любых объединений. В животном мире индивид находится в полной зависимости от своего рода и, если собирается

в стаю, подчиняется своей стае; человеческий индивид уже отчасти начал причащаться бесконечности, сложности, безграничной многоликости того «Я», которое мы видим проявленным в мире. Или, по меньшей мере, у него есть такая возможность, даже если в его упорядоченной поверхностной природе пока признаков этого незаметно. Здесь речь идет не о принципе простой бесформенной текучести; речь идет о стремлении человека обогатить себя по возможности большим материалом, который постоянно привносится, постоянно усваивается и перерабатывается в средство его роста и божественного развития в согласии с законом его индивидуальной природы.

Таким образом, общность занимает промежуточное положение между индивидом и человечеством и существует не только ради себя самой, но также ради первого и второго, помогая им осуществить друг друга. Индивид должен жить в человечестве, равно как человечество — в индивиде; но человечество является или являлось слишком крупным сообществом, чтобы средний ум мог его и осознавать как свое, и глубоко чувствовать; даже если человечество превратится в поддающуюся управлению единицу жизни, промежуточные группы или общности должны будут по-прежнему сохраниться, чтобы выражать различия в общей массе и сосредоточивать и объединять разнообразные тенденции в пределах единого человеческого сообщества. Поэтому на какое-то время общность должна оставаться для индивида заменой человечеству даже ценой того, что она будет стоять между первым и вторым, сдерживая стремление человека к универсальности и всеобъемлющей любви. И все же категоричное притязание общности, общества или нации на то, чтобы сделать свой рост, совершенствование и величие единственной целью человеческой жизни или существовать только ради себя в ущерб индивиду и остальному человечеству, установить деспотичную власть над первым и провозгласить законом своих действий в мире враждебное самоутверждение (неважно, агрессивное или защитное) в ущерб второму — а не временной необходимостью, какая, к сожалению, есть в наше время, — такая позиция обществ, рас, религий, общин, наций и империй является явным заблуждением человеческого разума точно так же, как требование индивида жить эгоистически ради себя самого является заблуждением и искажением истины.

Истина, ныне искаженная и превращенная в это заблуждение, едина для общности и для индивида. Нация или общность являются формой коллективной жизни, которая выражает «Я» согласно общему закону человеческой природы, а также способствует развитию и частично реализует предназначение человечества в своем собственном развитии и осуществлении своего собственного предназначения — согласно закону своего существования и природе своей коллективной индивидуальности. Так же, как индивид, нация или общность имеет право быть самой собой и справедливо требует-выступая против любой попытки других наций установить над ней господство или против любой излишне сильной тенденции к единообразию в рамках всего человечества и строгой регламентации жизни, представляющей угрозу для ее независимого развития, — права защищать свое существование, быть самой собой и настаивать на развитии согласно сокровенной Идее, в ней содержащейся, или, как мы говорим, согласно закону собственной своей природы. Это право она должна утверждать не только ради себя самой и даже главным образом не ради себя самой, но в интересах всего человечества. Ибо единственным подлинным нашим правом является право требовать тех условий, которые необходимы для нашего свободного и здорового роста, и, опять же, это является нашим правом потому, что так необходимо для развития всего человечества и для осуществления его предназначения.

Это право быть собой не означает для нации или общности (как и для индивида), что она должна свернуться в клубок, подобно ежу, замкнуться в своих догмах, предубеждениях, ограничениях, несовершенствах, в формах и шаблонах своих прошлых или современных достижений и отвергать ментальное или физическое общение и взаимодействие, как и духовное или физическое слияние с остальным миром. Ибо в этом случае нация не сможет развиваться и совершенствоваться. Как индивид живет в жизни других индивидов, так нация живет в жизни других наций, принимая от них материал для становления своей собственной

ментальной, экономической и физической жизни; но для того, чтобы обеспечить себе безопасное существование и здоровое развитие, она должна усвоить этот материал, подчинить его закону собственной своей природы, преобразовать в субстанцию своего существа и обработать собственной своей свободной волей и сознанием. Принцип или закон чуждой природы, навязанный ей силой или принуждением, стирающим индивидуальные черты, — это угроза существованию нации, ущерб для ее жизни, оковы, затрудняющие ее движение. Как свободное развитие индивида внутри самого себя является наилучшим условием роста и совершенствования общности, так и свободное развитие общности или нации внутри себя самой является наилучшим условием роста и совершенствования всего человечества.

Таким образом, для индивида закон заключается в том, чтобы совершенствовать свою индивидуальность изнутри, но уважать то же самое свободное развитие в других, содействовать ему и получать ответное содействие. Его закон заключается в том, чтобы привести свою жизнь в гармонию с жизнью общества и свободно выразить себя в человечестве как силу, ведущую к общему росту и совершенствованию. Точно так же для общности или нации закон заключается в том, чтобы совершенствовать свое коллективное существование свободно развиваясь изнутри, поощряя и наилучшим образом используя в своих интересах свободное развитие индивида, но уважать такое же свободное развитие других общностей и наций, содействовать ему и получать ответное содействие. Этот закон должен привести жизнь нации в гармонию с жизнью всего человечества и свободно выразить себя в человечестве как силу, необходимую для общего роста и совершенствования. Для человечества закон заключается в том, чтобы следовать путем восходящей эволюции к раскрытию и выражению Божественного в человеческой расе, максимально используя в своих интересах свободное развитие и достижения всех индивидов, наций и общностей; упорным трудом приближать тот день, когда человечество сможет стать в действительности, а не только в мечтах, одной божественной семьей; но даже тогда, когда оно успешно объединится, уважать свободный рост и деятельность составляющих его индивидов и общностей, содействовать их становлению и получать от него ответное содействие.

Естественно, это — идеальный закон развития, который несовершенная человеческая раса в действительности никогда еще не осуществляла, возможно, осуществит еще не скоро. Человеку, который не постиг, но только стремился постичь свою суть, не обладал сознательным знанием, едва только начал подчиняться, подсознательно или полусознательно, велению закона собственной своей природы — оступаясь, сомневаясь и отклоняясь от истинного пути, совершая насилие над собой и другими, — приходилось продвигаться вперед через хитросплетения истинного и ложного, верного и неверного, через принуждение, мятеж и грубые компромиссы; и до сих пор у него нет ни широты знания, ни гибкости ума, ни чистоты нрава, которые позволили бы ему следовать скорее закону свободы и гармонии, нежели закону дисгармонии, насильственной регламентации, принуждения, компромиссов и борьбы. И тем не менее истинная задача человека в субъективистском веке — веке, когда знание растет и распространяется с беспрецедентной скоростью, когда индивидуальные способности становятся достоянием всего человечества, когда люди и нации сближаются и частично объединяются (пусть в еще плохо организованные сообщества со сложными и запутанными связями), когда они вынуждены узнавать друг друга и более глубоко познавать себя самих, человечество, Бога и мир, когда идея самореализации для людей и наций становится сознательной силой, естественное стремление, работа и осмысленная надежда человека в таком веке должны состоять в том, чтобы по-настоящему познать себя, найти идеальный закон своего существования и развития и, если даже тогда эгоистическая природа воспрепятствует человеку неуклонно следовать найденному закону, постоянно ориентироваться на него и с течением времени найти способ постепенно превратить этот закон в принцип, формирующий его индивидуальную и общественную жизнь.

Глава VIII. Цивилизация и варварство

Когда мы установили, что принцип совершенной индивидуальности и совершенной взаимозависимости — это идеальный закон для индивида, общности и расы и что целью этого закона является их совершенное объединение и даже единство в свободном разнообразии, нам следует попытаться понять более ясно, что мы имеем в виду, когда говорим, что смысл — тайный или явный индивидуального и социального развития заключается в самореализации. До сих пор нам не приходилось иметь дело с расой, человечеством как единой общностью; самым крупным цельным и живым организмом для нас по-прежнему остается нация. И лучше всего нам будет начать с индивида — и потому, что его природу мы знаем лучше и ближе, чем природу общественной души и жизни, и потому, что общество или нация, даже при всей их сложности, являются просто более масштабным и многосоставным индивидом — коллективным Человеком. Следовательно, все законы, действительные для первого, скорее всего, в общем своем принципе, будут верны и для более крупного организма. Более того, развитие свободного индивида является, как мы говорили, главным условием развития совершенного общества. Поэтому нам следует начать с индивида: это наша исходная величина и отправная точка.

Человеческое «Я» есть нечто сокровенное и тайное; это не тело человека, это не его жизнь и даже — хотя в эволюционной иерархии он является ментальным существом, Ману, — не его ум. Поэтому совершенство его физической, витальной или ментальной природы не может быть ни последним условием, ни подлинным критерием его самореализации; все это лишь средства проявления, второстепенные признаки, основы процесса самопознания, некие эквиваленты, практические выражения ценности его «я» — все что угодно, но не само то существо, которым он является по сокровенной сути своей и которым пытается слепо и бессознательно или открыто и сознательно стать. Человек, как и человечество, не овладел этим истинным знанием своей сути и не владеет им и поныне — оно проявляется лишь в видении и личном опыте тех немногих, по чьим стопам не способен пойти род человеческий, хотя люди могут поклоняться им как аватарам, провидцам, святым или пророкам. Ибо Сверхдуша, направляющая нашу эволюцию, имеет свои собственные протяженные единицы Времени, свои собственные великие эпохи, периоды медленного и быстрого развития, которые преодолеть единым махом может сильный полубожественный индивид, но не человечество, все еще пребывающее в полуживотном состоянии. Процесс эволюции от растения к животному, от животного к человеку начинается в последнем с дочеловеческого уровня; человек должен вобрать в себя животное и даже минерал и растение; они составляют его физическую природу, они господствуют над его витальным существом, они контролируют его ум и интеллект. Его склонность к инертности во всех ее видах, предрасположенность к бездействию и, с одной стороны, привязанность к земле и цепляние за свои корни, за любые безопасные формы существования, а с другой — кочевнические и хищнические инстинкты, слепая приверженность традиции и закону толпы, стадное чувство и восприимчивость к подсознательным внушениям коллективной души, его одержимость гневом и страхом, его потребность в наказании и вера в действенность наказания, его неумение думать и действовать самостоятельно, неспособность к подлинной свободе, недоверие к новому, медлительность в интеллектуальном постижении и усвоении знания, его низменные наклонности и поглощенность земным, зависимость его витального и физического существа от закона наследственности — все это, и не только это, человек получил в наследство от дочеловеческих элементов своей природы, в которых берет начало его жизнь, тело и физический ум. Именно это наследство заставляет человека полагать, что преодоление себя и выход за пределы своей природы является самым непосильным делом и самым неосуществимым предприятием. И все же, именно преодолевая свое низшее «я» и поднимаясь над ним, совершает Природа широкие шаги на пути эволюции. Понять все, чем он был и что он есть, но одновременно познавать все, чем он может стать, и восходить к этому — вот задача, стоящая перед человеком как ментальным

существом.

Этот цикл развития цивилизации, когда для сознания всего человечества было возможным полное отождествление «я» с телом и физической жизнью, неотвратимо (будем надеяться) близится к концу. Подобное отождествление есть основная характеристика воплощенного варварства. Считать тело и физическую жизнь единственно важными, судить о зрелости человека по его физической силе, физическому развитию и отваге, пребывать во власти инстинктов, которые поднимаются из физического бессознательного, презирать знание как признак слабости и неполноценности или видеть в нем отклонение от нормы, а не неотъемлемую часть концепции зрелости, — все это свойственно менталитету варвара. Этот менталитет может возвращаться к человеку в атавистическом периоде отрочества — когда, заметим, наибольшее значение имеет развитие тела — но для зрелого представителя цивилизованного человечества это уже невозможно. Ибо, прежде всего под давлением современной жизни, меняется даже витальная направленность человеческой расы. Человек перестает быть до такой степени физическим и становится куда больше витальным и экономическим животным. Он не то чтобы исключает или собирается исключить тело, его развитие и правильное содержание, уважение к своей животной природе и ее совершенство из своей идеи жизни; совершенство тела, его здоровье, крепость, живое и гармоничное развитие необходимы для достижения полной зрелости и становятся предметом более осмысленной и разумной заботы, чем прежде. Но тело уже не может иметь первостепенного значения, а тем более того абсолютного превосходства над прочими частями человеческой природы, какое приписывал ему менталитет варвара.

Кроме того, хотя человек еще по-настоящему не услышал и не понял призыв мудрецов «Познай себя», он внял призыву мыслителя «Образуй себя» и вдобавок понял, что полученное образование налагает на него обязанность делиться своим знанием с другими. Мысль о необходимости всеобщего образования означает, что человечество признало: человек есть не жизнь и тело, но ум, и без развития ума он не достигнет подлинной зрелости. В этой идее образования первое место по-прежнему уделяется развитию интеллекта, умственных способностей и познания мира и вещей, но на втором месте уже стоит нравственное воспитание и, пусть еще очень несовершенное, развитие эстетических способностей. Разумное мыслящее существо, обладающее нравственностью, управляющее с помощью воли и разума своими инстинктами и эмоциями, посвященное во все необходимое знание о мире и своем прошлом, способное с помощью этого знания разумно организовать свою социальную и экономическую жизнь, правильно упорядочить свои телесные привычки и физическое существование — вот концепция, которой ныне руководствуется цивилизованное человечество. В сущности это означает возвращение к идеалу Древней Греции и дальнейшее его развитие, только ныне акцент перенесен на развитие умственных способностей и на практическую пользу, а значение красоты и утонченности сильно умаляется. Однако мы можем предположить, что это только переходная стадия: утраченные элементы обязательно обретут былое значение, как только завершится коммерческий период современного прогресса, и с их восстановлением, еще отдаленным, но неизбежным, мы получим все элементы, необходимые для развития человека как ментального существа.

Древняя эллинистическая или греко-римская цивилизация погибла среди прочего еще и потому, что лишь неглубоко внедрила культуру в собственное свое общество и была окружена огромными массами человечества, которое по-прежнему сохраняло варварский склад ума. Цивилизация всегда остается в опасности, пока, делая культурный менталитет достоянием лишь незначительного меньшинства, заключает в своих недрах колоссальную массу невежества, толпу, пролетариат. Знание либо должно распространиться сверху, либо будет постоянно находиться под угрозой погружения во мрак невежества, царящий внизу. Еще бо́льшая опасность грозит цивилизации, если она позволяет существовать за своими пределами огромным массам людей, не просвещенных ее знанием и полных природной варварской энергии, которые могут в любой момент воспользоваться физическим оружием людей цивилизованных, не претерпев интеллектуального перерождения под влиянием их

культуры. Греко-римская культура погибла по причинам внешним и внутренним: внешняя причина заключалась в нашествии тевтонского варварства, внутренняя — в утрате витальной силы. Эта цивилизация дала пролетариату известную долю жизненного комфорта и удовольствий, но не подняла его к свету. И свет пришел в массы извне — в форме христианской религии, которая выступала как враг старой культуры. Обращаясь к бедным, угнетенным и невежественным, она стремилась пленить душу и этическое существо человека, но мало заботилась или не заботилась вовсе о мыслящем уме, позволяя ему оставаться во мраке невежества, если при этом сердце могло исполниться чувством религиозной истины. Когда варвары захватили западный мир, эта культура довольствовалась обращением их в христианство, но не ставила перед собой задачи просветить их разум. Не доверяя даже свободной игре ума, христианские церковность и монашество стали врагами интеллекта, и возродить начала научного и философского знания в полуварварском христианском мире выпало на долю арабов, а окончательное возрождение свободной интеллектуальной культуры во вновь пробудившемся разуме Европы произошло благодаря полужыческому духу Ренессанса и долгой борьбе между религией и наукой. Знание должно быть агрессивным, если оно хочет выжить и сохраниться в веках; позволить глубокому невежеству существовать под собой и вокруг себя — значит подвергать человечество постоянной опасности возвращения в варварское состояние.

В современном мире уже невозможно повторение этой угрозы в былой форме или былом масштабе. Этому воспрепятствует Наука. Она вооружила цивилизованное общество такими средствами самосохранения, агрессии и самозащиты, которыми не сможет успешно воспользоваться ни один варварский народ, пока сам не станет цивилизованным и не добудет знание, которое может дать одна лишь Наука. Она поняла также, что невежество — это враг, которого нельзя игнорировать, и начала уничтожать его везде, где только находила. Именно такому пониманию обязан идеал всеобщего образования (по крайней мере в смысле первичного просвещения ума и воспитания способностей) если не своим рождением, то все же многими своими практическими возможностями. Он распространился по миру с неудержимой силой и пробудил жажду знаний в менталитете трех континентов. Он сделал всеобщее образование неотъемлемым условием национальной силы и успехов и таким образом заставил стремиться к нему не только все свободные народы, но и каждую нацию, которая желает обрести свободу и выжить — так что повсеместное распространение знания и рост интеллектуальной активности являются теперь для человечества лишь вопросом Времени; им препятствуют только некоторые политические и экономические обстоятельства, преодолеть которые уже стараются и мысль, и тенденции века. И, если говорить в общем, Наука уже раз и навсегда расширила интеллектуальные горизонты человечества и повысила, развила и значительно усилила интеллектуальные способности человечества в целом.

Пусть первые тенденции Науки были материалистическими, а ее неоспоримые победы ограничивались знанием физической вселенной, тела и физической жизни. Но этот материализм очень сильно отличается от прежнего, отождествлявшего «я» и тело. Какими бы ни были его кажущиеся тенденции, на самом деле он провозглашал человека ментальным существом и утверждал верховную власть интеллекта. Наука по самой природе своей есть знание, интеллектуальность, и вся ее деятельность сводилась к деятельности Ума, который обращал взор на свою физическую и витальную структуры и окружающую среду, чтобы узнать, завоевать и подчинить своей власти Жизнь и Материю. Ученый есть Человек-мыслитель, который овладевает силами материальной Природы путем их познания. В конечном счете Жизнь и Материя — это наш фундамент, низший базис нашей природы, и знание их процессов, их собственных возможностей и возможностей, которые они дают человеку, является частью знания, необходимого для того, чтобы выйти за их пределы. Жизнь и тело необходимо превзойти, но также использовать и совершенствовать. Мы не сможем полностью познать законы и возможности физической Природы, пока не познаем также законы и возможности Природы надфизической; поэтому после того, как наше

физическое знание достигнет совершенства, должно начаться развитие новой и возрождение старой ментальной и психической науки — и эта новая эра уже начинает открываться перед нами. Однако совершенное развитие физических наук было главным необходимым условием; именно в этой сфере происходило первичное становление человеческого разума в его новой попытке познать Природу и овладеть миром.

Даже в ходе своей негативной деятельности материалистическая Наука выполняет задачу, результаты которой в конце концов пригодятся человеческому уму в его стремлении выйти за пределы материализма. Но Наука, переживающая расцвет победоносного Материализма, презрела и отвергла Философию; преобладание Науки позитивистского и прагматического характера подавило дух поэзии и искусства и вытеснило их с передовых позиций на фронте культуры; поэзия вступила в эпоху упадка и декаданса, приняла форму и размер ритмической прозы, утратила очарование и лишилась поддержки всех своих поклонников, за исключением крайне немногочисленной аудитории; живопись повернула в сторону абсурдного кубизма и отдалась уродливым образам и плодам воображения; идеал отступил, и вместо него на престол взошла реальная действительность и стала поощрять безобразный реализм и утилитаризм; в своей борьбе против религиозного мракобесия Наука почти преуспела в истреблении религии и религиозного духа. Но философия превратилась в слишком абстрактную дисциплину и занялась скорее поиском абстрактной истины в мире идей и слов, нежели тем, чем должна заниматься — постижением подлинной реальности вещей, позволяющей человеку понять закон, цель и принцип совершенствования своего существования. Поэзия и искусство стали слишком утонченными занятиями, чтобы относиться к украшениям и орнаментам жизни, ибо скорее упивались красотой слов, формы и плодов воображения, нежели стремились к конкретному пониманию и глубокому воплощению истины, красоты, живой идеи и божественной сути бытия, сокрытых за осязаемой поверхностью вселенной. Сама религия закоснела в догмах и обрядах, сектах и церквях и в основном утратила для всех, за исключением единиц, непосредственную связь с живыми источниками духовности. Появилась необходимость в эпохе отрицания. Искусство, философия и религия должны были вернуться к себе, обратиться к своей глубинной сути, к своим вечным началам. Теперь, когда период всемерного отрицания остался позади, мы видим, как они возрождаются к жизни и ищут свою собственную истину, вновь обретают силу благодаря возвращению к себе и новому открытию своей сути. На примере Науки они научились или учатся сознавать, что Истина есть тайный источник жизни и силы и что с открытием собственной своей истины они должны стать на службу человеческому существованию.

Но хотя Наука таким образом подготовила нас к веку более широкой и глубокой культуры и, несмотря на свой материализм и отчасти даже с его помощью, сделала невозможным возрождение истинного материализма, присущего варварскому менталитету, она в некотором смысле поддержала и первый, и второй как своим отношением к жизни, так и тем, что открыла (это нельзя назвать иначе) варварство другого рода, т. е. варварство индустриальной, коммерческой и экономической эпохи, которая ныне приближается к своему апогею и к своему завершению. Это экономическое варварство, по сути дела, присуще витальному человеку, который ошибочно принимает свое витальное существо за свое «я» и считает его удовлетворение главной целью жизни. Характерные черты Жизни — это желание и инстинкт собственно-сти. Как физический варвар делает совершенство тела и развитие физической силы, здоровья и отваги нормой и целью своей жизни, так витальный или экономический варвар нормой и целью своей жизни делает удовлетворение потребностей и желаний и накопление собственности. Идеальный человек в его представлении — не культурный, благородный, мыслящий, нравственный или религиозный, но преуспевающий человек. Достичь, преуспеть, произвести, накопить, обладать — вот смысл его существования. Постоянное накопление богатства, постоянное приумножение собственности, изобилие, показная пышность, удовольствия, громоздкая низкопробная роскошь, избыток удобств, лишенная красоты и благородства жизнь; опошленная или

холодно формализованная религия; политика и государственное управление, превращенные в ремесло и профессию; самая радость, превращенная в бизнес, — вот что такое эпоха коммерции. Для обычного, непробудившегося экономического человека красота есть нечто бесполезное или неудобное, поэзия и искусство — нечто легкомысленное или показное, служащее целям рекламы. Его идея цивилизации это комфорт, его идея морали — выполнение светских условностей, его идея политики — поощрение индустриального развития, открытие новых рынков и следующая за этим эксплуатация и торговля; его идея религии в лучшем случае сводится к формальному благочестию или удовлетворению определенных витальных эмоций. Он ценит образование за его полезность в подготовке человека к успеху в проникнутом духом соперничества или, возможно, обобществленном индустриальном государстве, науку — за полезные изобретения и знание, комфорт, бытовые удобства, механизацию производства, которыми она его обеспечивает, за ее способность организовывать, регулировать, стимулировать производство. Крупный плутократ, преуспевающий капиталист и промышленник вот герои коммерческого века и подлинные, зачастую тайные, правители общества.

Сущность этого варварства заключается в погоне за витальным успехом и удовольствием, в стремлении к производительности, накоплению, обладанию, наслаждению, комфорту, удобству ради них самих. Витальная часть существа является таким же элементом целостного человеческого существования, как и часть физическая; у нее есть свое место, но она не должна претендовать на большее. Полнокровная и хорошо обустроенная жизнь желательна для человека, живущего в обществе, но при том условии, что это также жизнь истинная и прекрасная. Ни жизнь, ни тело не существуют ради себя самих, но являются проводником и орудием некоего блага, которое выше их собственного. Их следует подчинить более высоким потребностям ментального существа, очистить и обуздать высшим законом истины, блага и красоты, прежде чем они смогут занять должное место в целостном и совершенном человеческом бытии. Поэтому в коммерческом веке — с его вульгарным и варварским идеалом успеха, витального удовлетворения, производительности и собственности — человеческая душа может задержаться ненадолго для того, чтобы приобрести некоторые полезные знания и опыт, но не может оставаться постоянно. Если она останется там слишком долго, Жизнь засорится, запрудится и погибнет от собственного переизбытка или лопнет от перенапряжения в стремлении расширить свои пределы. Как слишком массивный Титан, она рухнет под тяжестью собственного веса, *mole ruet sua*.

Глава IX. Цивилизация и культура

Природа начинает свою эволюцию из Материи, проявляет и развивает сокрытую в ней Жизнь, затем высвобождает из жизни погруженную в нее бесформенную субстанцию Разума и, когда оказывается готова, обращает Разум на него самого, Жизнь и Материю в великой попытке понять на ментальном уровне все три в их феноменальном бытии, постичь их зримое действие, их скрытые законы, их нормальные и сверхнормальные возможности и силы так, чтобы их можно было использовать с максимальной пользой, наилучшим и наиболее гармоничным образом, предельно развить, а также максимально раскрыть их предназначение при участии той силы, которой из всех земных существ безусловно обладает один человек, — т. е. разумной воли. И только на четвертой стадии своего восхождения Природа доходит до человека. Атомы и элементы организуют грубую Материю; растение развивается, подготавливая появление живого существа; животное подготавливает и доводит до определенного уровня структурную организацию бесформенной субстанции Разума, но решить самую последнюю задачу — познать все эти вещи и научиться управлять ими, а также познать себя и научиться управлять собой — было предназначено Человеку, ментальному существу Природы. Чтобы он смог лучше выполнить поставленную перед ним задачу, Природа заставляет его снова проходить на физическом и до некоторой степени на ментальном уровне через стадии своей животной эволюции, и, даже когда он овладевает

своим ментальным существом, она постоянно побуждает его сосредоточиваться с интересом и даже своего рода одержимостью, на Материи, Жизни и на своем собственном теле и витальном существе. Это необходимо для максимально полного осуществления цели, поставленной Природой перед человеком. В его начальной естественной поглощенности телом и жизнью проявляются его ограниченность и неразумность; по мере роста разума и ментальной силы человек в какой-то степени высвобождается из этих пут и обретает способность подняться выше, но по-прежнему привязан потребностями и желаниями к своим витальным и материальным корням и вынужден вновь возвращаться к ним — уже с более глубоким интересом, располагая новыми возможностями их использования, преследуя в своем возвращении к этим началам все более ментальную и в конечном счете все более духовную цель. Ибо циклы становления человека — это циклы растущих, но еще несовершенных гармонии и синтеза, и Природа насильно возвращает его назад к своим первоосновам, порой даже к чему-то вроде первобытного состояния, с тем, чтобы он мог начать новое движение на более широком витке восходящей линии прогресса и самоосуществления.

На первый взгляд, поскольку человек является существом преимущественно ментальным, кажется, что развитие ментальных способностей и богатство ментальной жизни должно стать высочайшей его целью — даже единственно важной целью, как только он избавится от одержимости жизнью и телом и обеспечит необходимое удовлетворение грубых потребностей, навязанных нам нашей физической и животной природой. Знание, наука, искусство, мысль, этика, философия, религия — вот подлинное призвание человека, вот настоящее его дело. Быть означает для него не просто родиться, вырасти, вступить в брак, добывать средства к существованию, содержать семью, а потом умереть — т. е. жить витальной и физической жизнью, описать на человеческом уровне животный круг существования, чуть расширить маленький сектор животного существования в божественном круге бытия — но совершать ментальное становление и рост и жить со знанием и силой, заключенными внутри, а равно направленными изнутри наружу — вот что такое человеческая зрелость. Но здесь обнаруживается двойственный мотив Природы — двойственность, неизбежная при осуществлении ее замысла в человеке. Человек должен научиться у нее управлять и созидать; но Природа явно предназначила ему не только управлять самим собой, сотворять и постоянно преобразовывать в новые и более совершенные формы себя самого, свое внутреннее существование, свой менталитет, но в согласии с этими изменениями управлять также окружающей его средой и преобразовывать ее. Человек должен обратить Разум не только на него самого, но и на Жизнь, Материю и физическое существование; это с полной очевидностью явствует не только из закона и природы земной эволюции, но из истории человека, из его прошлого и настоящего. Если принять во внимание это обстоятельство и высочайшие стремления и побуждения человека, неизбежно возникает вопрос, а не предназначено ли ему не только расширять пределы внутренней и внешней жизни, но и расти вверх, чудесным образом превосходя человеческую природу, подобно тому, как он превзошел свое животное начало, и превращаться в существо более чем ментальное, более чем человеческое — в существо духовное и божественное? Даже если человек не способен на это, все же он может открыть свой разум тому началу, которое находится за его пределами, и все больше и больше управлять своей жизнью при помощи света и силы, которые он черпает в чем-то, превосходящем его самого. Осознание человеком божественного начала, присутствующего в нем самом и мире, является величайшим фактом его существования, и вполне возможно, что человеческой природе предназначено развиваться до божественного уровня. В любом случае явная цель человека — полнота Жизни, самая широкая и высокая жизнь, какая только доступна ему, будет ли он представителем совершенного человечества или новой и божественной расы. Мы должны признать и потребность человека в целостности, и его внутреннее побуждение превзойти себя, если хотим правильно определить смысл его индивидуального существования и совершенную цель и критерий его общества.

Стремление к ментальной жизни ради нее самой — вот что обычно мы понимаем под словом культура; однако при таком подходе смысл слова остается слегка расплывчатым, поскольку мы можем понимать его более широко или более узко в зависимости от наших представлений и пристрастий. Ибо наше ментальное существование очень сложно и состоит из многих элементов. Во-первых, есть его нижний, фундаментальный план, который на эволюционной лестнице находится ближе всего к витальному. На этом уровне наше существование имеет две стороны: это ментальная жизнь чувств, ощущений и эмоций, где преобладает субъективный мотив Природы, хотя с объективным в качестве причины, и активная, или динамическая, жизнь ментального существа, связанная с физической деятельностью и полем поведения, где преобладает объективный мотив, хотя и с субъективным в качестве причины. На следующей ступени эволюционной лестницы находится более возвышенное существо, с одной стороны, моральное, с его этической жизнью, а с другой — эстетическое; каждое из них старается захватить и подчинить своей власти фундаментальный план разума и обратить опыт и деятельность последнего к своей собственной выгоде: первое во имя культуры и поклонения Справедливости, второе — во имя культуры и поклонения Красоте. И над всеми ними стоит интеллектуальное существо, которое использует их в своих интересах, помогает им, формирует их, часто пытается забрать над ними полную власть. Высочайшая достигнутая человеком ступень эволюции — это жизнь разума, или упорядоченного и приведенного в гармонию интеллекта, с присущей ему динамической силой разумной воли, буддхи, который является или должен быть возникшим, управляющим колесницей человеческой жизни.

Однако человеческий разум состоит не единственно и исключительно из рационального интеллекта и рациональной воли; в него входят более глубокие, более интуитивные, более блистательные и мощные, но при этом гораздо менее проявленные, менее развитые и пока что едва ли способные управлять собой сила и свет, которым мы даже не имеем названия. Так или иначе, эта сила устремляет человека к некому озарению, которое есть не холодный свет рассудка, не теплый и текучий свет сердца — но сверкание молнии и сияние солнца. Конечно, эта светоносная сила может занять подчиненное положение и просто помогать рассудку и сердцу своими вспышками; но ею движет иное побуждение — изначально присущее ей побуждение, выходящее за пределы рассудка. Она стремится осветить интеллектуальное существо, осветить существо этическое и эстетическое, эмоциональное и активное, осветить даже чувства и ощущения. Она предлагает в словах откровения, она озаряет как будто сверканием молний, она являет в некоем мистическом или духовном великолепии или извлекает на ровный, но почти сверхъестественный для ментального человека свет Истину более великую и подлинную, чем знание, которое дают Разум и Наука, Справедливость более высокую и божественную, чем моралистский перечень добродетелей, Красоту более глубокую, универсальную и чарующую, чем эстетическая или художественная красота, которой поклоняется художник, радость и божественные восторги, перед которыми меркнут и бледнеют все обычные эмоции, Чувство, превосходящее все чувства и ощущения, возможность божественной Жизни и деятельности, не доступную импульсам и видению человека в рутине повседневной жизни. Очень разнообразны, очень фрагментарны, зачастую очень неясны и обманчивы результаты воздействия этого силы-света на все части человеческой природы, находящиеся ниже разума; но в конечном счете именно к этому он стремится, претерпевая сотни искажений. Формальные вероучения и религиозные ритуалы захватывают и истребляют или по крайней мере ослабляют и подавляют его; вульгарные конвенциональные религии безжалостно торгуют им и разменивают его на жалкую мелкую монету; но он по-прежнему остается светом, к которому стремятся религиозный дух и духовное начало человека, и бледное мерцание его живет даже в полностью выродившихся формах религии.

Именно многосоставная природа ментального существа наряду с отсутствием какого-то единого принципа, который мог бы уверенно преобладать над другими, отсутствием какого-либо надежного и постоянного света, который мог бы направлять разум и разумную волю,

удерживая от колебаний, является главным препятствием, камнем прет-кновения на пути человека. Все непримиримые противоречия, противостояния, антагонизмы, борьба, обращения к новому, возвращения к старому, искажения в пределах его менталитета, все хаотические столкновения идей, импульсов и тенденций, затрудняющие его усилия, есть результат естественного взаимного непонимания и противоречивых требований различных частей человеческой природы. Разум человека — это судья, принимающий противоречивые решения, которого просители могут подкупить и на которого могут оказать давление; его разумная воля — это правитель, обеспокоенный конфликтами между разными княжествами своего королевства и сознанием собственной пристрастности, а в конечном счете некомпетентности. Все же, несмотря на все это, человек сформировал известные широкие понятия культуры и ментальной жизни, и его противоречивые представления о них соответствуют некоторым четким линиям, определенным различными частями его природы и оформленным в общую систему кривых развития на основе его многочисленных попыток достичь либо некоего окончательного критерия, либо всеобъемлющей гармонии.

Прежде всего, существует различие между цивилизацией и варварством. Цивилизация в обычном, общепринятом смысле этого слова означает состояние развитого общества — управляемого, контролируемого, организованного, образованного, обладающего знанием и технически оснащенного — в противоположность обществу, которое не имеет (или принято считать, что не имеет) этих преимуществ. В известном смысле краснокожий индеец, басуто или островитянин с островов Фиджи имели свою цивилизацию; у них было жестко, пусть и просто, организованное общество, общественный закон, некоторые этические идеи, религия, своего рода система воспитания; в их жизни было много достоинств, которых мы, к сожалению, не видим в цивилизованном мире; но мы условились называть их дикарями и варварами, похоже, главным образом из-за их незрелого и ограниченного знания, примитивной грубости технических приспособлений и неприкрытой простоты общественного устройства. Более развитые состояния общества мы обозначаем эпитетами «получивилизованный» и «полуварварский», которые цивилизации разных типов применяют по отношению друг к другу — и цивилизация, добившаяся временного господства и видимого успеха, естественно, высказывается в этом смысле громче и самоувереннее всех. В былые времена люди были более прямодушны и бесхитростны и открыто выражали свое мнение, давая всем народам, культура которых отличалась от их собственной, презрительное прозвище варваров или «млеччха». При подобном употреблении слово «цивилизация» начинает приобретать весьма относительное значение и едва ли вообще сохраняет сколько-либо определенный смысл. Поэтому мы должны оставить в стороне все преходящие или случайные его значения и определить его смысл на основании главного отличия цивилизации от варварства: если варварство есть состояние общества, в котором человек почти полностью поглощен своим телом и жизнью, своим экономическим и физическим существованием (поначалу обеспечивая их минимальные запросы и пока еще не заботясь об их развитии и достижении более высокого уровня благосостояния) и имеет мало средств и желания развивать свой менталитет, то цивилизация есть более развитое состояние общества, в котором к достаточной социальной и экономической организации добавляется активная жизнь менталитета в большинстве его частей, если не во всех них; ибо порой некоторые из этих частей игнорируются, не встречают поддержки или временно атрофируются вследствие своей бездеятельности, но при этом общество может быть явно цивилизованным и даже высокоцивилизованным. В подобном понимании смысловой объем этого слова охватывает любую цивилизацию, историческую или доисторическую, и исключает любое варварство, будь то варварство африканцев, европейцев или азиатов, гуннов, готов, вандалов или туркмен. Совершенно очевидно, что в варварском обществе могут существовать примитивные зачатки цивилизации; очевидно также, что в цивилизованном обществе может существовать огромное количество варварства или бесчисленные его пережитки. В этом смысле все общества являются получивилизованными. На сколь многие явления современной цивилизации более развитое человечество будущего

будет смотреть с удивлением и отвращением как на суеверия и зверства малоцивилизованного мира! Но самое главное — это то, что в любом обществе, которое мы можем назвать цивилизованным, человек должен жить активной ментальной жизнью, поощрять ментальный поиск, а управление человеческой жизнью и ее совершенствование при помощи ментальной силы сделать ясно осознанной концепцией.

Но в рамках цивилизованного мира по-прежнему остается различие между частично, мало, условно цивилизованным обществом и обществом культурным. Поэтому, вероятно, простого пользования обычными благами цивилизации недостаточно для того, чтобы человек поднялся до должного уровня ментальной жизни; для этого необходимо дальнейшее развитие, более высокое восхождение. Последнее поколение установило четкое различие между культурным человеком и обывателем и составило совершенно ясный его образ. Грубо говоря, в их понимании обыватель — это человек, который внешне живет цивилизованной жизнью, обладает всеми ее атрибутами, имеет и громогласно провозглашает весь набор расхожих мнений, предрассудков, условностей, взглядов, но не восприимчив к новым идеям, не обнаруживает свободного разума, лишен чувства красоты, не понимает искусства и опошляет все, к чему прикасается, — будь то религия, этика, литература или жизнь. Обыватель есть в действительности современный цивилизованный варвар; зачастую это получивилизованный физический и витальный варвар, в невежестве своем привязанный к жизни тела, витальных потребностей и импульсов и считающий идеалом человека просто семейное и экономическое животное; но обычно и по существу он является ментальным варваром — средним человеком, живущим жизнью чувств. Иными словами, его ментальная жизнь происходит на нижнем плане разума; это жизнь чувств, жизнь ощущений, жизнь эмоций, жизнь практического поведения — низший уровень ментального существа. Во всех этих отношениях человек может быть очень активным, очень энергичным, но он еще не управляет своей ментальной жизнью с помощью более высокого света и не пытается поднять ее на новый уровень, облагородить и сделать более свободной; наоборот, он скорее низводит свои высшие способности до уровня своих чувств, ощущений, непросвещенных и неочищенных эмоций, своей грубой утилитарной практичности. Эстетическая сторона его существа развита слабо; он либо ни во что не ставит красоту, либо имеет самый грубый художественный вкус, который способствует снижению и опошлению общего критерия художественного творения и притуплению эстетического чувства в обществе. Зачастую он является ревностным поборником нравственности и обычно уделяет куда больше внимания нравственному поведению, чем человек культуры, но его моральное существо столь же примитивно и неразвито, как и все прочие; оно шаблонно, неочищено, невежественно, состоит из множества симпатий и антипатий, предрассудков и расхожих мнений, привязано к общественным обычаям и условностям и чувствует смутный протест — порожденный не разумом, но умом ощущений и чувств — против любого открытого пренебрежения общепринятыми нормами поведения или отступления от них. Его этические воззрения отражают привычки ума чувств; это нравственность среднего человека, живущего чувствами. Он обладает разумом и видимостью разумной воли, но это не его собственные разум и разумная воля, а часть коллективного ума, полученного от окружения; если же они являются его собственными, то это просто практические, чувственные, эмоциональные разум и воля, выражающиеся в механическом следовании привычным представлениям и правилам поведения, а не в свободном проявлении подлинной мысли и разумной воли. Их использование превращает человека в развитое ментальное существо не больше, чем ежедневное передвижение из дома на работу и обратно превращает среднего лондонца в развитое физическое существо или ежедневное участие в экономической жизни страны превращает банковского служащего в развитого экономического человека. На ментальном уровне он не действует активно, но только реагирует — а это совершенно разные вещи.

Обыватель не умер, напротив, он заполонил мир — но уже не правит им. Сыны Культуры еще не одержали окончательную победу, но они избавились от старого Голиафа и заменили его новым великаном. Это человек, живущий чувствами, который по крайней мере

осознал необходимость более или менее разумного использования своих высших способностей и пытается стать ментально активным. Его столько ругали, критиковали и образовывали, что в конце концов он вынужден становится активным, и, кроме того, оказавшись в водовороте новой информации, новых интеллектуальных течений, новых идей и новых движений, он уже не может упрямо их игнорировать. Он открыт для новых идей, он может хвататься за них и беспорядочно и бестолково распространять их; он может правильно или неправильно понимать идеалы, воплощать их в жизнь и даже, по всей видимости, бороться и умирать за них. Он знает, что должен задумываться над этическими и социальными проблемами, проблемами науки и религии, приветствовать новые политические течения, смотреть со всем возможным пониманием на все новые философские, научные и общественные движения, которые соревнуются или сталкиваются друг с другом в пространстве современной жизни. Он — читатель поэзии, равно как и страстный любитель беллетристики и периодической литературы; в нем вы найдете, вероятно, знатока Тагора или поклонника Уитмена; вероятно, он имеет не очень ясное понимание красоты и эстетики, но он слышал, что Искусство является не совсем уж несущественной частью жизни. Присутствие этого нового колосса ощущается повсюду. Он составляет огромную читающую аудиторию; для него издаются газеты, еженедельные и ежемесячные издания; художественная литература, поэзия и искусство поставляют ему ментальную пищу; для него существуют театр, кино и радио; Наука спешит принести свое знание и новые открытия к его дверям и оснастить его жизнь бесчисленными техническими приспособлениями; по его образу и подобию формируется политическая жизнь. Именно он сначала противостоял, а потом способствовал предоставлению женщинам избирательных прав, именно он развивал синдикализм, анархизм, классовую борьбу, спровоцировал восстание пролетариата и вел войны, которые называют борьбой идей или культур, — тип жестокого конфликта, в точности отражающий самую суть этого нового варварства, или за несколько дней подготовил революции в России, совершить которые интеллигенция не сумела за столетие отчаянных усилий и страданий. Именно его пришествие явилось фактором, ускорившим преобразование современного мира. Если Ленин, Муссолини, Гитлер достигли своего стремительного и почти ошеломительного успеха, то только потому, что эта движущая сила, эта живо реагирующая активная масса была готова привести их к победе — сила, которой не хватало их менее удачливым предшественникам.

Первые результаты столь важной перемены обнадеживали нас в нашем стремлении к прогрессу, но слегка обескураживали мыслителя и поклонника высокой и утонченной культуры; ибо если теперь культура — или ее подобие стала в какой-то мере более доступной народу, то, как кажется на первый взгляд, она не укрепилась и не стала благородней из-за широкого доступа к ней полупросвещенных народных масс. Да и не похоже, чтобы разум и разумная воля лучших мыслителей стали управлять миром сколько-либо успешней, чем прежде. Коммерческий дух по-прежнему лежит в основе современной цивилизации; погоня за чувственными удовольствиями по-прежнему является ее движущей силой. Современное образование в целом не исправило человека, живущего жизнью чувств; оно лишь приучило его к вещам, прежде для него непривычным: к ментальной деятельности и занятиям, к интеллектуальным и даже эстетическим ощущениям, к идеалистическим настроениям. Человек по-прежнему живет на витальном плане, но хочет получать стимулы свыше. Он нуждается в армии писателей, которые поддерживали бы его ментальную деятельность, поставляя ему пищу для ума; он жадно тянется ко всякого рода информации, систематизировать или усвоить которую у него не хватает желания или времени, к популярному научному знанию, к таким новым идеям, которые он в состоянии воспринять при условии, что они излагаются убедительно или блестяще, к разного рода ментальным ощущениям и возбуждению, к идеалам, которые, как ему приятно считать, определяют его поведение, и которые порой на самом деле в известной мере вдохновляют его поступки. Все это по-прежнему остается деятельностью и ощущениями низшего ментального существа, но уже гораздо более открытого и свободного. И представители культуры, интеллигенция,

вдруг обнаруживают, что этот человек — если сначала заинтересовать или развлечь его — способен услышать их, чего нельзя было ожидать от чистого обывателя; теперь у них появилась возможность воплотить свои идеи в жизнь, возможность, какой они никогда не имели прежде. В результате снизился общий уровень мысли, искусства и литературы; талант и даже гений вынуждены идти по проторенной дорожке дешевой популярности; писатель, мыслитель и ученый по большей части оказались в положении, подобном положению образованного грека-раба в римском доме, где он должен был обслуживать, ублажать, развлекать и наставлять своего господина, внимательно учитывая при этом его вкусы и предпочтения и ловко повторяя манеру и стиль поведения, которые пришлось ему по нраву. Одним словом, демократизация более высокой ментальной жизни, ее низведение на уровень чувственных ощущений и активизация дали результаты как хорошие, так и плохие. Во всем этом исполненный веры взор, вероятно, может разглядеть еще неуверенное начало великих перемен. Мысль и Знание, пусть пока еще не Красота, получают возможность заявить о себе и даже быстро развить некую сильную, еще не вполне разумную, но все же в конечном счете действенную волю для осуществления своих целей; объем культуры и количество людей, которые мыслят и всерьез стараются понять и осмыслить ее, чрезвычайно возросли за всем этим фасадом чувственной жизни, и даже сам чувственный человек начина

Глава X. Эстетическая и этическая культура

Идея культуры начала вырисовываться перед нами несколько отчетливей, или, по крайней мере, мы четко выделили и противопоставили ей естественные ее противоположности. Нементальная, чисто физическая жизнь определенно является противоположностью культуры, это варварство; неинтеллектуальная витальная, примитивно экономическая или сугубо семейная жизнь, которая состоит только в добывании денег, умножении и содержании семьи, равным образом является противоположностью культуры, это другой и даже более отвратительный вид варварства. Индивида, который всецело поглощен этими формами существования и не задумывается о высшем, мы условились считать некультурным и неразвитым человеческим существом, современным дикарем, варваром по сути своей, даже если он живет в цивилизованной стране и в обществе, пришедшем к общей идее культуры и красоты и более или менее упорядоченному ее воплощению. Общества или нации, отмеченные таким же признаком, мы условились называть варварскими или полуварварскими. Даже если нация или эпоха развила знание, науку и искусство, но по-прежнему довольствуется тем, что ее мировоззрение, образ жизни и мышление определяются не знанием, истиной, красотой и высокими идеалами существования, но грубым витальным, коммерческим, экономическим взглядом на жизнь, мы говорим, что эта нация или эпоха может быть в известном смысле цивилизованной, но, несмотря на все изобилие или даже излишек технических средств, свойственных цивилизации, она не воплощает идеал культурного человечества и даже не приближается к нему. Поэтому даже на европейскую цивилизацию девятнадцатого века со всей ее победоносной и избыточной производительностью, ее мощным развитием науки и достижениями в сфере интеллектуальной деятельности мы смотрим с известным осуждением, потому что все это она обратила в предмет торговли и поставила на службу грубому витальному благополучию. Мы говорим, что европейская цивилизация не была тем совершенным идеалом, к которому должно стремиться человечество, и что такой путь уводит в сторону, а не ведет к более высокому витку человеческой эволюции. Мы должны признать, что эта цивилизация как век культуры несомненно уступала древним Афинам, Италии эпохи Возрождения, древней или классической Индии. Ибо, несмотря на все недостатки социальной организации и несравненно более низкий уровень научного знания и материальных достижений, общества тех эпох были более сведущими в искусстве жизни, лучше понимали ее цель и настойчивей стремились к некому ясному идеалу человеческого совершенства.

Что касается самой жизни ума, то просто жить погрузившись в его практическую и динамическую деятельность или в ментализированный поток эмоций и чувств, жизнью конвенционального поведения, усредненных ощущений, общепринятых идей, мнений и предрассудков, порожденных не самим человеком, но его окружением, не зная свободной и живой игры разума, но жить пошло и бездумно по правилам непросвещенного большинства и вдобавок в согласии с чувствами и ощущениями, обусловленными определенными конвенциями, но не очищенными, не просвещенными, не облагороженными никаким законом красоты, такая жизнь тоже является противоположностью идеалу культуры. Человек может жить так, сохраняя всю видимость цивилизованной жизни или все претензии на нее, успешно наслаждаться всем изобилием ее аксессуаров, но он не является развитым человеком в подлинном смысле этого слова. Общество, следующее подобному образу жизни, может быть каким угодно — сильным, благопристойным, хорошо организованным, процветающим, религиозным, нравственным — но это общество обывателей; это тюрьма, которую должна разрушить душа человека. Ибо, пока она остается там, она остается в низшем, лишенном вдохновения и возможности развития ментальном состоянии; она прозябает, влечет бесплодное существование на нижнем ментальном плане и управляется не высшими способностями человека, но примитивными импульсами неразвитого чувственного ума. И ей недостаточно открыть окна этой тюрьмы, чтобы глотнуть сладостного свежего воздуха, увидеть проблеск свободного света разума, почувствовать слабый аромат искусства и красоты и услышать тихий зов широких далей и высоких идеалов. Она еще должна вырваться из своей тюрьмы на волю и жить в сиянии этого свободного света, полной грудью вдыхая этот аромат и устремляясь на зов этих далей; только тогда она оказывается в среде, естественной для развитого ментального существа. Жить, погрузившись преимущественно не в деятельность чувственного ума, но в деятельность знания, разума и широкой интеллектуальной любознательности, в деятельность развитого эстетического существа и просвещенной воли, которая формирует характер, высокие этические идеалы и широкое поле человеческой деятельности; руководствоваться не понятиями низшего или среднего менталитета, но истиной, красотой и самоуправляемой волей — вот идеал подлинной культуры и первое приближение к совершенному человечеству.

Так методом исключения мы пришли к ясной идее и окончательному определению культуры. Но и на этом высшем уровне ментальной жизни мы по-прежнему остаемся в плену старого узкого видения и неверного понимания. Мы видим, что в прошлом между культурой и поведением, похоже, часто возникал конфликт; тем не менее, согласно нашему определению, поведение — это тоже часть культурной жизни, а стремление к этическому идеалу — одно из главных устремлений культурного человека. В основе противопоставления, выделяющего, с одной стороны, стремление к идеям, познанию и красоте, которое называется культурой, а с другой — работу над характером и поведением, которая называется моральной жизнью, очевидно, лежит неполное представление о человеческих возможностях и совершенствовании. И это противопоставление не только существует, но и выражает естественную сильную тенденцию человеческого ума и, следовательно, должно отражать некое реальное и существенное противоречие между составными частями нашего существа. Именно в этом смысле Арнольд противопоставил иудейству эллинизм. Ум еврейского народа, который дал нам суровую этическую религию Ветхого Завета примитивную, конвенциональную и достаточно варварскую в Моисеевых законах, но поднимающуюся к неоспоримым высотам нравственного величия в добавленных позднее книгах пророков и наконец превзошедшую себя и распустившуюся чудесным цветком духовности в иудейском христианстве — был всецело поглощен земной и этической праведностью и обещанными наградами за верное почитание Бога и правильное поведение, но не знал науки и философии, пренебрегал знанием и был равнодушен к красоте. Эллинский ум не столь исключительно, но все же в большой мере определялся любовью к игре разума ради нее самой, но еще сильнее — высоким чувством красоты, тонкой эстетической восприимчивостью и поклонением прекрасному в любой сфере деятельности,

в любом творении, в мысли, искусстве, жизни, религии. И настолько сильным было это чувство, что не только поведение, но и мораль эллинский ум рассматривал в значительной степени с точки зрения господствующей идеи красоты; он инстинктивно понимал добро главным образом как гармоничное и прекрасное. В самой философии ему удалось прийти к концепции Божественного как Красоты т. е. к истине, мимо которой очень легко проходит метафизик, обедняя тем самым свою мысль. Но все же, сколь бы разительным ни было это исходное исторически сложившееся противопоставление и сколь бы значительными ни были его последствия для европейской культуры, мы не должны останавливаться только на внешних его проявлениях, если хотим понять первопричины этой психологической полярности.

Данное противоречие возникает в силу того треугольного строения высшего, или более тонкого менталитета, на которое нам уже довелось указать. В нашем менталитете есть сторона воли, поведения, характера, которая создает этического человека; и есть другая сторона — выражающая чувство прекрасного (имеется в виду красота в широком смысле слова, а не только высокое искусство), которая создает артистического или эстетического человека. Поэтому может существовать такое явление, как преимущественно или даже исключительно этическая культура; очевидно также, что может существовать преимущественно или даже исключительно эстетическая культура. Таким образом, сразу появляются два противоположных идеала, которые должны находиться в естественном противоречии и смотреть друг на друга косо, с взаимным недоверием или даже осуждением. Эстетический человек склонен смотреть с раздражением на этический закон; он видит в нем препятствие для своей эстетической свободы и способ подавления своего художественного чувства и художественных способностей; по природе своей он гедонист, ибо красота и наслаждение не отделимы друг от друга, а этический закон осуждает земные радости, зачастую даже самые невинные, и пытается затянуть в узкий корсет человеческое стремление к наслаждению. Эстетический человек может принимать этический закон, когда тот становится прекрасным, или даже пользоваться им как одним из своих орудий для созидания прекрасного, но только если сумеет подчинить его эстетическому принципу своей природы; точно так же он часто обращается к религии, привлеченный ее эстетической стороной — красотой, великолепием, пышностью ритуала, возможностью эмоционального удовлетворения, умиротворения или поэтической одухотворенностью и возвышенностью — можно сказать, чуть ли не гедонистическими аспектами религии. Но даже когда он принимает их полностью, он делает это не ради них самих. За эту естественную антипатию этический человек оплачивает ему с лихвой. Он склонен не доверять искусству и эстетическому чувству как чему-то разлагающему и расслабляющему, чему-то неорганизованному по самой природе своей и губительному для высокого и строго самоконтроля из-за своей чарующей притягательности для страстей и эмоций. Он видит, что эта сила гедонистична, и считает, что гедонистический импульс не морален, а зачастую и аморален. Ему трудно понять, как можно согласовать потворство эстетическому импульсу со строгой этической жизнью, если не заключить его в очень узкие и тщательно охраняемые границы. Он развивает тип пуританина, который возражает против наслаждения из принципа; не только в крайних своих проявлениях — а преобладающий импульс стремится стать всепоглощающим и ведет к крайностям, — но по складу своего характера он остается в основе своей пуританином. Взаимное непонимание между этими двумя сторонами нашей природы является неизбежным условием человеческого развития, в процессе которого предполагается максимально выявить возможности каждой из сторон и испытать их в крайних своих проявлениях для того, чтобы понять весь диапазон наших потенциальных сил.

Общество есть тот же индивид, взятый в более крупном масштабе; поэтому различие и противоречие между типами индивидов повторяется как различие и противоречие между типами обществ и наций. В поисках наиболее выразительных примеров мы не должны обращаться к социальным формулам, которые в действительности не иллюстрируют эти противоположные тенденции, но отражают их в извращенном, искаженном или ложном

виде. Мы не должны брать за образец этического типа пуританство среднего класса, отмеченное ограниченной, умеренной и конвенциональной религиозностью, которая была столь характерна для Англии девятнадцатого века; то была не этическая культура, но просто местный вариант обычной формы буржуазной респектабельности, которую на определенной стадии цивилизации вы найдете в любом обществе, — т. е. обывательщина в чистом виде. Равным образом мы не должны брать за образец эстетического типа любое просто богемное общество или такие примеры, как Лондон эпохи Реставрации или Париж известных кратких периодов своей истории; такое общество, несмотря на некоторые свои претензии, всегда ставило своим принципом потворство среднему человеку, живущему жизнью ощущений и чувств, которого поверхностный интеллектуализм и эстетизм освободил от условностей морали. Мы даже не можем взять за образец этического типа пуританскую Англию; ибо, несмотря на напряженную, чрезмерную сосредоточенность на воспитании характера и этического существа, в ней преобладала религиозная тенденция, а религиозный импульс стоит особняком от прочих наших субъективных тенденций, хотя и оказывает на всех них влияние; он *sui generis* и должен рассматриваться отдельно. Чтобы найти истинные, если не всегда вполне чистые образцы того и другого типа, мы должны обратиться ко временам чуть более отдаленным и сравнить Афины эпохи Перикла с ранним республиканским Римом или (в самой Греции) со Спартой. Ибо спускаясь все ниже по реке Времени на нынешнем витке эволюции, мы видим, что в массе своей человечество, обогащенное коллективным опытом прошлого, становится все более и более сложным, и старые четко выраженные типы не повторяются или повторяются случайно и складываются трудно.

Республиканский Рим — прежде чем он соприкоснулся с покоренной Грецией и в конечном счете полностью попал под ее влияние — наглядно демонстрирует один из наиболее поразительных психологических феноменов человеческой истории. С точки зрения человеко-ского развития он представляет собой почти уникальный эксперимент воспитания высокого и сильного характера, лишенного, насколько это возможно, мягкости (которая приходит к человеку с чувством красоты) и света (который приносит с собой игра разума) и не воодушевленного религиозной страстью; ибо религиозные убеждения раннего Рима ограничивались суеверием, поверхностной религиозностью и не имели ничего общего с подлинным религиозным духом. Рим воплощал собой человеческую волю, подавляющую и дисциплинирующую эмоциональный и чувственный ум, чтобы сформировать определенный этический тип, способный господствовать над собой; именно это господство над собой дало Риму возможность достичь также господства над окружающим миром и навязать другим народам свой общественный порядок и закон. Культуре или природе всех в высшей степени преуспевших имперских народов в периоды их формирования или роста было свойственно это превосходство воли, характера, стремления к самодисциплине и самоконтролю, которые составляют самую основу этической тенденции. Рим и Спарта, как и прочие этические цивилизации, имели свои серьезные моральные недостатки, терпимые или сознательно поощряемые традиции и обычаи, которые мы назвали бы аморальными, они не сумели развить более мягкие и утонченные черты морального характера, но это не имеет существенного значения. Этическая идея в человеке меняется и развивается, но суть подлинного этического существа всегда остается одной и той же — это воля, характер, самодисциплина, самоконтроль.

Ограниченность этой идеи сразу станет очевидной, когда мы посмотрим на самые выдающиеся примеры ее воплощения. Ранний Рим и Спарта не знали философии, искусства, поэзии, литературы, широкой ментальной жизни, всей прелести и радости человеческого существования; их искусство жить исключало или не поощряло наслаждение жизнью. Они питали недоверие к свободной и живой мысли и эстетическому импульсу, какое неизменно испытывает исключительно этический человек. Дух раннего республиканского Рима сколько мог противоборствовал греческим влияниям, которые широко распространялись в обществе, закрывал школы греческих учителей, изгонял философов, а наиболее типичные римские умы смотрели на греческий язык как на некую угрозу, а на греческую культуру как на мерзость;

Рим инстинктивно чувствовал в ней врага, подступившего к его стенам, угадывал некую враждебную и разрушительную силу, смертельно опасную для его принципов жизни. Спарта (казалось бы, греческий город) допускала в качестве чуть ли не единственного эстетического элемента сознательного этического воспитания и образования военную музыку и поэзию, но даже при этом, когда появлялась необходимость воспеть военные подвиги, ей приходилось обращаться за помощью к афинянину. Любопытный пример влияния этого инстинктивного недоверия даже на широкий и эстетичный афинский ум мы находим в утопических построениях Платона, который в своей работе «Государство» счел необходимым сначала осудить, а потом и изгнать поэтов из идеального государства. Конец этих чисто этических культур ясно свидетельствует об их неполноценности. Они либо исчезают, не оставляя после себя ничего привлекательного и полезного для будущего человечества или же оставляя очень мало (как исчезла Спарта), либо разрушаются в результате мятежа сложной человеческой природы против противоестественного ограничения и подавления, как разрушилась этическая культура раннего Рима, выродившаяся в эгоистическую и зачастую оргиастическую распущенность Рима республиканского и имперского. Человеческий ум нуждается в мысли, чувстве, радости, расширении; стремление к расширению собственных границ заложено в самой его природе, и ограничение полезно для него лишь в той мере, в какой оно помогает укрепить, направить и усилить его развитие. Он категорически отказывается называть культурными те цивилизации или эпохи, которые не допускали разумную свободу развития, — сколь бы благородными ни были их цели или сколь бы прекрасным само по себе ни было их общественное устройство.

С другой стороны, мы оказываемся перед соблазном объявить совершенной культурой все те эпохи и цивилизации, которые, несмотря на все их недостатки, поощряли свободное человеческое развитие и, подобно древним Афинам, сосредоточивались на мысли, красоте и наслаждении жизнью. Но в истории афинского общества было два разных периода: период искусства и красоты, т. е. Афины Фидия и Софокла, и период мысли, т. е. Афины философов. В первый период определяющими силами в обществе были чувство красоты и потребность в свободе жизни и наслаждении жизнью. Эти Афины мыслили, но мыслили на языке искусства и поэзии, в образах музыки, драмы, архитектуры и скульптуры; они находили удовольствие в интеллектуальной дискуссии, но при этом не столько стремились прийти к истине, сколько наслаждались игрой мысли и красотой идей. Афины имели свой моральный кодекс, ибо без нравственности не может существовать никакое общество, но там не было подлинно этического импульса или этического типа — только обычная конвенциональная нравственность; и свои представления об этике афинская мысль была склонна выражать в терминах красоты: *to kalon*, *to epieikes* — прекрасное, гармоничное. Самая религия Афин была религией красоты и служила поводом для проведения приятных ритуалов и празднеств и создания художественных творений, т. е. была источником эстетического наслаждения, слегка окрашенного поверхностным религиозным чувством. Но без характера, без сколько-либо высокой и строгой дисциплины сила жизни быстро иссякает. Афинское общество истощило свою витальность в течение одного восхитительного века, который оставил его обескровленным, обезволенным, не способным преуспеть в жизненной борьбе, лишенным творческой силы. И оно действительно на время обратилось именно к тому, чего ему не доставало: к серьезному поиску истины и развитию систем этической самодисциплины; однако оно умело только мыслить, оно не умело успешно воплощать свои замыслы на практике. Поздний греческий ум и афинская культура дали Риму великую стоическую систему этической дисциплины, которая спасла его в разгаре оргий первого имперского века, но не смогла осуществиться в Греции; ибо философия стоицизма призывала к напряжению некой силы, которой не было и не могло быть в афинском обществе и характере типичного эллина; она являлась противоположностью их природы, а не ее выражением.

Эта неполноценность эстетического отношения к жизни становится еще более очевидной, если мы возьмем еще один более поздний великий пример: Италию эпохи Возрождения. Какое-то время Возрождение рассматривали главным образом как новый

подъем научного знания, но на своей родине, в Средиземноморье, Возрождение вылилось, скорее, в расцвет искусства, поэзии и культ красоты. Эстетическая культура отошла от этического импульса куда дальше, чем это было возможно даже в позднейшую эпоху эллинизма, и временами принимала даже антиэтический характер, напоминая распущенный нрав имперского Рима. Эпоха Возрождения обладала ученостью и любознательностью, но привнесла очень мало своего в высокую мысль, поиски истины и более совершенные достижения разума, хотя и помогла расчистить дорогу для философии и науки. Она настолько развратила религию, что пробудила в тевтонских народах с этическим складом ума бурный протест Реформации, который, хотя и отстаивал свободу религиозного ума, был мятежом не столько разума (это было предоставлено Науке), сколько морального инстинкта и его этической потребности. Последующий упадок и безвольная слабость Италии явились неизбежным следствием этого серьезного изъяна, присущего периоду ее утонченной культуры, и для нового возрождения ей требовался новый импульс мысли, воли и характера, который дал ей Мадзини. Если этического импульса как такового недостаточно для развития человеческого существа, все же воля, характер, самодисциплина и самоконтроль являются необходимыми элементами этого развития. Они суть стержень ментального существа.

Ни этическим, ни эстетическим существом не исчерпывается весь человек, и ни одно из них не может быть его верховным принципом; это просто две его могущественные составляющие. Этическим поведением не исчерпывается вся жизнь; даже сказать, что оно составляет три четверти жизни, — значит развлекаться очень сомнительной математикой. Место этического существа в жизни не может быть обозначено в подобных определенных выражениях — в лучшем случае мы можем сказать, что лежащие в его основе воля, характер и самодисциплина являются чуть ли не первым условием человеческого самосовершенствования. Эстетическое чувство равным образом необходимо, ибо без него самосовершенствование ментального существа не может достичь своей цели, которая на ментальном плане есть правильное и гармоничное обладание и наслаждение истиной, силой, красотой и радостью человеческого существования. Но ни одно, ни другое не может быть высочайшим принципом организации человеческой жизни. Мы можем объединить этическое и эстетическое существа; мы можем расширить этическое чувство с помощью чувства красоты и наслаждения и привнести в него элементы мягкости, любви, нежности, т. е. развить гедонистическую сторону морали, чтобы нейтрализовать его тенденцию к жестокости и суровости; мы можем укрепить, направить и усилить чувство наслаждения жизнью, привнеся в него необходимую волю, строгость и самодисциплину, которые придадут ему устойчивость и чистоту. Таким образом, эти две силы нашего психологического существа, которые представляют в нас сущностный принцип энергии и сущностный принцип наслаждения (индийские понятия Тапас и Ананда более глубоки и выразительны), могут помогать друг другу в первом случае обретать более богатое, а во втором — более великое самовыражение. Но для достижения даже такого взаимного примирения эти силы необходимо возвысить и просветить с помощью более высокого принципа, который будет в состоянии понять и постичь в равной мере и ту, и другую, и высвободить и беспристрастно сочетать их стремления и потенциальные возможности. Этот высший принцип, по всей вероятности, откроется нам благодаря деятельности разума и разумной воли. То высочайший принцип, который, похоже, по праву станет коронованным повелителем нашей природы.

Глава XI. Разум как правитель жизни

Разум, использующий разумную волю для упорядочения внутренней и внешней жизни, несомненно является наиболее развитой способностью человека на нынешней ступени эволюции; это верховный правитель, ибо он представляет собой способность управления и самоуправления в сфере сложного человеческого существования. Человек отличается от других земных существ своей способностью к поиску закона жизни, закона своего бытия и

своей деятельности, принципа организации и саморазвития, который не является тем исходным инстинктивным, врожденным, автоматически самореализующимся законом, управляющим его природным существованием. Искомый принцип не имеет отношения ни к неизменной и не способной к развитию организации устойчивого типа в природе, ни (если последний подлежит изменению) к самопроизвольной эволюции, характерной для низших форм жизни, — эволюции, действующей скорее в массе, чем в индивиде, в ходе которой субъект развития не осознает происходящий с ним процесс и не принимает в нем сознательного участия. Человек ищет разумный закон, над которым он сам станет правителем и господином или по крайней мере распорядителем, обладающим частичной свободой действий. Он может представить себе некий прогрессивный принцип, с помощью которого будет эволюционировать и развивать свои способности, значительно расширяя и качественно изменяя из-начальную сферу их деятельности; он может положить начало разумной эволюции и сам будет определять ее направление или во всяком случае станет ее сознательным орудием и, более того, полноправным участником, имеющим постоянную возможность влиять на ее ход. Прочие формы земной жизни безнадежно поработены и подавлены своей природой — человек же, достигая зрелости, инстинктивно стремится стать властелином своей природы и быть свободным.

Несомненно, во всем без исключения — как и в этом стремлении человека проявляется действие Природы; оно исходит из принципа существования, лежащего в основе человеческой сущности, и реализуется через процессы, этим принципом допускаемые и изначально ему присущие. Но все же это второй уровень проявления Природы — та стадия развития, на которой Природа обретает самосознание в индивиде и пытается постигать, видоизменять, перестраивать и развивать, использовать, сознательно экспериментировать сама с собой и своими потенциальными возможностями. В этом процессе изменения неожиданно происходит открытие собственной сущности, имеющее крайне важное значение; обнаруживается то, что было скрыто в материи и низших формах жизни и еще не выявилось отчетливо в животном, несмотря на наличие у него разума: обнаруживается присутствие в вещах Души, которая вначале была полностью поглощена своей собственной природной и внешней деятельностью, растворялась в ней и по крайней мере на поверхности не сознавала сама себя. Впоследствии — в животном — она начинает обретать некую сознательность на поверхности, но по-прежнему беспомощно погружена в свою природную деятельность и, не обладая пониманием, не может управлять собой и своими проявлениями. Однако в конце концов — в человеке — она обращает свое сознание на саму себя, стремится к знанию, пытается управлять в индивиде деятельностью индивидуальной природы, а через индивида и коллективные разуми-энергию многих индивидов управлять, насколько это возможно, и деятельностью Природы в человечестве и мире. Это обращение сознания на себя самого и на мир, которое произошло в человеке, ознаменовало стадию великого перелома в ходе земной эволюции души в Природе — стадию продолжительную и находящуюся в процессе развития. В истории Земли были и другие переломные моменты эволюции, как например, период, когда появилась сознательная жизнь в животном; несомненно, такой момент наступит и в будущем, когда появится более высокое духовное и супраментальное сознание и обратится на деятельность разума. Но в настоящее время действует именно эта сила; обладающая самосознанием душа в разуме, ментальное существо, маномайя пуруша, отчаянно стремится обрести некий принцип разумной организации самой себя и жизни, а также возможность некоего неограниченного, может быть, бесконечного развития сил и потенциальных способностей человека как своего орудия.

Интеллектуальный разум — не единственное средство познания, данное человеку. Вся его деятельность, все восприятия, весь *aesthesis* и все чувства, все побуждения и воля, все воображение и творческая сила предполагают работу универсальной многосторонней силы познания, и каждая такая форма, или способ познания, имеет свою собственную, особую природу и закон, свое собственное устройство и принцип организации, свою особую логику и не имеет необходимости следовать, а тем более быть идентичной закону природы,

устройству и принципу организации, которые интеллектуальный разум хотел бы установить для нее или осуществлять сам, будь у него возможность контролировать все эти формы познания. Но интеллект имеет над ними то преимущество, что может абстрагироваться от своей деятельности, отойти от нее, чтобы беспристрастно изучать и понимать ее, анализировать ее процессы и выявлять принципы. Это недоступно никакой другой силе и способности живого существа; ибо каждая существует исключительно ради собственной деятельности, ограничена работой, которую выполняет, и, в отличие от разума, не видит ничего за пределами своей деятельности и не проникает в ее суть; принцип познания, присущий каждой силе, заключается и воплощается в действии этой силы, способствует ее формированию, но при этом он сам себя ограничивает тем, как он сам сформулирован. Он существует для реализации действия, а не ради знания — или ради знания лишь как части действия. Кроме того, каждая сила вовлечена лишь в сиюминутное конкретное действие или работу и не пытается осмыслить прошлый опыт или обратить свое сознание на будущее или на работу прочих сил, пытаясь согласовать с ними свою деятельность. Несомненно, другие развитые качества живого существа — как, например, инстинкт животного или человека (последний менее развит именно потому, что он подавлен сомнениями и поисками разума) — заключают в себе свою собственную силу прошлого опыта и способность инстинктивной самоадаптации, которые действительно являются накопленным знанием; и порой они настолько прочно держатся за этот багаж знаний, что передают его в качестве неизбежного наследия из поколения в поколение. Однако все эти качества — именно потому, что они инстинктивны и не обращены на себя в попытке себя осознать, действительно чрезвычайно полезны для жизни в смысле осуществления ее процессов, но совершенно бесполезны — если не находят поддержку разума — для достижения той особой цели, которую ставит перед собой человек: для поисков нового закона деятельности души в Природе — деятельности свободной, рациональной, разумно согласованной, осмысленно наблюдающей за собой, когда осознанно испытывается власть самосознающего духа над проявлениями силы.

Разум же, напротив, существует ради знания и способен не увлекаться своей деятельностью, отстраниться от нее, с пониманием изучать, принимать, отвергать, видоизменять, регулировать, совершенствовать, объединять в различных сочетаниях действия и потенции разных сил, может подавить одну, поддержать другую и последовательно приближаться к разумному, понятному, желанному и организованному совершенству. Разум — это наука, это сознательное творчество, это изобретательность. Это способность наблюдать, которая позволяет постигать и упорядочивать истины фактической действительности; это способность размышлять, которая позволяет выявлять и предсказывать истины потенциальной действительности. Это идея и ее осуществление, идеал и его воплощение. Он может проникать взором сквозь покровы внешнего и обнаруживать скрытые за ними истины. Это слуга и одновременно господин всякого утилитаризма; и он может, отменяя все утилитарные соображения, беспристрастно искать Истину ради нее самой и, найдя Истину, открывать целый мир новых возможностей, обещающих практическую пользу. Поэтому интеллектуальный разум есть высшая способность, благодаря которой человек обрел власть над самим собой; слуга и хозяин своих собственных сил, божество, на помощь которого полагались все прочие божественные силы человека в своем восхождении; он был Прометеем из мифа-притчи, помощником, наставником, зовущим к совершенству другом, просветителем человечества.

Однако недавно человеческий ум открыто восстал против подобного господства интеллекта — обнаружилась, можно сказать, неудовлетворенность разума самим собой и собственной ограниченностью, а также готовность предоставить боольшую свободу и придать большее значение другим силам нашей природы. Власть разума в человеке, конечно, всегда была несовершенной — в действительности она постоянно подвергалась нападкам, сопротивлялась, встречала противодействие и зачастую терпела поражение; но все же лучшие умы человечества признавали разум высочайшим авторитетом и законодателем.

Его единственной общепризнанной соперницей оставалась вера. Одна Религия чувствовала себя вправе требовать, чтобы разум умолкал перед ней, или по крайней мере могла утверждать, что есть сферы, ему не доступные, где следует внимать единственно вере; но на время даже Религии пришлось полностью или частично отказаться от своих притязаний на абсолютное первенство и подчиниться верховной власти интеллекта. Жизнь, воображение, эмоции, этическая и эстетическая потребности часто требовали права на существование ради самих себя и на следование своим собственным наклонностям; фактически они часто добивались такого права, но все же в целом по-прежнему были вынуждены находиться под наблюдением и частичным контролем разума и относиться к нему как к своему повелителю и судье. Но в наше время мыслящий разум человечества все больше склонен сомневаться в своих возможностях и задаваться вопросом: а не слишком ли широко, глубоко, сложно и таинственно бытие, чтобы интеллект мог полностью охватить его и подчинить своей власти? У человека появилось смутное ощущение некоей божественной силы, более великой, чем разум.

Некоторые считают этой божественной силой саму Жизнь, или Волю, неявно присутствующую в жизни; они утверждают, что править должна именно она, что интеллект полезен лишь до тех пор, пока служит ей, и что Жизнь нельзя подавлять, ограничивать и механизировать, подчиняя деспотичному контролю разума. В Жизни заключены великие силы, которым нужно дать большую свободу, ибо лишь они одни направлены на развитие и созидание. С другой стороны, человек сознает, что разум слишком склонен к анализу, слишком деспотичен, что он фальсифицирует жизнь — своими категориями, жесткими классификациями и основанными на них незыблемыми правилами, что существует некая более глубокая и всеохватывающая сила знания — интуиция или еще что-то, которая глубже проникает в тайны бытия. Эта мощная сокровенная сила теснее связана с глубинными источниками существования и более способна открыть нам основополагающие истины жизни, ее изначальные реальности и развить их не искусственным и механическим образом, но учитывая присутствие тайной Воли в бытии и приводя все в свободную гармонию с ее всеобъемлющими, не постижимыми для восприятия и бесконечными процессами. На самом деле с ростом субъективной способности постижения внутренней реальности человеческий ум начинает смутно осознавать, что единственной верховной божественной силой является сама душа, которая может использовать разум в качестве одного из своих орудий, но не может стать в зависимость от собственной интеллектуальной природы, не ограничив при этом свои потенциальные возможности и не подчинив свое существование искусственным законам.

Высочайшее проявление разума (как свойство, изначально ему присущее и явленное в чистом виде) заключается в бескорыстном стремлении к истинному знанию. Лишь когда мы стремимся к знанию ради него самого, у нас появляется возможность достигнуть истинного знания. Впоследствии мы можем использовать это знание для различных практических целей; но если мы с самого начала ставим перед собой лишь какую-то конкретную цель, то тем самым ограничиваем наше интеллектуальное постижение, ограничиваем наш взгляд на вещи, искажаем истину, поскольку загоняем ее в рамки какой-то определенной идеи, каких-то утилитарных соображений и оставляем без внимания или отвергаем все, что противоречит этим утилитарным соображениям или заданной идее. Поступая так, мы можем, конечно, заставить разум проявлять великую энергию при непосредственном осуществлении этой идеи или утилитарной цели, установленной нами, — столь же великую энергию обнаруживает инстинкт животного, когда он действует в определенных пределах и для определенной цели, однако за этими пределами он оказывается бессильным. В самом деле, именно так обычный человек использует свой разум (как животное использует свой врожденный, наследственный инстинкт): полностью занимая его поисками некой практической выгоды или находя полезное, но едва ли просвещенное применение своему унаследованному шаблонному мышлению для удовлетворения насущных практических потребностей жизни. Даже мыслящий человек обычно ограничивает поле деятельности

своего разума кругом неких предпочтительных идей; он игнорирует или отрицает все, что к ним не относится, не служит им поддержкой и оправданием, фактически им противоречит или значительно видоизменяет их кроме тех случаев, когда сама жизнь принуждает или побуждает его временно признать необходимость изменений, не заметить которую он может лишь на свой страх и риск. Именно в этих пределах обычно действует человеческий разум. Как правило, он преследует некий практический интерес или ряд интересов; он растаптывает на своем пути, попирает, игнорирует или отбрасывает в сторону всякую истину жизни и бытия, истину морали, истину красоты, истину разума, истину духа, которые противоречат его предпочтительным мнениям и интересам; если же он признает эти чужеродные элементы, то лишь номинально, не на деле, или же искажая их превратными толкованиями и тем самым сводя на нет их значение, извращая их дух или умаляя их ценность. Именно в этой зависимости от интересов, потребностей, инстинктов, страстей, предрассудков, традиционных представлений и суждений обычного ума заключается иррациональность человеческого существования.

Но даже человек, который способен управлять своей жизнью посредством идей, т. е. который признает, что она должна выражать ясно осознанные истины и принципы его бытия или всего бытия в целом, и пытается найти сам или познать с чьей-то помощью эти истины и принципы, не часто способен использовать свой рациональный ум для высокой, свободной и бескорыстной деятельности. Как другие люди подчинены тирании своих интересов, предрассудков, инстинктов или страстей, так он подчиняется тирании идей. В действительности он превращает эти идеи в предмет личной заинтересованности, искажает их своими предрассудками и страстями и не способен рассматривать их беспристрастно, не способен различать пределы их действия или оценивать отношение к ним других, отличных и противоположных идей, а также признавать равное право последних на существование. Таким образом, как мы постоянно видим, отдельные личности, сообщества, целые поколения увлекаются определенными этически-ми, религиозными, эстетическими, политическими идеями или некой совокупностью идей, страстно поддерживают их и стремятся осуществить, видя в них практическую ценность, стараются систематизировать их и превратить в устойчивый закон жизни и при этом безоглядно отдаются собственному действию и по настоящему не используют свободный и беспристрастный разум для обретения верного знания жизни и верной и разумной власти над ней. Эти идеи до известной степени осуществляются и торжествуют какое-то время, но сам их успех приносит горькое разочарование. Так происходит в первую очередь потому, что утвердить их в реальности возможно только путем компромиссов и соглашений с низшей, иррациональной жизнью человека, что умаляет их ценность и бросает тень на их блеск и славу. Зачастую практическое воплощение идей представляется нереальным, и сомнение и разочарование одолевают веру и энтузиазм, принесшие этим идеям победу. Но даже если бы все было по-другому, сами по себе эти идеи остаются неполными и недостаточными; дело не только в том, что их успех лишь весьма относителен: будь даже их торжество полным, оно все равно вело бы к разочарованию, поскольку эти идеи не отражают всей истины жизни, а потому не могут надежно управлять жизнью и ее совершенствовать. Жизнь не укладывается в формулы и системы, которые пытается навязать ей наш разум; она провозглашает себя слишком сложной и полной бесконечных возможностей, чтобы подчиниться власти деспотичного человеческого интеллекта.

Именно по этой причине все построенные человеком системы в конце концов оказывались несостоятельными: они всегда были не чем иным, как результатом частичного и беспорядочного применения разума к жизни. Более того, даже будучи порой в высшей степени ясными и рациональными, эти системы претендовали на знание всей истины жизни и пытались применять свои идеи исходя из этого положения. Но они не могли обладать всей истиной жизни, и жизнь в конце концов разрушала или подрывала их и продолжала свое мощное и непредсказуемое движение. Используя таким образом свой разум для удовлетворения и оправдания своих потребностей и страстей, подчиняясь таким образом

импульсу к действию, заключенному в ограниченном, хаотичном и несовершенном рациональном уме, пытаясь таким образом управлять сложным единством жизни, опираясь на частичные истины, человечество двигалось неверными шагами от эксперимента к эксперименту, неизменно веря, что вот-вот труды его увенчаются успехом, но неизменно обнаруживая, что оно достигло на пути к своей цели пока еще очень малого — или вообще ничего не достигло. Понуждаемое самой природой применять разум к жизни, но обладающее при этом лишь частичным рациональным умом, замкнутым в собственных пределах и испытывающим темное влияние низшей природы, оно и не могло добиться ничего большего. Ибо ограниченный, несовершенный человеческий разум не имеет своего собственного самодостаточного света; он вынужден двигаться вперед с помощью исследования, эксперимента и действия, через заблуждения и ошибки к более широкому опыту.

Но за всем этим, несмотря на постоянные неудачи, всегда сохранялась вера, что человеческий разум в конце концов преодолеет все трудности, что он очистится и расширит свои пределы, найдет достаточно сил для своей деятельности и в конечном счете подчинит мятежную жизнь своей власти. Ибо наряду с несовершенной деятельностью коллективного разума во всем человечестве всегда имела место работа разума в индивидуе, которая принесла выдающиеся результаты и вознесла мысль в более высокие и чистые сферы по сравнению с уровнем мышления среднего человека. Это была работа разума, который всегда стремится к знанию и терпеливо ищет истину ради нее самой беспристрастно, исключая вмешательство утилитарных соображений, искажающих истину, — все изучить, все проанализировать, познать все принципы и процессы жизни. Философия, Наука, просвещение, интеллектуальные искусства, все плоды многовековой деятельности критического разума в человеке явились результатом этих усилий. В современную эпоху под влиянием Науки эта работа интеллекта приобрела колоссальный размах, и в какой-то момент разум даже стал претендовать на то, что сможет исследовать и в конечном счете четко сформулировать истинный принцип и верный закон развития — не только для всей деятельности Природы, но и для всей деятельности человека. Эти усилия привели к великим свершениям, но в конце концов не увенчались успехом. Человеческий ум начинает понимать, что он оставил суть почти каждой проблемы незатронутой и осветил лишь внешнюю сторону далеко не всех процессов. Великим открытием и практическим результатом растущего научного знания стала широкая классификация явлений, приведенных в стройную систему, — но все это касалось лишь физической поверхности явлений. Между тем под ней простираются бездонные глубины Истины, скрывающие в себе истинные первоначала, таинственные влияния и неявные движущие силы бытия. И это еще вопрос, сумеет ли когда-нибудь интеллектуальный ум предоставить нам адекватное описание этих глубинных и могучих явлений или подчинить их разумной воле с тем же успехом, с каким он сумел объяснить и направить по определенному руслу пусть не самым совершенным образом, однако с видимостью самых блестящих результатов — силы физической Природы. Эти другие силы, действуя на более тонких планах, гораздо мощнее, глубже, сокровеннее, неуловимее и разнообразнее, чем силы физической Природы.

Вся несостоятельность разума в его попытках управлять нашим существованием объясняется тем, что вследствие присущей ему ограниченности он не способен иметь дело с жизнью во всей ее сложности и полноте или во всей совокупности ее проявлений; он вынужден расчленять ее на части, устанавливать более или менее искусственные классификации, строить системы на основании ограниченного набора фактов, которые при сопоставлении с другими фактами противоречат им, опровергаются ими или требуют постоянной модификации, создавать теории на основе уже открытых потенциальных возможностей, которые разрушаются с мощным притоком новых, еще не упорядоченных потенциальных возможностей. Может даже показаться, что существуют два мира — мир идей, где действует интеллект, и мир жизни, который неподвластен полному контролю разума, и что навести мост через пропасть между этими двумя сферами выше сил и возможностей разума и разумной воли. Последние, по-видимому, могут либо вырабатывать

более или менее эмпирические (основанные на опыте) компромиссы, либо создавать жесткие системы, практически не применимые или только частично применимые к действительности. В борьбе с жизнью человеческий разум превращается либо в эмпирика, либо в доктринера.

Конечно, разум может стать просто слугой жизни; он может ограничиться деятельностью, которой требует от него средний нормальный человек: оправдывать личные интересы, страсти и предрассудки человека и находить средства их удовлетворения, облачать их в обманчивые покровы рациональности или, самое большее, придумывать для них надежные и просвещенные нормы или правила предосторожности и самоограничения, достаточные для того, чтобы предотвратить их самые вопиющие заблуждения и самые неприятные последствия. Но в таком случае разум явно отрекается от своего престола, отказывается от высочайшей своей обязанности и предает надежду, с которой человек пустился в свое странствие. Он может также принять решение надежно опираться на факты жизни, действительно не преследуя никаких практических интересов — иными словами, бесстрастно критически исследовать ее принципы и процессы, но благоразумно предпочитая не рисковать, слишком далеко углубляясь в неведомое или слишком высоко возносясь над непосредственными реалиями нашего чувственного или феноменального существования. Но в этом случае разум опять-таки отрекается от верховной власти; он превращается в простого критика и наблюдателя, а если и пытается формулировать законы, то действует в очень узких пределах непосредственных возможностей и не признает внутреннего стремления человека к раскрытию более высоких возможностей, его спасительный дар идеализма. Такое ограниченное применение разума, подчиненное закону непосредственной витальной и материальной практической пользы, больше не может удовлетворять человека. Ибо природа зовет его к высотам; она требует от него постоянных усилий превзойти себя самого и внутреннего стремления к целям, еще не достигнутым, а в данный момент даже и нереальным.

Вместе с тем, предпринимая попытку действовать в более высоких сферах, разум отрывается от жизни. Само его стремление к бескорыстному и беспристрастному знанию поднимает его на высоту, где он утрачивает то знание другого рода, которое несут в себе наши инстинкты и внутренние импульсы и которое, несмотря на все свое несовершенство, неясность и ограниченность, все же остается скрытым проявлением присущей бытию универсальной Знания-Воли, созидающей и направляющей все вещи согласно их природе. Действительно, даже Наука и Философия никогда не бывают совершенно беспристрастными и незаинтересованными. Они попадают в рабскую зависимость к своим собственным идеям, своим частичным системам, своим поспешно сделанным обобщениям и, используя врожденное стремление человека осуществлять все на практике, пытаются навязать их жизни. Но даже тогда они входят в мир абстрактных идей или идеалов, или жестких законов, который не в состоянии охватить всей сложности жизни. Идеалист, мыслитель, философ, поэт и художник, даже моралист — все те, кто живет по большей части в мире идей, сталкиваясь однажды лицом к лицу с практической жизнью, похоже, несколько теряются и постоянно терпят поражение в своих попытках управлять жизнью при помощи идей. Они оказывают на нее сильное влияние — но косвенно, скорее бросая свои идеи в Жизнь, которая использует их согласно велению заключенной в ней сокровенной Воли, нежели на основе непосредственного и хорошо организованного действия. Однако и чисто эмпирический, практический человек своим непосредственным действием тоже не добивается успеха; ибо и это действие подхватывается сокровенной Волей-в-жизни и направляется на цели, совершенно отличные от тех, которые имел в виду практический человек. Напротив, идеалы и идеалисты необходимы; идеалы суть соль и сила жизни, а идеалисты — самые могущественные предсказатели и соучастники ее свершений. Но сведите ваш идеал к системе — и он сразу же начнет разрушаться; начните применять ваши общие законы и незыблемые идеи к действительности систематически, как делают доктринеры, — и Жизнь очень скоро вырвется или выскользнет из их жестких рамок или видоизменит вашу систему (пусть даже номинально она сохранится) настолько, что сам ее создатель не узнает и,

вероятно, отвергнет ее, видя в ней полную противоположность тем принципам, которые он стремился увековечить.

Суть проблемы заключается в том, что в самой основе нашего существования, всей нашей жизни, внутренней и внешней, лежит нечто такое, что интеллект никогда не сможет подчинить своему контролю: это Абсолютное, Бесконечное. За всеми формами жизни скрывается Абсолютное, и каждая из них ищет его своим собственным способом; все конечное стремится выразить бесконечное, в котором чувствует свою подлинную истину. Более того, не только каждый класс, каждый вид, каждая тенденция в Природе по внутреннему побуждению ищут свою собственную сокровенную истину своим собственным способом, но и каждый индивид осуществляет этот поиск по-своему. Таким образом, существует не только само по себе Абсолютное, Бесконечное, которое обуславливает свое собственное выражение в многочисленных формах и тенденциях жизни, но существует также и закон бесконечных возможностей и вариаций, совершенно непостижимый для логического ума; ибо разум успешно оперирует лишь постоянными и конечными величинами. В человеке эта проблема достигает предельной остроты. Ибо человечество не только обладает безграничными возможностями; не только все его силы и тенденции каждая по-своему стремятся к своему абсолюту и, следовательно, протестуют против любого строгого контроля разума; но и в каждом отдельном человеке степени, способы действия и сочетания этих сил варьируются, каждый человек принадлежит не только обычной человеческой природе, но и Бесконечному в себе, а потому уникален. Такова уж природа нашего бытия: интеллектуальный разум и разумная воля не могут управлять жизнью в качестве верховных правителей, пусть даже в настоящее время они служат нам высшими орудиями, а в прошлом были чрезвычайно важны и полезны для нашей эволюции. Разум может управлять — но только как администратор с ограниченными полномочиями или как простой судья и советник, в действительности не обладающий всей полнотой власти, или как один из представителей верховной власти — поскольку эта скрытая Сила действует в настоящее время не прямо, но через многих представителей и посланников. Подлинным властелином жизни является не интеллектуальный разум. Присущее человеку стремление обрести свободу, стать хозяином собственной Природы и окружающего мира сможет по-настоящему осуществиться только тогда, когда его самосознание разовьется и выйдет за пределы рациональной ментальности, познает подлинного властелина жизни и либо отождествит себя с ним, либо установит постоянную связь с его высочайшими волей и знанием.

Глава XII. Функции и сфера деятельности разума

Если разум не является верховным правителем нашего существа и даже не претендует на то, чтобы быть чем-то большим, чем просто посредник или исполнитель, то он не может найти совершенный закон для прочих сфер бытия, хотя может установить временный и несовершенный порядок, служащий переходной ступенью на пути к более высокому совершенству. Как рациональный или интеллектуальный человек не является конечным и высочайшим идеалом человечества, так и рациональное общество не будет конечным и высочайшим выражением возможностей коллективной человеческой жизни — если, конечно, мы не придадим слову «разум» более широкое значение, чем то, которое оно имеет сейчас, и не станем подразумевать под ним объединенную мудрость всех наших сил познания — и тех, что стоят ниже и выше интеллекта и логического ума, и этой чисто рациональной части нашей природы. Дух, который проявляет себя в человеке и тайно управляет его развитием на всех его стадиях, более велик и глубок, чем интеллект, и ведет к совершенству, которое не укладывается в рамки жестких конструкций человеческого разума.

Пока же интеллект выполняет свое назначение; он ведет человека к вратам более высокого самосознания, чтобы, сняв печать с его глаз, оставить на том широком пороге, где более светочный Ангел возьмет его за руку. Он обращается сначала к низшим силам

человеческого существования, каждая из которых всецело поглощена собственной деятельностью и, слепо веря в собственную самодостаточность, стремится к осуществлению своих инстинктов и преобладающих импульсов; он учит их понимать самих себя и смотреть на законы собственной деятельности глазами мыслящего разума. Он помогает этим силам осмысленно различать в себе самих высокое и низкое, чистое и нечистое и от изначального хаоса переходить ко все более и более озаренному видению своих возможностей. Он помогает им познавать самих себя и является водителем, наставником, очистителем, освободителем. Он дает им возможность заглянуть за собственные пределы, увидеть другие силы и взаимодействовать с ними для получения новых стимулов к действию и более плодотворной работы. Интеллектуальный разум укрепляет и очищает гедонистическую и эстетическую силу человека и сглаживает конфликт между ней и этическим разумом и инстинктом; он придает ей прочность и глубину, подкрепляет ее практической и динамической силой и теснее связывает с реалиями земной жизни. Он смягчает этическую волю, привнося в нее психические, гедонистические и эстетические элементы, и этими элементами, взятыми вместе или по отдельности, облагораживает практическую, динамическую и утилитарную природу человека. В то же время он играет роль судьи и законодателя, пытается установить правила, создать системы и упорядоченные комбинации сил человеческой души, чтобы те могли двигаться по начертанной линии развития и действовать в согласии с надежным законом, четко установленным критерием и в размеренном ритме. Затем, спустя некоторое время, интеллект обнаруживает, что его законодательная деятельность становится силой ограничения и порабощения, а стройная система, введенная им в интересах порядка и сохранения жизни, становится причиной того, что самые ее источники пересыхают и иссыкают. Тогда ему приходится обратиться к своей собственной спасительной способности подвергать все сомнению. Под влиянием интеллекта, внимающего смутному ропоту подавленных сил жизни, этический, эстетический, социальный, политический, эконо-мический принципы начинают сомневаться в собственной правоте, и если поначалу это снова вносит в жизнь некоторое смятение, беспорядок и неопределенность, то впоследствии все же пробуждает к новой деятельности силы воображения, интуиции, самопознания и самореализации, в результате чего преобразуются или отмирают старые системы и формулы, совершаются новые эксперименты и в конце концов открываются более широкие потенциальные возможности и вводятся в действие новые комбинации сил. Эта двоякая деятельность интеллектуального разума — который утверждает и реализует свои идеи, а затем в должный срок вновь подвергает сомнению все достигнутое, чтобы утвердить новое, который устанавливает принцип и закон и освобождает от принципа и закона — обеспечивает прогресс человечества, пусть на отдельных стадиях он и не представляется очевидным.

Но деятельность интеллекта направлена не только вовнутрь и вовне, на нашу внутреннюю и внешнюю жизнь, в стремлении понять ее, определить ее нынешние закон и организацию, а также будущие возможности. Интеллект способен проникать взором ввысь и вглубь, а также обладает более высокой и озаренной способностью познания, посредством которой получает прозрения из сокровенных сфер вечного. В таком видении ему открывается образ Истины более высокого плана, из которой он происходит, — пусть образ несовершенный и словно бы скрытый за некой завесой, а также интуитивное знание универсальных принципов нашего существования и его возможностей; он воспринимает и облекает все, что способен постичь, в интеллектуальные формы, а те предоставляют нам широкие руководящие идеи, которые формируют наши усилия и вокруг которых сосредоточивается наша деятельность; он устанавливает идеалы, которые мы стремимся осуществить. Он обеспечивает нас великими идеями, которые являются силами (*ideves forces*) — идеями, которые благодаря заключенной в них энергии воздействуют на нашу жизнь и формируют ее по своему подобию. Интеллектуальными являются лишь формы, в которые мы облекаем эти идеи; сами же они нисходят с некого плана истины, где знание и сила суть одно, а идея не отделима от силы ее самоосуществления. К сожалению,

переведенные в формы нашего интеллекта, действующего только путем разделения и воссоединения — анализа и синтеза — и преобразованные в деятельность, присущую нашей жизни, которая развивается через своего рода экспериментальный и эмпирический поиск, эти идеи-силы превращаются в противоположные и взаимоисключающие идеалы, которые нам чрезвычайно трудно привести в более или менее удовлетворительную гармонию. Таковы по сути принципы свободы и порядка, блага, красоты и истины, идеал власти и идеал любви, индивидуализм и коллективизм, самоотречение и самореализация и сотни других. В каждой области человеческой жизни, в каждой сфере нашего существования и нашей деятельности интеллект являет нам противостояние подобных основополагающих идей и противоречащих друг другу принципов. Он видит, что в каждой идее (принципе) заключена истина, которая находит отклик в одной из важных частей нашего существа: в нашей высшей природе он выражается в сознательном понимании правды, в нашей низшей природе — в инстинктивном. Он стремится реализовать все идеи по очереди, выстраивает вокруг каждой систему действия и мечется между разными противоположностями. Либо он пытается сочетать их, но не удовлетворяется ни одной из созданных комбинаций, поскольку ни одна не приводит к совершенному примирению или приемлемому согласию противоречивых идей и принципов. Конечно, такое по силам лишь более широкому и высокому сознанию, человечеством еще не достигнутому, в котором все противоположности пребывают в вечной гармонии и даже единстве, поскольку изначально и вечно они едины. Но все же каждое новое усилие интеллекта, направленное на нашу внутреннюю и внешнюю жизнь, расширяет и обогащает нашу природу, открывает перед ней новые возможности самопознания и самореализации и приближает момент пробуждения в нас этого высшего сознания.

Таким образом, индивидуальный и социальный прогресс человека имел два аспекта: с одной стороны, самопросвещение человека, с другой — приведение себя в гармонию с разумом и разумной волей как посредниками между человеческой душой и ее деятельностью. Из низшей примитивной жизни инстинктов и импульсов человек должен был развивать бесконечные возможности самопостижения, самоуправления, самоформирования; он постоянно был вынужден превращать это низшее животное или полуживотное существование с несовершенным самосознанием в субстанцию разумного существования: инстинкты — в идеи, импульсы — в упорядоченные действия разумной воли. Но поскольку человек совершал свой путь от невежества к знанию через долгий труд самопознания и установления господства над своим многоплановым существом и окружающей средой и поскольку его интеллект не способен всесторонне постичь всю человеческую природу в целом и претворить в действие все множество человеческих возможностей, ему пришлось продвигаться вперед медленно и неравномерно, осуществляя отдельные эксперименты, создавая различные виды и типы, постоянно колеблясь между различными возможностями, которые открывались перед ним, и различными элементами, которые нужно было привести в гармонию.

Человеку не только приходилось постоянно изобретать новые способы гармонического сочетания различных элементов своего существа — физических, витальных, практических и динамических, эстетических, эмоциональных и гедонистических, этических и интеллектуальных — но каждый из них еще требовал упорядочения в сфере своей собственной, присущей только ему деятельности. В области этики человек разрывается между различными нравственными тенденциями: справедливость и милосердие, забота о себе и альтруизм, личный рост и самоотречение, стремление к власти и стремление к любви, моральный закон деятельной жизни и моральный закон квиетизма. Эмоции необходимы для развития человека, и чрезвычайно важно давать им волю для того, чтобы богатая человеческая природа могла раскрыться во всей своей полноте; однако человек постоянно вынужден сдерживать и подавлять их, и, кроме того, он не располагает никаким надежным принципом, которым мог бы руководствоваться в этой сложной двойственной ситуации. Его гедонистический импульс находит применение в разных сферах деятельности, служит разным целям и идеалам самоудовлетворения. Его эстетическое наслаждение, его

эстетическая творческая сила под давлением интеллекта создают для себя различные законы и формы выражения — причем каждый закон и каждая форма пытается навязать себя в качестве высшего критерия; но если признать подобные притязания, то несправедливое господство какого-то одного эстетического критерия обеднило и ограничило бы творческие способности человека и счастье, которое он получает при их реализации. Его политическая и общественная жизнь представляет собой ряд предприятий и экспериментов в широком диапазоне возможностей: автократия, монархизм, военная аристократия, финансовая олигархия, явная или завулированная плутократия, псевдодемократия всех видов — буржуазная или пролетарская, индивидуалистическая, коллективист-ская или бюрократическая имеющая в перспективе социализм, за которым неясно вырисовывается анархизм; и все эти формы политического строя отвечают некоей истине человека как социального существа, некоей потребности его сложной общественной природы, некому присущему ей инстинкту власти, который требует той или иной формы для своего осуществления. Человечество преодолевает эти трудности по велению заключенного в нем духа, постоянно создавая новые вариации типов — типов характера и темперамента, типов практической деятельности, эстетического творчества, политического и общественного строя, этического закона, интеллектуальной мысли — которые варьируют от чистых до смешанных и находятся в простой или сложной гармонии друг с другом; каждый из них в отдельности и все вместе взятые суть результаты множества экспериментов на пути индивидуального и коллективного самоформирования в свете прогрессивного и растущего знания. Это знание определяется рядом противоречивых идей и идеалов, вокруг которых группируются полученные в ходе экспериментов типы: каждый из них постепенно развивается до предела во всей своей чистоте, а затем вновь смешивается и объединяется с наибольшим возможным числом других таким образом, чтобы образовать некую более сложную форму и вызвать к жизни более плодотворную деятельность. Каждый тип, в свою очередь, неизбежно разрушается, чтобы уступить место новым типам, и каждая комбинация отмирает, давая возможность появиться новой комбинации. В результате увеличивается накопленный опыт самоисследования и самореализации, исходя из которого средний человек принимает по кон-венции некую верную на данный момент формулу как абсолютный закон и истину — довольно часто он даже верит, что она является законом и истиной; однако более развитый человек всегда пытается либо разрушить эту формулу, либо расширить ее и создать более глубокую и всеобъемлющую формулу с тем, чтобы содействовать росту человеческих способностей, совершенства и счастья или открыть перспек-тиву для такого роста.

Такой взгляд на человеческую жизнь и процесс нашего развития, к которому неминуемо ведет нас субъективизм, дает нам более верное представление о роли интеллекта в становлении человека. Мы видели уже, что интеллект выполняет деятельность двоякого рода: беспристрастную — и заинтересованную; сосредоточенную на себе и собственных нуждах — и подчиненную более высокой цели. Одна заключается в бескорыстном поиске истины ради Истины и знания ради Знания, не обусловливается никакими скрытыми мотивами, не руководствуется никакими соображениями, кроме единственного правила: ни на миг не выпускать из-под наблюдения объект, подлежащее исследованию явление, постигать его истину, процесс развития и закон. Другую опреде-ляет страсть человека к осуществлению всего на практике, желание управлять жизнью посредством найденной истины или зачарованность идеей, которую мы стремимся утвердить в качестве высшего закона нашей жизни и деятельности. Мы действительно увидели, что превосходство разума над прочими человеческими способностями заключается в том, что он не полностью поглощен собственной деятельностью, но направляет свое внимание и усилия на все прочие способности, открывает их закон и истину, ставит свои открытия им на службу, и даже следуя собственным наклонностям и интересам, действует также и в их интересах и в конечном счете служит всеобщему благу. На самом деле человек живет не ради одного лишь знания; главным объектом его внимания остается жизнь в широчайшем смысле этого слова,

и он ищет знание скорее по причине его полезности для жизни, чем ради чистой радости познания. Но именно в этой попытке поставить знание на службу жизни человеческий интеллект обнаруживает неуверенность и несовершенство, которыми отмечена вся деятельность человека. Пока мы стремимся к знанию ради него самого, говорить не о чем: разум выполняет свою естественную функцию; он беспрепятственно осуществляет свое высочайшее право. В труде философа, исследователя, ученого, которые стараются добавить что-то новое к сумме нашего достоверного знания, есть та же совершенная чистота и радость, что и в труде поэта и художника, которые создают формы для воплощения прекрасного ради эстетического наслаждения всего человечества. Какими бы ни были индивидуальные заблуждения и ограниченность, они не играют роли; ибо коллективное и прогрессивное знание человечества обогащается истиной, которая была открыта и которой можно со временем доверять наше освобождение от заблуждений. Лишь тогда, когда человеческий интеллект пытается применить идеи к жизни, он начинает терять свою силу и ошибаться.

Обычно это происходит потому, что, погружаясь в практическую деятельность, человеческий разум сразу же становится заинтересованным и пристрастным и начинает служить чему-то, отличному от чистой истины. Но даже если интеллект сохранит всю возможную беспристрастность и незаинтересованность, — а совершенно беспристрастным, совершенно незаинтересованным он быть не может, пока не согласится полностью оторваться от практической жизни или прийти к некой широкой, но бессильной терпимости, эклектицизму или скептическому любопытству, — то все равно истины, которые он открывает, или идеи, которые провозглашает, в самый момент применения их к жизни становятся игрушками сил, мало подвластных разуму. Наука в своем бесстрастном и хладнокровном поиске сделала открытия, которые, с одной стороны, послужили практическим гуманным целям, а с другой — дали эгоизму людей чудовищные средства взаимного истребления; она открыла колоссальные возможности эффективной организации жизни, которые использовались, с одной стороны, для экономического и социального развития народов, но с другой для превращения каждого из них в мощное орудие агрессии, разрушения и массового убийства. Она, с одной стороны, породила широкий рационалистический гуманизм и альтруизм, но с другой — оправдала безбожный эгоизм, витализм, вульгарную волю к власти и успеху. Она сплотила человечество и окрылила его новой надеждой и в то же время придавила к земле тяжким бременем отвратительного коммерциализма. И причина этого — вовсе не отрыв науки от религии, как часто утверждают, или какой-то недостаток в ней идеализма. Идеалистическая философия с равным успехом служила силам и добра, и зла и давала теоретическое обоснование как реакции, так и прогрессу. Сама официальная религия в прошлом часто подстрекала людей к преступлениям и массовым убийствам и оправдывала мракобесие и гонения.

Истина заключается в том, что разум по природе своей является светом недостаточной силы и выполняет значительную, но все же ограниченную миссию, и как только он начинает применяться к жизни и вовлекаться в практическую деятельность, он попадает в зависимость от объекта исследования и становится слугой и советником тех сил, в борьбу которых, смутно и плохо понимаемую, вмешивается. По природе своей разум может использоваться и всегда использовался для оправдания любой идеи, теории жизни, общественного строя или системы правления, идеала индивидуальной или коллективной деятельности, которые человеческая воля выбирает на краткий срок или на многие века. В философии он дает одинаково убедительные основания монизму, плюрализму и любому учению, занимающему промежуточное положение между ними, вере в Бытие или вере в Становление, оптимизму и пессимизму, деятельной жизни и квиетизму. Он может оправдать и самый крайний религиозный мистицизм, и самый крайний атеизм, избавиться от Бога или видеть повсюду одного лишь Его. В эстетике разум утверждает принципы как классицизма, так и романтизма, как идеалистической, религиозной или мистической теории искусства, так и самого приземленного реализма. Одинаково убедительно он может дать строгое обоснование

суровому и ограниченному морализму или с успехом доказать любое из положений антиномии. Он со знанием дела и убедительно проповедывал принципы как самодержавия и олигархии, так и демократии всех видов; он давал превосходные и удовлетворительные объяснения основанному на конкуренции индивидуализму — и равно превосходные и удовлетворительные обоснования коммунизму или антикоммунизму, государственному социализму или одной форме социализма в противоположность другой. Он может с равным успехом служить утилитаризму, экономизму, гедонизму, эстетизму, сенсуализму, этике, идеализму или любой другой насущной потребности или сфере деятельности человека и на этом основании строить философские, политические и социальные системы, вырабатывать нормы поведения и жизни. Попросите его не опираться на одну единственную идею, но добиться эклектического соединения или искусственного синтеза нескольких разнородных идей — и он удовлетворит вашу просьбу; разве что, поскольку существует безграничное число возможных комбинаций или видов синтеза, он равно убедительно оправдывает одну и опровергнет или разрушит любую другую, соответственно желаниям или нежеланиям духа, заключенного в человеке. Ибо на самом деле решения принимает именно дух, а разум — лишь великолепный слуга и исполнитель воли этого скрытого и тайного правителя.

Эта истина не доступна рационалисту, поскольку он опирается на два незыблемых положения веры: первое — что его собственный разум прав, а разум всех других, с ним не согласных, заблуждается; и второе — что каковы бы ни были в настоящее время недостатки человеческого интеллекта, коллективный человеческий разум в конце концов достигнет совершенной ясности и сумеет подвести под человеческую мысль и жизнь надежное, чисто рациональное основание, совершенно удовлетворяющее интеллектуальный ум. Первое положение, несомненно, является обычным выражением нашего эгоизма и ведущей к заблуждениям самонадеянности — но не только; оно выражает еще одну истину: функция разума по праву заключается в том, чтобы оправдывать перед человеком его действия, его надежду и веру и вооружать его теми идеями и знанием, пусть сколь угодно ограниченными, и теми действительными убеждениями, пусть сколь угодно узкими и нетерпимыми, в которых он нуждается, чтобы жить, действовать и развиваться в свете высочайшего доступного ему знания. Разум не может охватить всей истины, поскольку она слишком велика для этого; но все же он постигает какую-то часть безграничной истины, необходимую нам в данный момент, и ее неполнота не умаляет значения его деятельности, но, скорее, служит показателем его ценности. Ибо человеку не предназначено постичь всю истину своего существования сразу, но суждено двигаться к ней постепенно, через накопление разнообразного опыта и постоянное, хотя ни в коей мере не совершенно непрерывное, расширение границ своего «я». Следовательно, главная задача разума состоит в том, чтобы оправдать и объяснить человеку его опыт и переживания и дать ему веру и убежденность, необходимые для его дальнейшего саморасширения. Он оправдывает в глазах человека сначала одно, потом другое, переживания настоящего, уходящий в забвение опыт прошлого, смутно различимые возможности будущего. В его непостоянстве, его внутренней противоречивости, его способности принимать и поддерживать противоположные точки зрения заключается вся его ценность. Конечно, ему не годится поддерживать слишком противоречивые мнения в отдельном индивидуе — разве что в моменты его пробуждения и перемены убеждений, — но в масштабах всего человечества и во всей протяженности Времени именно в этом и состоит основная задача разума. Ибо таким образом человек приближается к осознанию бесконечности Истины, на опыте постигая многообразие ее проявлений; таким образом разум помогает ему созидать, изменять, разрушать созданное и готовиться к созданию нового — одним словом, эволюционировать, расти и расширять пределы своего «я» в процессе познания себя и познания мира.

Второе положение веры, которого держится приверженец интеллектуального разума, тоже ошибочно, но тем не менее содержит истину. Разум не может достичь никакой окончательной истины, поскольку не может ни проникнуть в суть вещей, ни постичь во всей полноте множество их тайн; он имеет дело с конечной, обособленной, ограниченной

совокупностью вещей и не располагает критерием постижения всеобщего и бесконечного. Равным образом не может разум дать человеку закон совершенной жизни или принцип совершенного общества. Человеческая жизнь, организованная чисто рационально, была бы жизнью, не реализующей свои возможности или лишенной своих самых мощных движущих сил; в этом случае разум, призванный выполнять роль слуги, стал бы верховным правителем. Чисто рационалистическое общество не может появиться на свет, а если бы такое и зародилось, то либо не смогло бы выжить, либо лишило бы смысла и живого содержания человеческое существование. Основные силы человеческой жизни, ее сокровенные источники находятся ниже уровня интеллекта, в сфере иррационального, и выше него, в сфере надрационального. Но истинно то, что через постоянное саморасширение, очищение, открытость знанию человеческий разум обязательно придет к осмысленному восприятию даже того, что от него скрыто, к способности пассивного, но все же осознанного отражения Света, который превосходит его. Он достигает пределов своих возможностей, он завершает свою миссию, когда может сказать человеку: «Есть Душа, „Я“, присутствующий в мире и человеке Бог, который действует скрыто, и все сущее есть результат Его самосокрытия и постепенного самораскрытия. Я был Его слугой, призванным медленно снимать печати с глаз твоих, освобождать видение твое от плотных покровов, пока лишь собственная моя блистающая завеса не останется между тобой и Ним. Убери же ее и сделай душу человеческую на деле и по природе своей единой с Божественным; тогда ты познаешь себя, откроешь высочайший и глубочайший закон своего существования, станешь обладателем или по крайней мере проводником и орудием воли и знания, превосходящих мои волю и знание, и постигнешь наконец истинную тайну и весь смысл человеческого и все же божественного бытия».

Глава XIII. Разум и религия

Итак, может показаться, что разум является неполноценным, зачастую неэффективным, даже несостоятельным и в лучшем случае весьма частично просвещенным водителем человечества в том великом устремлении, в котором заключается истинная суть человеческого прогресса и внутреннее оправдание земного существования человека как души, разума и тела. Ибо это устремление заключается не просто в попытке выжить и занять свое место под солнцем, как это свойственно животным, не только сохранить это место и научиться извлекать из него наибольшую витальную и эгоистическую или общественную пользу для эффективной деятельности и удовольствия индивидуального, родового или коллективного эго, как это свойственно семействам животных и насекомых (например, в пчелином улье или муравейнике) — хотя в большем масштабе и более разнообразными способами, характерными для разумного животного; это также стремление (гораздо больше присущее нашему человеческому началу, отличному от начала животного) достичь гармоничного внутреннего и внешнего совершенства и — как мы в конце концов понимаем — на высочайших его высотах открыть божественную Реальность, сокрытую за нашим существованием, и совершенную, идеальную Личность, заключенную внутри нас, и формировать человеческую жизнь по их образу и подобию. Но если это так, тогда ни эллинистический идеал многосторонней философской, эстетической, моральной и физической культуры, который был создан просвещенным разумом человека и совершенствовался лучшими умами свободного общества, ни современный идеал продуктивной культуры и процветающей экономической цивилизации, который был создан коллективным разумом и организованным знанием человечества, не может быть высочайшей или величайшей целью социального развития.

Эллинистический идеал нашел приблизительное выражение в старом латинском изречении: «В здоровом теле здоровый дух». А под здоровым телом греки подразумевали не подверженное болезням прекрасное тело, пригодное для разумного использования и наслаждения жизнью. Под здоровым же духом они подразумевали ясный и уравновешенный

разум и просвещенный, хорошо воспитанный интеллект — воспитанный с точки зрения древнего, а не современного образования. Тогда человеческий ум не стремились заполнить всей доступной информацией и идеями, не формировали под прессом научного знания и в духе рациональной утилитарности, подготавливая человека к эффективному отправлению социальных и гражданских обязанностей, служению нуждам общества, профессиональной деятельности или интеллектуальному труду; целью было развить в нем все человеческие способности — интеллектуальные, моральные, эстетические — научить правильно распоряжаться ими и использовать их свободно, разумно и гибко в решении всех проблем и во всех практических вопросах философии, науки, искусства, политики и общественной жизни. Древнегреческий ум был философским, эстетическим и политическим; современный ум является научным, практическим и утилитарным. Древний идеал придавал особое значение здоровой целесообразности и красоте и старался построить утонченную и рациональную человеческую жизнь; современный идеал придает очень мало значения — или совсем не придает — красоте, его интересует только процесс, чисто рациональная и практическая целесообразность, полезная приспособляемость, и он старается построить упорядоченную, обеспеченную информацией и наиболее эффективную в этом смысле жизнь. Оба идеала признают, что человек есть отчасти ментальное, отчасти физическое существо, причем ментализированная физическая жизнь является сферой его деятельности, а разум — его высочайшим качеством и предельной способностью. Но если мы до конца пойдем по новому пути, который открывают перед нами наиболее прогрессивные тенденции субъективистского века, то он приведет нас назад, к еще более древней истине и идеалу, превосходящему как эллинистический, так и современный. Ибо тогда мы постигнем ту истину, что человек есть дух в становлении, который стремится здесь постичь и осуществить себя в формах разума, жизни и тела; и тогда мы ясно увидим перед собой более великий идеал сознательной, озаренной собственным светом, собою владеющей и собою управляющей души, пребывающей в чистом и совершенном уме и теле. Более широким полем деятельности, целью поисков души, будет не ментализированная физическая жизнь, с которой начал человек, но новая одухотворенная жизнь, внутренняя и внешняя, через которую совершенное внутреннее выражает себя в совершенном внешнем существовании. За давним стремлением человеческого разума к совершенной культуре и рациональному обществу открывается старый религиозный и духовный идеал, надежда на Царство Небесное внутри нас и град Божий на земле.

Но если душа есть истинный правитель жизни и если ее духовное обретение себя, ее постепенное, широчайшее и величайшее, всеобъемлющее осуществление силой духа следует признать конечной целью нашей эволюции, то тогда поскольку инстинктивное существо человека, находящееся ниже уровня разума, конечно, не располагает средствами достижения этой высокой цели и поскольку мы поняли, что и сам разум не является достаточным светом и силой, — в человеке должно присутствовать существо высшего плана с присущими ему силами — способностями освобожденной души, духовными волей и знанием, превосходящими разум и разумную волю, которые и делают возможной полную сознательную самореализацию человека. Мы должны помнить, что наша цель в самореализации состоит в полном раскрытии Божественного внутри нас, в совершенной эволюции скрытого божественного начала в индивидуальной душе и коллективной жизни. В противном случае мы могли бы просто вернуться к старой идее индивидуальной и общественной жизни, которая была по-своему велика, но не обеспечивала все необходимые условия для нашего совершенствования. Такова была идея одухотворенного типического общества. Она строилась на том предположении, что каждый человек имеет свою собственную особую природу, порожденную каким-то одним элементом божественной природы и этот элемент отражающую. Характер каждого индивида, его этический тип, его воспитание, род занятий, его духовные способности должны формироваться или развиваться в пределах, заданных этим особым элементом; совершенство, которого человек ищет в этой жизни, должно соответствовать закону данного элемента. Теория древней индийской

культуры (практика здесь не всегда совпадала с теорией, как это бывает в любой сфере человеке-ской деятельности) основывалась на этом предположении. Она разделила людей в обществе на четыре сословия (учитывая одновременно духовное, психическое, этическое и экономическое существо чело-века) — браминов, кшатриев, вайшьев и шудр, которые, соответственно, представляли духовного и интеллектуального человека, деятельного человека воли, витального, гедонистического и экономического человека и материального человека; все общество, объединяющее эти четыре составные класса, представляло совершенный образ Бога-творца и деятеля.

Вполне возможен и другой принцип разделения типического общества. Но каким бы ни было его устройство или разделение, типиче-ский принцип не может служить основанием для идеального человеческого общества. Даже по индийской теории он не применим ни в периоды высочайшего расцвета человечества, ни в эпохи его упадка; он не может служить принципом построения общества ни в идеальном веке человечества, веке совершенной Истины (Сатьяюге, Критьяюге), когда человечество живет по некому закону высокой и глубокой реализации своих божественных возможностей, ни в железном веке человечества (Калиюге), когда оно погружается в жизнь инстинктов, импульсов и страстей, а вырождающийся разум становится на службу низшей жизни человека. Этот слишком жесткий принцип разделения общества применим скорее к промежуточным эпохам человеческого цикла, в которые человек старается сохранить хотя бы несовершенную форму своего истинного закона, своей дхармы — при помощи силы воли и силы характера в Третаюге, при помощи закона, установленного порядка и застывшей конвенции в Двапараюге. Тип не являет человека во всей его полноте, он фиксирует и выделяет обычно ярко выраженные стороны его активной природы. Но каждый человек заключает в себе всю совокупность божественных возможностей, и потому шудра не может быть жестко ограничен своей принадлежностью к сословию шудр, как и брамин — своей принадлежностью к сословию браминов, поскольку в каждом из них заключены потенциальные возможности и стремление к совершенству, свойственные другим элементам божественной природы человека. В Калиюге эти потенциальные силы мо-гут действовать в условиях невообразимого хаоса и анархии нашего существа, за которыми скрывается наше смутное стремление прийти к новому принципу организации. В промежуточные эпохи принцип организации может довольствоваться ограниченным совершенством, подавляя одни элементы нашей природы, чтобы усовершенствовать другие. Но закон Сатьяюги заключается в широком раскрытии всей истины нашего существа в процессе реализации самопроизвольной и самодостаточной духовной гармонии. Этого можно достичь только в ходе эволюции (насколько позволяют нам наши способности, развивающиеся по мере нашего продвижения по все более широким виткам эволюции) духовных планов нашего существа и раскрытия присущих им света и силы, знания и божественных возможностей.

Мы лучше поймем, что собой представляют это высшее существо и высшие способности, если снова рассмотрим, как разум относится к тому стремлению к абсолютному, которое свойственно другим нашим способностям и противоречащим друг другу элементам нашего сложного существования. Давайте исследуем, в частности, отношение разума к супрациональному и инфрациональному в них — к двум крайностям, между которыми наш интеллект является своего рода посредником. Духовное, или супрациональное, на высотах своих всегда обращено к Абсолютному; в своей безграничной протяженности Абсолютное, пребывающее в светоносной бесконечности, своей особой силой реализует бесконечное в конечном, вечное единство — во всем фрагментарном и разнородном. Следовательно, наша духовная эволюция есть восхождение от относительного к абсолютному, от конечного к бесконечному, от фрагментарного к единству. Человек в процессе своего духовного становления начинает выявлять доступные его восприятию силы абсолютного в относительном и овладевать ими, он ощущает всепроникающее и безмятежное присутствие бесконечного в конечном, открывает снимающий все противоречия закон совер-шенного единства во фрагментарном и

разнородном. Духовная воля, действующая в его внешней, равно как и внутренней жизни и сфере деятельности, должна осуществить великое примирение, снимающее противоречие между скрытой и вечной реальностью и ограниченными видимостями мира — мира, который стремится эту реальность выразить, но, выражая, как будто отрицает ее. Таким образом, нашими высшими способностями являются те, которые делают это возможным, поскольку несут в себе сокровенные свет, силу и радость, позволяющие постичь эти вещи на уровне непосредственного знания и опыта, осознать и превратить в обычные и постоянные акты воли, сделать их доступными для всех частей нашей природы. С другой стороны, основы и истоки инфрарационального теряются в темной бездне Подсознательного; инфрарациональное поднимается на поверхность в инстинктах и импульсах, которые в действительности являются примитивными и более или менее случайными интуициями подсознательного физического, витального, эмоционального и сенсуального ума и воли в нас. Оно направляет усилия на поиск четких определений, на самосозидание, на приведение в некий конечный порядок своего туманного знания и неясных тенденций. Но оно также обладает инстинктом и силой бесконечности, из которой происходит; оно содержит смутные, ограниченные и неистовые желания, которые побуждают его устремляться за силами абсолютного и претворять их или едва заметное их проявление в свое конечное действие; но оно не может по-настоящему преуспеть в этой отчаянной попытке, поскольку действует в невежестве своем, а не в знании. Жизнь разума и разумной воли занимает промежуточное положение между этими высшей и низшей сферами. С одной стороны, разум обращен к жизни инстинктов и импульсов, просвещает ее и помогает ей прийти на более высоком плане к конечному порядку, которого она неосознанно ищет. С другой стороны, он стремится ввысь — к абсолютному, вовне — к бесконечному, вглубь — к Единому, но при этом не в состоянии охватить и глубоко постичь их реальность; ибо он может видеть их лишь в свете косвенного и слабого понимания, поскольку пребывает в относительном и, будучи сам ограниченным и конечным, может действовать только путем определения, разделения и ограничения. Эти три силы бытия — супрарациональная, рациональная и инфрарациональная — присутствуют, но в бесконечно разнообразных по силе проявлениях, во всей нашей деятельности.

Ограниченность разума обнаруживается самым поразительным, самым характерным, самым наглядным образом, когда он сталкивается с той великой системой психологических истин и опыта, которую мы пока не рассматривали, с религиозным существом человека и его религиозной жизнью. На эту сферу интеллектуальный разум взирает со смущением и недоумением иностранца, который слышит незнакомый язык, не в силах понять ни слов, ни их смысла, ни духа и видит повсюду уклад жизни и образ мышления и действия, абсолютно чуждые его опыту. Он может попытаться выучить этот язык и понять эту странную и чуждую ему жизнь; но это потребует от него неимоверных трудов и усилий, и он не добьется успеха, пока не забудет все, что знал раньше, и не станет единым по духу и по природе своей с уроженцами этой небесной империи. До тех же пор все его старания понять и перевести их речь на собственный язык соответственно собственным концепциям будут приводить в худшем случае к полнейшему непониманию и искажению смысла. Для людей духовного опыта все попытки позитивного критического разума проанализировать явления религиозной жизни подобны лепету младенца, который старается облечь жизнь взрослых в форму своих привычных представлений о мире, или вопиющему невежеству несведущего ума, который считает уместным снисходительно или враждебно критиковать труды глубокого мыслителя или великого ученого. Даже в лучшем случае эти тщетные усилия разума помогут выявить и объяснить только внешнюю сторону вещей, которые он пытается исследовать; дух ускользает от него, глубинная суть остается вне поля его зрения, и в результате этого значительного изъяна даже в объяснении внешней стороны вещей нет подлинной истины и оно кажется правильным только по виду.

Лишенный помощи интеллектуальный разум, сталкиваясь с явлениями религиозной жизни, естественным образом склонен занимать одну из двух позиций, каждая из которых

является заблуждением и свидетельствует о крайней поверхностности и самонадеянности интел-лекта. Он либо видит в религии просто массу суеверий, мистический вздор, мешанину из невежественных варварских пережитков (таков был дух крайнего рационалиста, теперь, к счастью, если еще не исчезнувший окончательно, то уже значительно ослабленный и почти умирающий), либо он покровительствует религии, стремится объяснить ее происхождение и избавиться от нее, прибегая к рациональным объяснениям; либо же старается мягко или резко отвергнуть или исправить ее суеверия, несуразности, нелепости, очистить ее и превратить в абстрактное ничто или убедить ее очиститься собственными силами с позиций логического интеллекта; либо он оставляет за ней право на существование, сохраняет ее, возможно, для наставления невежественных, признает ее важность как фактора, влияющего на формирование морали, и ее полезность Государству для поддержания порядка среди низших слоев населения, возможно даже, пытается изобрести эту странную химеру — рациональную религию.

В положительных своих моментах первая позиция интеллектуального разума сыграла значительную роль в истории человеческой мысли, даже по-своему принесла значительную пользу человеческому прогрессу (ниже нам придется кратко указать, каким образом и почему) и, в конце концов, даже самой религии; но присущие ей нетерпимые отрицания ложны и самонадеянны — и сегодня это стало очевидно для человеческого ума. Здесь ошибка разума подобна ошибке иностранца, которому все в чужеземной стране кажется нелепым и примитивным, поскольку это расходится с его собственным образом действия и мышления, не подходит под его мерку и не отвечает его критериям. Так крайний рационалист задается вопросом, способен ли религиозный дух отвечать требованиям материального ума, удовлетворять его критериям и даже давать физическое подтверждение своим истинам — хотя сама религия по сути своей есть открытие нематериального Духа, игра супрафизического сознания. И так же он пытается судить о религии по своему впечатлению о внешней ее стороне как невежественный и неугомонный иностранец пытается судить о культуре страны по платью и внешнему укладу жизни ее обитателей и некоторым наиболее заметным особенностям принятой манеры поведения. То обстоятельство, что он заблуждается вместе с некоторыми так называемыми верующими, может служить ему извинением, но никак не оправданием его невежества. Более умеренная позиция рационального ума тоже сыграла свою роль в истории человеческой мысли. Здесь его старания объяснить религию вылились в огромное количество искусственных построений, поражающих своей затейливостью, — вроде некоторых псевдонаучных попыток создать сравнительную Науку Религии. Он возвел огромные, выдержанные в современном стиле фасады теории, используя в качестве строительного материала разнокалиберные кирпичики неверно понятых фактов. Его склонность к снисходительному оправданию религии вызвала к жизни течения мысли, не отмеченные глубиной, которые быстро исчезли, не оставив после себя следа. Его попытки создания рациональной религии — совершенно благонамеренные, но беспомощные и неубедительные — не дали никакого ощутимого результата и исчезли подобно тающему облачку, *chinnaPbham iva nasvyati*.

Сокровеннейшая суть, глубинный смысл религии — если оставить в стороне внешнюю организацию религиозной догмы, культа, обряда и символа — есть поиск Бога и обретение Бога. Она устремлена к открытию Бесконечного, Абсолютного, Единого, Божественного, которое объединяет все эти понятия и все же является не абстракцией, но Существом. Она проявляется в искреннем переживании истинных и сокровенных отношений между человеком и Богом — отношений, подразумевающих единство и различие, озаренное знание и экстатическую любовь и восторг, абсолютное подчинение и служение, преображение каждого элемента нашего существования из обычного его состояния в страстное стремление человека к Божественному и ни-схождение Божественного в человека. Все это не имеет ничего общего со сферой разума или полем его нормальной деятельности; цель религии, ее сфера, ее процессы супрарациональны. Знания Бога нельзя достичь путем взвешивания слабых доводов разума за или против Его существования; знания Бога можно достичь только

через самопреодоление и полную самоотдачу, устремленность и духовный опыт. Причем этот опыт осуществляется вовсе не в результате каких-то рациональных научных экспериментов или рационального философского мышления. Даже в тех частях религиозной дисциплины, которые по виду более всего напоминают научный эксперимент, метод заключается в переживании вещей, превосходящих разум и его ограниченную сферу действия. Даже в тех частях религиозного знания, которые по виду более всего напоминают результаты интеллектуальной деятельности, озаряющими силами являются вовсе не воображение, логика и рациональное суждение, но откровения, вдохновение, наития, интуитивные прозрения, которые нисходят на нас с плана супрарационального света. Любовь к Богу — это бесконечное и абсолютное чувство, которое не допускает никаких ограничений, установленных разумом, и не пользуется языком разума в своем почитании и поклонении; радость в Боге — это покой и блаженство, превосходящие всякое понимание. Подчинить себя Богу — значит подчинить все свое существо супрарациональному свету, воле, силе и любви, и служение Ему не признает компромиссов с жизнью, в которых практический разум человека видит главное достоинство своего обычного образа действий в мирском существовании. Везде, где религия действительно находит себя, где она открывается собственному своему духу (а существует множество таких религиозных практик, которые не основательны, не совершенны, не вполне искренни, не вполне уверены в своем методе и склонны прислушиваться к суждениям разума), ее путь совершенен и ее достижения превосходят ментальные описания.

Конечно, разум играет свою роль в том, что касается этой высочайшей сферы нашего религиозного существования и опыта, но роль совершенно вторичную и второстепенную. Он не может установить закон для религиозной жизни, он не может по собственному своему праву сформировать систему божественного знания; он не может воспитать и развить божественную любовь и восторг; он не может поставить пределы духовному опыту или связать своими узами деятельность духовного человека. Единственное законное право разума это на своем собственном языке как можно лучше объяснить нашему рациональному и интеллектуальному существу истины, переживания и законы нашего супрарационального и духовного существа. Этим занималась духовная философия на Востоке и — куда более примитивным и несовершенным образом теология на Западе, и труд их приобретает великое значение в моменты, подобные настоящему, когда интеллект человечества после долгих блужданий вновь обращается к поиску Божественного. Здесь неизбежно вступают в силу методы, свойственные интеллекту: логическое рассуждение, выведение умозаключений из фактов, данных рациональным опытом, поиск аналогий на основании нашего знания видимой реальности, даже обращение к истинам естественных наук — т. е. все те операции, к которым прибегает интеллектуальный ум в своей обычной деятельности. Но это слабейшая часть духовной философии. Она убеждает рациональный ум только там, где интеллект уже предрасположен к вере, и даже если убеждает, то все равно не дает истинного знания. Разум заслуживает наибольшего доверия, когда он соглашается принимать глубокие истины и опыт духовного существа и духовной жизни такими, какими они ему даются, и облекать их в такую форму, приводить в такой порядок, выражать на таком языке, чтобы они стали максимально доступны или наименее непонятны для логического ума. Но и тогда доверие к нему не может быть полным, ибо он склонен превращать порядок в жесткую интеллектуальную систему и выдавать форму за сущность. И даже в лучшем случае ему приходится говорить не на подлинном языке супрарациональной истины, но прибегать к неадекватному переводу с него, а поскольку и такой язык тоже не привычен для рационального интеллекта, средний человеческий ум часто не понимает его или понимает неправильно. Из своего опыта ищущий в духе прекрасно знает, что даже самое возвышенное философствование не может дать истинного внутреннего знания, не является духовным светом, не открывает врат духовного опыта. Все, что может сделать философия, — это обратиться к сознанию человека через его интеллект и сказать: «Я попыталась дать тебе истину, облеченную в форму и приведенную в систему, которые сделают ее понятной и

доступной для тебя; если я убедила или увлекла твой интеллектуальный разум, то теперь ты можешь искать истинное знание, но искать его ты должен иными средствами, которых у меня нет».

Но есть другой уровень религиозной жизни, на котором разум, похоже, обладает большей свободой действий и облечен правом играть более значительную роль. Ибо наряду с жизнью супрарациональной, в которой полностью реализуется религиозное устремление человека, существует и инфрарациональная жизнь инстинктов, импульсов, ощущений, примитивных эмоций, витальной деятельности, в которой берет начало всякое человеческое намерение. Все они тоже ощущают прикосновение религиозного чувства, разделяют его потребности и опыт и стремятся к его удовлетворению. В религии происходит удовлетворение и религиозных потребностей инфрарационального: религия в общепринятом смысле этого слова сосредоточена главным образом на этом, а порой кажется — исключительно на этом; ибо в мутном и бурном потоке инфрарационального духовный опыт высочайшей пробы, за исключением редких его проблесков, разглядеть невозможно. Много скверны, невежества, суеверия, всяких сомнительных элементов возникает в результате этого соприкосновения и слияния нашей низшей, невежественной природы с высочайшими духовными переживаниями нашего существа. Здесь, по-видимому, разум имеет законное право действовать; здесь он, конечно, может вмешиваться с целью озарять, очищать, рационально обосновывать игру инстинктов и импульсов. Казалось бы, религиозная реформация — движение к «чистой» и рациональной религии, которая сменила бы религию преимущественно инфрарациональную и нечистую, должна знаменовать явный прогресс в религиозном развитии человечества. До некоторой степени это справедливо, но с большими оговорками — учитывая особую природу религиозного существа и его всеохватное стремление к супрарациональному; да и не может рациональный ум сделать здесь что-нибудь, имеющее высокое позитивное значение.

Религиозные формы и системы ослабевают, разлагаются и подлежат уничтожению, в противном случае они в значительной мере утрачивают свой внутренний смысл, начинают искажать знание и приносить вред на практике; таким образом, уничтожая все, пришедшее в упадок, и не принимая искажения, разум сыграл важную роль в истории религии. Но в своем стремлении избавиться от суеверия и невежества, которые проникли в религиозные формы и символы, интеллектуальный разум, не просвещенный духовным знанием, склонен также отрицать и, по возможности, уничтожать заключенные в них истину и духовный опыт. Реформации, отводящие слишком большую роль разуму и излишне агрессивные в своем отрицании и протесте, обычно порождают религии, которым недостает духовного богатства и полноты религиозного чувства; они небогаты по содержанию; их форма, а слишком часто и дух, скудны, бесплодны и холодны. Да по существу эти религии и не являются рациональными; ибо живут они не своими рассуждениями и догмами (которые рациональному уму кажутся столь же иррациональными, как убеждения предшествующих им вероучений) и тем более не своими отрицаниями — но положительной суммой веры и религиозного рвения, которые по самой своей природе являются супрарациональными, хотя содержат в себе и инфрарациональные элементы. Если эти инфрарациональные элементы здесь не так заметны обычному уму, как в вероучениях, менее сомневающих в своей правоте, то происходит это потому, что эти элементы не столь решительно стремятся проникнуть в сферу супрарационального опыта. Жизнь инстинктов и импульсов в ее религиозном аспекте нельзя полностью очистить с помощью разума, скорее это можно сделать сублимируя ее, поднимая к свету духовного знания. Естественное развитие религии всегда происходит путем озарения; и религиозная реформация дает наилучшие результаты, если наполняет новым светом старые формы, а не уничтожает их, или — там, где разрушение необходимо, — замещает их формами более богатыми, а не более бедными, и в любом случае — когда очищает религию супрарациональным озарением, а не рациональным просвещением. Чисто рациональная религия может принять форму лишь холодного и бесплодного деизма, и подобным религиям никогда не удавалось стать жизнеспособными и

долговечными; ибо они направлены против дхармы, естественного закона и духа религии. Если разуму суждено сыграть решающую роль в религии, то это будет не интеллектуальный, а интуитивный разум, отличающийся высокой напряженностью духа и умением проникать в природу вещей. Ибо следует помнить, что инфрарациональное тоже несет в себе сокровенную истину, которая не попадает в зону действия разума и не поддается в полной мере логическому анализу. Сердце обладает своим знанием, жизнь заключает в себе свой интуитивный дух, свои глубинные тайны, откровения, проблески и вспышки Сокровенной Энергии, устремления и прорывы к божественному или, по меньшей мере, к полубожественному, которые одна лишь интуиция способна узреть своим оком, облечь в свое слово или выразить своим символом. Удалить все это из религии или очистить религию от всех необходимых для ее полноты элементов только потому, что формы ее расплывчаты и не совершенны, не имея при этом силы озарить их изнутри или терпения подождать, пока в них низойдет озарение свыше, или не заменяя их более светоносными символами, — значит не возвысить, но обеднить религию.

Но духу и разуму вовсе необязательно враждовать, как это слишком часто бывает на практике, или отказываться от каких-либо взаимоотношений. Самой религии вовсе необязательно принимать за свой принцип формулу «Верю, потому что это невозможно» или паскалевское «Верю, потому что это абсурдно». То, что невозможно или абсурдно для лишенного поддержки разума, становится реальным и верным для разума, превзошедшего самого себя силой духа и озаренного светом духа. Ибо тогда он подчиняется власти интуитивного ума, который является для нас средством перехода к еще более высокому принципу знания. Духовность в самом широком смысле этого слова не исключает и не подавляет ни одного вида деятельности, ни одной способности человека, но старается вывести их из состояния несовершенства и слепого невежества, преобразовывает их своим прикосновением и превращает в орудия света, силы и радости божественного существования и божественной природы.

Глава XIV. Супрарациональная красота

Религия есть поиск духовного, супрарационального, поэтому вполне возможно, что в этой области интеллектуальный разум окажется несостоятельным помощником, который не только в конечном счете, но и с самого начала обнаруживает некомпетентность и в силу своей неуверенности или излишней самонадеянности обречен на блуждания в царстве силы и света, превосходящих его собственные силу и свет. Однако следует признать, что в других сферах человеческого сознания и человеческой деятельности разум имеет право на верховную власть, поскольку они относятся к более низкому плану рационального и конечного или принадлежат той пограничной области, где соприкасаются рациональное и инфрарациональное, где побуждениям и инстинктам человека необходимы прежде всего свет и контроль разума. В собственной же сфере разума — сфере ограниченного знания, науки, философии, интеллектуального искусства — его право на верховную власть, казалось бы, неоспоримо. Но в конечном итоге оказывается, что это не так. Разум может расширить сферу своей деятельности, развить свои силы, стать более уверенным в своих действиях, но в конце концов он неизбежно обнаруживает, что находится между двумя другими силами нашего существа и выполняет в большей или меньшей степени все ту же функцию посредника. С одной стороны, разум является просветителем (причем не всегда основным) и преобразователем наших жизненных импульсов и первичных ментальных устремлений, а с другой — всего лишь орудием зримо не проявленного Духа и предтечей, подготавливающим пути для пришествия его власти.

С особой очевидностью это проявляется в двух сферах, которые при обычном уровне развития наших способностей находятся ближе всего к сфере разума, граничат с ней с той и с другой стороны — т. е. в сферах эстетического и этического существа, поисков Красоты и поисков Добра. Стремление человека к прекрасному достигает наиболее яркого и

совершенного выражения в великих искусствах: поэзии, живописи, скульптуре, архитектуре; если же взять это понятие в полном объеме, то нет такой области человеческой деятельности или сферы человеческой жизни, в которых не проявлялась бы красота — при условии, что мы понимаем красоту как в самом широком, так и в самом подлинном смысле этого слова. Безусловно, полное и всеобъемлющее понимание красоты и стремление сделать идеально прекрасными все наше существо и жизнь обязательно должны быть присущи совершенному индивиду и совершенному обществу. Но по сути своей это стремление к красоте не рационально; оно берет начало в глубинных источниках нашей жизни; это инстинкт и импульс — инстинкт эстетического удовлетворения и импульс эстетического созидания и наслаждения. Зарождаясь в инфрарациональных частях нашего существа, эти инстинкт и импульс на первых порах остаются чрезвычайно несовершенными, непросвещенными и примитивными как в созидании, так и в понимании прекрасного. Именно здесь в дело вмешивается разум, чтобы, руководствуясь своим развитым вкусом и верным знанием, различать, просвещать, исправлять, указывать на недостатки и недоработки, устанавливать законы эстетики и облагораживать наше понимание прекрасного и наше творчество. Пока мы таким образом стараемся познавать и исправлять себя, художник, как и поклонник искусства, может считать разум истинным законодателем и, пусть не создателем нашего эстетического инстинкта и импульса, все же создателем нашего эстетического вкуса и его бдительным судьей и наставником. Наши прежние бессознательные и беспорядочные действия он превращает в сознательную деятельность, обладающую рациональной способностью различения как в творчестве, так и в эстетическом наслаждении.

Но опять же это справедливо лишь в определенных пределах, а если где-нибудь и справедливо в полной мере, то лишь на среднем уровне наших эстетических поисков и деятельности. Там, где создаются величайшие и высочайшие образцы прекрасного и где понимание красоты и эстетическое наслаждение достигают предельного совершенства, человек всегда выходит за рамки рационального и оставляет его позади. Созидание прекрасного в поэзии и искусстве не подчиняется власти разума и даже не входит в сферу его влияния. Интеллект — не поэт, не художник и не творец в нас; истинное творчество осуществляется за счет потока сверхрационального света и силы, который проявляется — когда приносит наилучшие плоды — через видение и вдохновение. Эти свет и сила могут иногда прибегать к интеллекту, но чем больше они подчиняются интеллекту, тем больше теряют в мощи и силе видения, и тем меньше величия и истины являет красота, сотворенная ими. Интеллект может даже забрать власть над супрарациональным светом и силой, умерить и подавить божественный восторг творчества и принудить их подчиниться благоразумию своих требований, но таким образом он низводит их деятельность на свой более низкий уровень — и тем успешней, чем значительнее его вмешательство в творческий процесс. Ибо собственными своими силами интеллектуальный разум способен развиться лишь до таланта, хотя это может быть очень большой и даже, при достаточной поддержке свыше, великий талант. Гений, истинный творец, неизменно супрарационален по природе своей и в средствах своего самовыражения — даже когда, казалось бы, он выполняет работу интеллекта. Он более всего является самим собой, наиболее велик в своей деятельности, наиболее стабилен в смысле мощи, глубины, высоты и красоты своих достижений, когда он менее всего соприкасается с обычным интеллектом, наименее подвержен его контролю и наименее часто спускается с высот видения и вдохновения, чтобы прибегнуть к неизменно механистической интеллектуальной деятельности. Искусство, принимающее каноны разума и созидающее в установленных им пределах, может быть великим, прекрасным и сильным; ибо гений способен сохранить свою силу, даже когда он трудится в оковах и отказывается использовать все свои ресурсы; но когда он использует интеллект как средство творчества, он конструирует, а не творит. Это могут быть замечательные конструкции, выполненные искусно и с безупречным мастерством, но они являют достижение в области формы, а не победу духа, совершенство техники, а не воплощение нетленной истины прекрасного, которую творец постиг в своей внутренней реальности, своем божественном восторге, своем

обращении к высочайшему источнику экстаза, Ананде.

В истории человечества были периоды художественного творчества, эпохи разума, когда рациональная и интеллектуальная тенденции преобладали в поэзии и искусстве; были даже народы, которые в великие периоды становления искусства и литературы подчиняли свою эстетическую деятельность верховной власти разума и утонченного художественного вкуса. Лучшие произведения искусства, созданные в такие периоды, отмечены известным величием, но главным образом интеллектуальным величием и совершенством техники, а не высочайшей вдохновенной красотой, открывающей истину; действительно, самая их цель состояла не в открытии глубинной истины прекрасного, но в утверждении истины идей и истины разума — цель критического ума, а не подлинно творческого духа. Основной целью творчества было дать интеллектуальный анализ жизни и природы, облагороженный превосходным поэтическим ритмом и языком, чем явить Бога, человека, жизнь и природу во вдохновенных художественных формах прекрасного. Но великое искусство не довольствуется выражением интеллектуальной истины вещей, которая всегда остается поверхностной, или внешней; оно ищет глубинную изначальную истину, не доступную одним только чувствам или простому разуму — заключенную в вещах душу, незримую реальность, которая есть реальность не формы и процесса, но духа вещей. Именно эту реальность постигает искусство и выражает через форму и идею — но через форму, которая исполнена значения и смысла, а не просто является достоверным, точным или гармоничным слепком с видимой Природы; и через идею-откровение, а не просто идею, которая правильна, красиво и верно сформулирована или полностью отвечает разуму и художественному вкусу. Истина, которую ищет искусство, есть прежде всего истина красоты опять-таки речь идет не просто о красоте формы или красоте пропорций и правильного метода, которую ищут чувства и разум, но о душе красоты, которая сокрыта от обычного взгляда и заурядного ума и открывается во всей своей полноте лишь ясному видению земного поэта и художника, способного постичь тайные смыслы универсального поэта и художника — божественного творца, который пребывает как душа и дух в создаваемых им формах.

Искусство, которое придает главное значение разуму и эстетическому вкусу, а также совершенству и чистоте художественного метода, разработанного согласно канонам разума и эстетического вкуса, претендовало на звание классического искусства; но правомерность подобного притязания, как и излишне жестких разграничений, на которых такое искусство основывается, представляется весьма сомнительной. Дух истинного, великого классического искусства и поэзии должен выявлять универсальное и подчинять выражение индивидуального универсальной истине и красоте, точно так же, как дух романтического искусства и поэзии должен выявлять все своеобразное и индивидуальное, и зачастую он делает это с такой силой или с такой живой выразительностью, что универсальное в его творениях отходит на задний план; тем не менее именно на основе универсального всякое истинное искусство романтическое ли, классическое ли — созидает и наполняет содержанием свои формы. В действительности любое великое искусство содержит в себе как классический и романтический, так и реалистический элемент — под реализмом понимается здесь предпочтительное выявление внешней истины вещей, а не тот извращенный, вывернутый наизнанку романтизм «реальной действительности», который чрезмерно выпячивает безобразное, заурядное или патологическое и выдает это за окончательную истину жизни. Принадлежность великого произведения тому или иному типу искусства определяется тем, какому элементу оно отдает предпочтение и насколько подчиняет остальные его преобладающему влиянию. Но классическое искусство тоже творит на основе широкого видения и вдохновения, а не интеллектуального процесса. Классическое искусство и литература низшего вида — если оно действительно классическое, а не псевдоклассическое (как это часто бывает), рассудочно подражающее внешней форме и методу искусства классического, — может явить произведение значительной, хотя и гораздо меньшей силы, но существенно уступающее образцам истинного творчества в широте и

глубине содержания; ибо на эту неполноценность оно обрекло само себя принципом интеллектуального построения. Оно почти всегда стремительно вырождается в формальное или академическое искусство, лишенное истинной красоты, лишенное жизни и силы, ограниченное своей рабской преданностью форме и воображающее, что всего можно достичь, если соблюдать определенную форму, следовать определенным канонам построения и подчиняться определенным стилистическим правилам или методическим принципам. Оно перестает быть искусством и превращается в холодное и механическое ремесленничество.

Это стремление утвердить в первую очередь (а иногда даже почти исключительно) власть разума и эстетического вкуса в созидании и понимании прекрасного объясняется складом ума — скорее критическим, нежели творческим; и в своей теории творчества такой критический ум впадает в существенное заблуждение. Любой творческий процесс (чтобы произведение искусства было совершенным) должна направлять внутренняя способность различения, постоянно отбирающая и отсеивающая элементы в согласии с принципом истины и красоты, который всегда остается верным закону гармонии, пропорции, органической связи форм с идеей; в то же время существует совершенное соответствие идеи духу, природе и внутренней структуре произведения, выражающего явленную душу и разуму красоту, — его сварупе (svaruṖa) и свабхаве (svabhāva). Следовательно, эта внутренняя способность различения отвергает все чуждое, излишнее, бесполезное, все, что уводит в сторону, размывая и искажая, перегружая или обедняя произведение, и в то же время своей верховной властью отбирает и изыскивает все, что может выявить полную истину, совершенную красоту, самую сокровенную силу. Но это различение осуществляется не критическим интеллектом, как и гармония, пропорции, соотношения, возникающие в процессе различения, устанавливаются не с помощью закона, сформулированного критическим разумом; способность различения органично присуща природе и истине самого произведения, самого творчества, его сокровенному внутреннему закону красоты и гармонии, который можно постичь только видением, а не интеллектуальным анализом. Следовательно, способность различения, присущая творцу, не имеет ничего общего с интеллектуальной самокритикой или соблюдением правил, навязанных ему извне какими-либо канонами интеллекта, — она сама является творческой, интуитивной способностью, частью видения, вовлеченной в творческий процесс и не отделимой от него. Она приходит как часть того потока силы и света свыше, который через божественный экстаз поднимает творческие способности человека к плану мощной супрарациональной деятельности. Когда же способность различения оказывается неэффективной, когда ей изменяют низшие исполнительные силы, рациональные или инфрарациональные (а это происходит, когда они выходят из состояния пассивности и настойчиво требуют удовлетворения своих собственных требований или капризов), тогда произведение получается неполноценным и возникает необходимость в последующем процессе самокритики. Но художник, который пытается исправить свое произведение согласно каким-то критериям и на основе интеллектуального процесса, использует ошибочный или во всяком случае малоэффективный метод и не реализует полностью свои возможности. Ему следует призвать на помощь интуитивное критическое видение и воплотить его в новом акте вдохновенного созидания или пересозидания, предварительно с его помощью снова войдя в состояние гармонии со светом и законом своего изначального творческого замысла. Критический интеллект не принимает прямого или независимого участия в деятельности вдохновенного творца прекрасного.

Он принимает участие в оценке прекрасного, но даже здесь не является ни верховным судьей, ни законодателем. Задача интеллекта — анализировать элементы, части, внешние процессы, видимые принципы объекта исследования и объяснять их взаимоотношения и работу; в процессе такой деятельности он обучает и просвещает низший ум, который, будучи предоставлен сам себе, имеет обыкновение совершать действия или принимать сделанное как само собой разумеющееся без должного размышления и плодотворного понимания. Но в отношении высочайшей и глубочайшей истины прекрасного, как и истины религии,

интеллектуальный разум не способен постичь внутренний смысл и реальность прекрасного и даже внутреннюю истину видимых принципов и процессов, если ему не помогает высшая интуиция, не ему принадлежащая. Подобно тому, как он не может дать человеку метод, процесс или закон, согласно которому может или должно создаваться прекрасное, он не может привнести в понимание красоты ту глубинную интуицию, в которой оно нуждается; он может лишь помочь очистить и прояснить обычные восприятия и представления низшего ума, которые мешают ему видеть прекрасное или навязывают ему неверные и примитивные эстетические критерии: он делает это предоставляя уму внешнюю идею и закон соотношения элементов той вещи, которую ум должен воспринять и оценить. Далее необходимо пробуждение особого рода видения, интуитивное постижение и отклик души. Разум, который всегда подходит к изучению извне, не способен установить такую глубокую и тесную связь с вещью; ему приходится прибегать к более непосредственному орудию — интуиции, рождающейся из самой души, и призывать на каждом шагу интуитивный ум, чтобы тот компенсировал его собственную несостоятельность.

Об этом наглядно свидетельствует история литературы и художественной критики. На ранних стадиях понимание прекрасного является интуитивным, естественным, врожденным — это отклик эстетического чувства души, которая не пытается ничего объяснять мыслящему разуму. Когда же оценивать прекрасное берется рациональный интеллект, он не довольствуется честной констатацией природы и качества эстетического переживания, но пытается анализировать, формулировать необходимые условия «правильного» эстетического наслаждения; он вырабатывает теорию художественного метода, художественный закон и правила построения произведения, своего рода механические принципы созидания прекрасного, незыблемый канон или Шастру. Это приводит к длительному периоду господства академической критики — поверхностной, формальной, искусственной, исходящей из ложной идеи о том, что самым важным элементом творческого процесса является художественный метод, верно представить который может один лишь критический разум, и что каждому виду искусства может соответствовать некая наука, которая исчерпывающе объяснит нам, каким образом создается произведение, и посвятит нас в тайну и процесс его создания. Наступает время, когда творец прекрасного восстает и провозглашает свое право на свободу — обычно в форме нового закона или принципа творчества, — и эта свобода, однажды утвержденная, начинает расширяться и увлекать за собой критический разум, раздвигая его привычные границы. Появляется более глубокая оценка прекрасного, стремление искать новые принципы критики: постигать душу самого произведения и объяснять его форму в связи с душой или изучать самого творца или дух, характер и идеи эпохи, в которую он жил, и таким образом приходить к правильному пониманию его произведений. Интеллект начинает сознавать, что главная его задача — не устанавливать законы для творца прекрасного, но помочь нам понять самого художника и его произведение — не только его форму и составные элементы, но и ум, в котором оно зародилось, и впечатления, которые оно вызывает в уме воспринимающем. Здесь критический разум стоит на верном пути, но на пути, к концу которого рациональное понимание остается далеко позади и открывается высшая способность, супрациональная по своему происхождению и природе.

Ибо сознательное восприятие прекрасного достигает предельной ясности и приносит высочайшее наслаждение не благодаря анализу красоты, которой наслаждаются, и даже не благодаря правильному и разумному ее пониманию — ибо они лишь предварительно очищают наше изначально непросвещенное чувство прекрасного — но благодаря экзальтации души, в которой она полностью открывается свету, силе и радости творения. Душа прекрасного в нас отождествляет себя с душой прекрасного в произведении искусства и в процессе восприятия испытывает то же божественное упоение и тот же духовный подъем, которые испытывал художник в процессе творчества. Критика достигает предельных высот, когда запечатлевает, объясняет, верно описывает этот отклик души; она сама должна стать вдохновенной, интуитивной, дарующей откровение. Иными словами,

деятельность интуитивного ума должна стать завершением деятельности рационального интеллекта; интуитивный ум может даже полностью заместить интеллект и более эффективно исполнять специфическую, свойственную ему работу; он может более глубоко объяснить нам тайну рождения формы, стадии творческого процесса, внутреннюю причину, сущность и характер недостатков и несовершенств, присущих произведению, равно как и его достоинств. Ибо интуитивный ум — когда он достаточно воспитан и развит всегда может взять на себя работу интеллекта и обнаружить при этом силу, свет и способность проникновения в сущность, которые более велики и надежны, чем сила и свет интеллектуального ума, даже самого развитого. Существует интуитивная способность различения, которая превосходит остротой и точностью восприятия видение логического разума.

Все, сказанное о великом искусстве как о той форме прекрасного, в которой обычно наше эстетическое чувство находит величайшее и глубочайшее удовлетворение, относится ко всякой красоте — красоте Природы, красоте жизни, равно как и красоте искусства. Мы приходим к тому, что в конечном счете в своем отношении к прекрасному разум занимает в точности то же место и имеет те же пределы возможностей, как и в своем отношении к религии. Он помогает просвещать и очищать эстетические инстинкты и импульсы, но не может дать им высочайшую удовлетворенность или развить в них способность полного проникновения в сущность. Он до некоторой степени формирует эстетический ум и способствует его реализации, но не может с основанием притязать на право устанавливать окончательный закон для процесса созидания прекрасного или для восприятия прекрасного и наслаждения им. Он может только направлять эстетический инстинкт, импульс и ум к максимально сознательному удовлетворению, но не приводить к нему; в конце концов он должен передать их в распоряжение более высокой способности, которая непосредственно соприкасается с супрациональным и по своей природе и образу действий превосходит интеллект.

И причина здесь все та же: ибо в прекрасном в конечном счете мы ищем то же самое, что и в религии — Абсолютное, Божественное. В своем поиске прекрасного человек лишь в самом начале пути удовлетворяется красотой формы — красотой, которая обращена на физические чувства и витальные впечатления, импульсы и желания. Лишь в середине пути его начинает привлекать красота воспринимаемых им идей, он начинает находить удовольствие в пробужденном эстетическом чувстве, в постижении совершенного творческого процесса и гармонии элементов. За всем этим душа прекрасного, заключенная в нас, жаждет испытать вдохновенный восторг от прикосновения, откровения абсолютной красоты во всех вещах, присутствие которой она ощущает, но постичь которую не могут сами по себе ни чувства и инстинкты (хотя они могут служить средствами постижения), ибо она сверхчувственна, ни разум и интеллект (хотя они тоже являются средствами постижения), ибо она супрациональна и супраинтеллектуальна, но которой сама душа стремится достичь сквозь все эти покровы. Когда она сможет вступить в соприкосновение с этой универсальной, абсолютной красотой, этой душой прекрасного, увидеть ее откровение в любой, самой незначительной и самой великой вещи, постичь красоту цветка, формы, красоту и силу характера, действия, события, человеческой жизни, идеи, штриха, положенного кистью или резцом, или блестящей мысли, пламенеющего заката или величественной грозы, — только тогда чувство прекрасного в нас найдет истинное, глубокое и совершенное удовлетворение. В действительности, как и в религии, это есть поиск Божественного, Всепрекрасного в человеке, в природе, в жизни, в мысли, в искусстве; ибо Бог есть Красота и Наслаждение, скрытые за многообразием Его масок и форм. Когда в нашем растущем чувстве и понимании прекрасного, в наслаждении прекрасным и даре сотворения прекрасного мы обретаем способность отождествить себя в душе с этим Абсолютным и Божественным, пребывающим во всех формах и видах деятельности мира, и сформировать образ нашей внутренней и внешней жизни по тому высочайшему образу Всепрекрасного, который мы можем постичь и воплотить, тогда эстетическое существо в

нас, рожденное для этой цели, осуществляет себя и восходит к своему божественному завершению. Найти высочайшую красоту — значит найти Бога; открыть, воплотить или, как мы говорим, создать высочайшую красоту — значит вызвать из наших душ живой образ и силу Бога.

Глава XV. Супрарациональное благо

Рассмотрев принцип закон нашего религиозного существа и принцип и закон нашего эстетического существа, мы начали сознавать универсальность принципа и закона, которые управляют всем бытием и о которых поэтому мы должны постоянно помнить при рассмотрении любой человеческой деятельности. В основе их лежит истина, на которой всегда сходились все мудрецы, хотя интеллектуальный мыслитель может постоянно подвергать ее сомнению. Эта истина заключается в том, что все активное существование человека есть поиск Бога, поиск высочайшего «я» и глубочайшей Реальности, тайно пребывающей внутри человека и вещей, по ту их сторону и над ними, поиск скрытой Божественности; эта истина, проблески которой мы можем увидеть в религии, составляет незримую сущность всей жизни; это великая тайна жизни, которую она всеми силами стремится раскрыть и превратить в создаваемую реальность.

Субъективно поиск Бога тоже есть поиск нашего высочайшего, истиннейшего, полнейшего и широчайшего «я». Это поиск Реальности, скрытой от нас за видимостями жизни, которые выражают ее лишь частично или же, прячась за внешними покровами и формами, выражают в противоположностях и контрастах — зачастую в том, что кажется искажением и противоположностью Реального. Это поиск некоей реальности, которая познается во всей полноте только в конкретном и всеохватном ощущении Бесконечного и Абсолютного; она может быть реализована во всей целостности, только когда будет найдено бесконечное во всех конечных вещах и сделана попытка — необходимая и неизбежная, сколь бы невозможной и парадоксальной ни казалась она обычному разуму, — поднять все проявления относительного на уровень абсолютного и примирить все различия, противоположности и противоречия относительного, очистив их и возвысив до некоего абсолюта, в котором они все объединяются. Есть некий совершенный абсолют, в котором найдут оправдание все наши несовершенные относительные понятия и придут в гармонию все их диссонансы, если нам удастся превратить их в сознательные выражения этого абсолюта и они начнут существовать не ради себя самих, но ради Него — как составные элементы этой высочайшей Истины, дробные части этого высочайшего и широчайшего общего мерила. Существует Единое, в котором все эти бесчисленные запутанные противоречия, все эти разобщенные, взаимоисключающие, переплетенные, конфликтующие идеи, силы, тенденции, инстинкты, импульсы, аспекты, видимости, которые мы называем жизнью, могут обрести единство в своем разнообразии, гармонию в своих расхождениях, найти оправдание своим притязаниям, исправить свои искажения и заблуждения, решить свои проблемы и устранить разногласия. К Единому стремится Знание, чтобы Жизнь смогла постичь свой собственный смысл и преобразовать себя в самое высокое и самое гармоничное выражение божественной Реальности, какое только возможно. К нему стремится все, каждая сила пытается по-своему найти Единое: инфрарациональное осязательно движется к нему по линии своих инстинктов, потребностей, импульсов; рациональное пытается поймать его в свою западню логики и порядка, выявляет и суммирует различные его аспекты и анализирует их с целью привести к синтезу; супрарациональное постигает вещи на высшем плане, проникает за поверхность и вглубь вещей, чтобы там соприкоснуться с самой Реальностью, овладеть ее сутью и сущностью и из этого тайного центра просветить все ее бесчисленные элементы.

Эта истина наиболее легко открывается нам в Религии и Искусстве, в культе духовного и культе прекрасного, поскольку там мы обретаем наиболее надежное убежище от раздражающего давления внешней жизни, от ее насущных нужд, назойливо осаждающих

нас, от ее практических проблем, громогласно заявляющих о себе. Там нам не приходится на каждом шагу соглашаться и примиряться с некими грубыми материальными запросами, некой вульгарной, но неизбежной потребностью текущего дня и момента. Там у нас есть время перевести дыхание и заняться поисками Реального за видимой поверхностью мира; там мы можем либо отвращать свой взор от временного и преходящего, либо прозревать вечное за самым временным и преходящим; мы можем выйти за пределы повседневной практической жизни и преобразовать наши души, прикоснувшись к идеальному и универсальному. Мы начинаем освобождаться от оков, мы уходим от той жизни, которая служит нам тюрьмой, где Необходимость — наш тюремщик, а практическая польза — наш постоянный надсмотрщик; мы получаем доступ к свободам души; мы вступаем в Господнее беспредельное царство красоты и восторга или же овладеваем секретом абсолютного самопостижения и раскрываемся для обладания Вечным или поклонения Ему. В этом заключается великая ценность Религии, великая ценность Искусства и Поэзии для человеческого духа; она заключается в их непосредственной способности открывать духу внутреннюю истину, вести его к саморасширению и освобождению.

Но в других сферах жизни, сферах, которые мы по невежеству нашему, словно в насмешку, называем сугубо практической жизнью (хотя, если иметь в виду настоящую цель нашего поиска и осуществления — Божественное, то наше обычное поведение и понятия о жизни представляются далекими от практических), мы еще не готовы признать универсальную истину. Нам требуется длительное время, чтобы признать ее хотя бы частично в теории, и мы редко готовы следовать ей на практике. Нам кажется это трудным потому, что именно здесь, во всей нашей практической жизни, мы соглашаемся быть рабами внешней Необходимости и всегда находим себе оправдание, когда ограничиваем нашу мысль, волю и действие рамками сиюминутных и временных утилитарных соображений. Однако именно здесь мы должны в конечном счете прийти к высочайшей истине. Мы поймем в конце концов, что наша повседневная индивидуальная и коллективная жизнь не есть некая отдельная, обособленная сфера существования, никак не связанная с абсолютной и идеальной реальностью. Напротив, мы никогда не разгадаем подлинный смысл существования и не решим его острые и мучительные проблемы, пока не научимся видеть в нем средство открытия и индивидуального, и коллективного выражения нашего высочайшего, т. е. истиннейшего и полнейшего «я» — всеохватных и полновластных принципа и силы нашего существования. Вся жизнь есть безграничная и многоплановая возможность, данная нам для раскрытия, осуществления и выражения Божественного.

Именно в нашем этическом существе эта подлинная истина практической жизни, ее реальная и высочайшая практичность выявляется с предельной очевидностью. Действительно, рациональный человек пытался свести этическую жизнь, как и все остальное, к вопросу разума, обусловить ее природу, ее закон, ее практическую деятельность неким принципом разума, неким законом разума. Он никогда по-настоящему не преуспел, да и не мог преуспеть в этом; все его видимые достижения суть простые претензии интеллекта, который строит изящные и пустые конструкции из слов и идей, отличающиеся формальной логикой и эклектичностью, — одним словом, претенциозные шаткие построения, которые рушатся при первом же серьезном столкновении с реальностью. Такой была та странная система утилитарной этики, открытая в девятнадцатом веке великом столетии науки, разума и утилитарности — одним из его крайне позитивистских и систематичных умов, и ныне заслуженно дискредитированная. К счастью, теперь мы можем только улыбаться, глядя на поверхностные претенциозные заблуждения этой теории, на ее попытку подменить утилитарным, внешним и случайным критерием внутренний, субъективный и абсолютный этический мотив, на ее старания свести этическую деятельность к сугубо научной и совершенно непрактичной эквилибристике нравственной математики, достаточно привлекательной для рассуждающего и логического ума, но совершенно фальшивой и чуждой для инстинктивного чувства и интуиции этического существа. Равно ошибочными и непрактичными являются и другие попытки разума объяснить принцип и феномен

этического существа и влиять на него — такие, как гедонистическая теория, которая связывает всякую добродетель с удовольствием и удовлетворением стремящегося к благу ума, или социологическая теория, которая полагает этику не более чем системой формул, правил поведения, сформированных под влиянием социального сознания и социальных импульсов, и стремится управлять этической деятельностью, опираясь на этот несовершенный стандарт. Этическое существо превосходит все эти формулы; оно само себе закон и находит свой принцип в собственной своей вечной природе, которая по сути является не развитием эволюционирующего ума (хотя именно так она может видаться в перспективе земной истории), но светом идеала, отражением Божественного в человеке.

И все же за ложными построениями каждой из этих ошибочных теорий присутствует некая истина; ибо все заблуждения человеческого разума суть ложные представления, неправильные построения, внешне убедительные неверные воссоздания истины или одного аспекта или части истины. Получение пользы это фундаментальный принцип существования, а все фундаментальные принципы существования в конечном счете сводятся к одному; поэтому истинно то, что высочайшее благо является также и высочайшей пользой. Истинно и то, что не только величайшее благо наибольшего числа людей, но просто благо ближних и, если взять шире, благо всего мира есть единственная идеальная цель нашей обращенной на внешний мир этической деятельности; именно эту цель хотел бы реализовать этический человек, если бы он только мог найти путь к ней и всегда твердо знать, в чем заключается истинное благо всего мира. Но это не помогает нам управлять нашим этическим поведением, а равно не дает внутреннего принципа нашему существованию или деятельности, но лишь порождает одно из многих соображений, помогающих нам не сбиться с пути, по которому так трудно идти. Добро, а не практическая выгода, должно быть принципом и мерилем добра; в противном случае мы попадаем в зависимость от этой опасной посягательницы, практической целесообразности, которая подчиняет всю свою деятельность далеко не этическим правилам. Кроме того, критерий практической целесообразности, точка зрения практической целесообразности, ее дух, форма, ее использование меняются в зависимости от природы, склада ума и взгляда на мир того или иного индивида. Здесь не может быть ни общего основополагающего закона, который все могли бы соблюдать, ни свода всеобъемлющих основных принципов, которые истинная этика могла бы дать в качестве правил нашего поведения. Да и не может этика быть предметом исчисления. Для этического человека существует только одно надежное правило: твердо придерживаться собственных принципов добра, положиться на собственное инстинктивное представление о добре, на свое видение добра, на свое интуитивное понимание добра и руководствоваться ими в своих действиях. Он может заблуждаться, но, несмотря на все преткновения, останется на верном пути, поскольку будет верен закону своей природы. Во все века истинны слова из Гиты: лучше следовать закону собственной природы, пусть и неверно исполняемому; опасен чуждый закон, сколь бы превосходным с виду ни казался он нашему разуму. Но закон природы этического существа есть стремление к добру; он никогда не может быть стремлением к практической выгоде.

Равным образом этот закон не может быть стремлением ни к наслаждению, высокому или низменному, ни к любого рода самоудовлетворению, сколь бы уточненным или даже духовным оно ни было. И здесь также истинно то, что высочайшее добро как по природе своей, так и по внутреннему воздействию есть высочайшее блаженство. Ананда — радость, присущая бытию, — является источником всего существования и целью, к которой оно устремлено и которую ищет явно или тайно в процессе деятельности всех своих сил. Истинно и то, что в возрастающей добродетели, в совершенном добре кроется великое наслаждение и что стремление к наслаждению вполне может служить подсознательным мотивом стремления к добродетели. Но с практической точки зрения это обстоятельство является второстепенным; оно не делает наслаждение критерием или мерилем добродетели. Наоборот, добродетель приходит к естественному человеку через борьбу с его природой, ищущей наслаждения, и зачастую сознательно принимает боль и воспитывает силу через

страдание. Мы принимаем эту боль и борьбу не ради наслаждения болью и упоения борьбой; ибо тот высочайший напряженный восторг (хотя сокровенный дух в нас и ощущает его) поначалу обычно не воспринимается сознательной частью нашего существа, которая является ареной борьбы. Деятельность этического человека обусловлена даже не жадой внутреннего наслаждения, но потребностью его существа, необходимостью, диктуемой идеалом, абсолютным критерием, законом Божественного.

Во внешней истории нашего восхождения это обстоятельство на первых порах проявляется неотчетливо, а, возможно, и вовсе не проявляется; может показаться, что этическая эволюция человека обусловлена его социальной эволюцией. Ибо этика начинается только тогда, когда человек вынужден принимать во внимание нечто, отличное от его собственных предпочтений, витального удовольствия или материальной выгоды; и поначалу это вызывается необходимостью поддерживать отношения с окружающими, потребностями его социального существования. Но суть дела заключается не в этом, о чем свидетельствует тот факт, что этические требования не всегда согласуются с социальными требованиями, равно как этические нормы не всегда совпадают с нормами социальными. Напротив, этический человек зачастую находит нужным отвергать социальные требования и решительно выступать против них, нарушать социальные нормы, пренебрегать ими и полностью их изменять. И отношения с ближними, и отношения с самим собой являются для него полем этического роста; однако само его этическое существо определяется его отношениями с Богом, действием силы Божественного, скрыто пребывающего в его природе или сознательно действующего в его высшем «я» или внутреннем духе. Он подчиняется внутреннему идеалу, а не внешним нормам; он отвечает божественному закону, заключенному в его существе, а не социальным требованиям или общественной необходимости. Этический императив приходит не извне, но изнутри человека и свыше.

Истари люди чувствовали и говорили, что законы справедливости, законы совершенного поведения суть законы богов, вечного потустороннего мира, законы, которые человек осознает и которым призван следовать. Век разума отверг это простое объяснение как суеверие или плод поэтической фантазии, которому противоречат природа и история мира. Но все же в этом древнем суеверии или поэтическом вымысле скрывается истина, которую упускает их рациональное отрицание, а рациональные утверждения — будь то кантовский категорический императив или еще что-либо — не восстанавливают во всей полноте. Даже если совесть человека является творением его эволюционирующей природы, если его представления об этическом законе подлежат изменениям и зависят от стадии его эволюции, все же в основе этих видоизменяющихся представлений есть нечто постоянное, что лежит в самой основе собственной природы человека и природы мира. И если Природа в человеке и в мире является у истоков своих инфраэтической, равно как и инфрарациональной, а на вершине своей — супраэтической, равно как и супрарациональной, все же в этом инфраэтичном содержится что-то, что на человеческом плане существования становится этическим, а супраэтическое само по себе является завершением этического и не может быть достигнуто ни одним человеком, который не прошел долгий путь этического становления. Внизу скрыта та тайна добра во всех вещах, к которой приближается человеческое существо и которую пытается частично выразить через этический инстинкт и этическую идею; наверху скрывается вечное Благо, превосходящее наши неполные и фрагментарные этические концепции.

Наши этические импульсы и движения зарождаются, как и любые другие, в инфрарациональном и берут начало в подсознательном. Они появляются как инстинкт справедливости, инстинкт подчинения непонятому закону, инстинкт самоотдачи в труде, инстинкт жертвенности и самопожертвования, инстинкт любви, добровольного подчинения и солидарности с ближними. Человек следует этому закону, не задумываясь поначалу над разными «почему» и «зачем»; он не спрашивает согласия разума на это. На первых порах человек полагает, что это закон, созданный силами, которые выше него и всего человечества, и вместе с древним поэтом говорит, что не знает, откуда пришли эти законы, но знает лишь,

что они есть и пребудут вовеки и преступать безнаказанно их нельзя. То, чего ищут инстинкты и импульсы, разум силится довести до нашего понимания, чтобы воля смогла сознательно использовать этические импульсы, а инстинкты превратились в этические идеи. Разум исправляет примитивные и нередко ошибочные заблуждения этического инстинкта, разделяет и очищает запутанные связи идей и понятий, выявляет по мере возможностей отношения, существующие между зачастую несовместимыми нравственными идеалами человека, пытается выступать судьей между ними и удовлетворять их противоречивые притязания путем компромисса, создает систему и многогранный закон этической деятельности. Все это прекрасно, это необходимая стадия нашего развития; но в конечном счете этические идеи и сознательная этическая воля, которые разум пытался приучить к своей власти, освобождаются от его влияния и выходят за пределы сферы его деятельности. Всегда, даже в период полной власти и контроля разума, они имеют эту изначально присущую им тенденцию.

Ибо этическое существо, как и все части человеческой природы, находится в развитии и несет в себе стремление к абсолютному, божественному, которого с уверенностью достичь можно лишь в супрарациональном. Этическое существо стремится к абсолютной чистоте, абсолютной справедливости, абсолютной истине, абсолютной силе, абсолютной любви и самоотдаче и получает наибольшее удовлетворение, когда может достичь всего этого в абсолютной мере, без всяких ограничений, принуждения или компромиссов, божественным образом, во всей бесконечной полноте, в преобразовании этического существа по божественному подобию. Разум главным образом занимается тем, что лучше всего понимает, т. е. видимым процессом, структурой, внешним действием, его результатом и следствием, условиями, определяющими его характер, его причиной и мотивом; на основании всего этого он судит о нравственности поступка и нравственности совершившего поступок. Но развитое этическое существо инстинктивно сознает, что оно стремится к некоей внутренней реальности, и внешнее действие есть только средство выражения этой внутренней абсолютной и вечной сущности, которая обнаруживается в нас в виде психической деятельности. Ценность наших действий заключается не столько в видимой их природе и внешнем результате, сколько в том, что они способствуют росту Божественного в нас. На основании внешнего трудно, и даже невозможно, судить об абсолютной справедливости, абсолютной правоте, абсолютной чистоте, любви или бескорыстности поступка или линии поведения; ибо действие всегда относительно, следствия его противоречивы и неопределенны, обстоятельства не однозначны. Но возможно настроить внутреннее существо на вечное и абсолютное благо, исполнить им наше чувство и волю, чтобы действовать, руководствуясь побуждениями, интуицией и вдохновением, порожденными благом. Именно к этому настойчиво стремится этическое существо и именно к этому неуклонно приближается высший этический человек в своих внутренних усилиях.

В действительности суть этики не в том, чтобы выяснять соотношение добра и зла в действиях человека или пытаться безупречно отвечать общественным нормам — все это лишь примитивные внешние проявления; этика есть попытка развиваться и восходить к божественной природе. В части чистоты этика есть страстное стремление к имманентной чистоте Божественного существования; в части истины и справедливости она есть стремление к сознательному единению с законом божественного знания и воли; в части сострадания и милосердия — это движение к бесконечности и универсальности божественной любви; в части силы и мужества — воспитание божественной силы и мощи. Вот глубинный смысл этики. Она получает высочайшее завершение, когда существо человека претерпевает такое изменение; и тогда не действия человека определяют качество его природы, но его природа придает ценность действиям; тогда он перестает быть вымученно добродетельным, искусственно нравственным, но становится естественно божественным. Так и человек активно реализует себя и получает свое высочайшее завершение не тогда, когда им движут инфрарациональные импульсы или рациональные интеллект и воля, но

когда он вдохновляется и направляется божественными знанием и волей, ставшими сознательными силами его природы. А достичь этого можно (на начальных стадиях) постижением истины, которая передается человеку интуитивным умом, постепенно освобождающимся от посягательств эгоизма, своекорыстия, желания, страсти и всех видов своеволия, и (на завершающих стадиях) через супрарациональные свет и силу, которые уже не приходят извне, но постоянно присутствуют и владеют всем существом человека. Такой была высшая цель древних мудрецов, обладавших мудростью, которую рациональный человек и рациональное общество отвергли, поскольку она представляла собой истину, слишком высокую для понимания разума, и требовала усилий слишком смелых и огромных, слишком запредельных для обычной ограниченной человеческой воли.

Поэтому с культом Добра происходит то же самое, что и с культом Прекрасного и культом духовного. Даже на уровне первичных своих инстинктов этическое существо уже неосознанно стремится к божественному и абсолютному; оно стремится к абсолютному удовлетворению, оно находит свой высший свет и средства своего проявления в чем-то, превосходящем разум, оно обретает полноту своего осуществления только тогда, когда находит Бога, когда сотворяет в человеке некий образ божественной Реальности. Восходящее от своих инфрарациональных начал через промежуточную зависимость от разума к своему супрарациональному завершению, этическое существо человека (как эстетическое и религиозное) неизменно устремлено к Вечному.

Глава XVI. Супрарациональная цель жизни

Во всех этих высших сферах своей жизни человек, можно сказать, довольно неосознанно ищет Бога. Постигание Божественного и Вечного в себе и в мире и установление гармонии между собой и миром, приведение своего существа и своей жизни в согласие с Бесконечным предстает в высших частях человеческой природы как сокровенная цель и предназначение человека. Он пускается в путь, чтобы прийти к своему высочайшему, широчайшему и наисовершеннейшему «я» (self), и при первом же прикосновении к этому «я», заключенному в нем, обнаруживает, что оно едино с некой великой Душой и Сутью (Self) Истины, Добра и Красоты, заключенной в мире, которую мы называем именем Бога. Постичь Бога как духовное присутствие — цель религии; прийти к гармонии с Его вечной природой, явленной как справедливость, любовь, сила и чистота, цель этики; получать наслаждение и формировать себя по законам гармонии Его вечной красоты и блаженства — цель и осуществление нашей эстетической потребности и природы; познать Его вечные принципы истины и жить в соответствии с ними — цель науки и философии, а равно и всей нашей настойчивой тяги к знанию.

Но все это, похоже, лежит за пределами нашего обычного и привычного существования; это уровень, до которого мы силимся развиться, но он как будто не имеет ничего общего с обычным характером, естественным поведением или внешними обстоятельствами индивида и общества в их обычном самосознании и повседневной жизни. То жизнь практическая, а не идеалистическая; ее занимают не благо, красота, духовный опыт, высшая истина, но утилитарные интересы, физические нужды, желания, жизненные потребности. Это для нее реально, все прочее представляется слегка туманным; этому посвящает она свои обычные труды, всем же прочим занимается на досуге; это составляет самое вещество, из которого она создана, а все прочее служит для ее украшения и необязательного внешнего убранства. Всему этому прочему общество отводит определенное место в жизни, но не отдает душу. Оно принимает этику как сдерживающую силу, оказывающую влияние на жизнь общества, но не живет ради этического блага; подлинные его божества — витальная потребность, утилитарная польза и плотские желания. Если в своей жизни общество отчасти и руководствуется этическими законами, то только потому, что иначе витальная потребность, желание и утилитарные интересы, требующие собственного удовлетворения через эгоизмы многочисленных индивидов, стали бы

сталкиваться между собой и разрушать свои собственные цели; оно не видит необходимости в том, чтобы сделать свою жизнь полностью этической. Еще меньше общество интересуется прекрасным; даже если оно и признает красоту вещей, служащих для украшения и развлечения, для увеселения и улады взора, слуха и ума, оно не испытывает настоятельной потребности сделать прекрасной всю свою жизнь. Религии общество отводит определенное место и право участия в жизни — по церковным праздникам, в церкви или храме, на закате дней, когда ввиду старости и близости смерти мысли человека неудержимо влекутся прочь от мира земного к потустороннему, в установленные дни недели или часы дня, когда оно находит уместным на мгновение отвлечься от мирских дел и подумать о Боге; но сделать всю жизнь религией, постоянной мыслью о Боге и поисками Бога — такая попытка по-настоящему не осуществлена даже в тех обществах, которые, подобно индийскому, провозглашают духовность своей целью и принципом существования. Философию общество принимает еще более отстраненно; и если в наше время оно и увлекается страстно наукой, то только потому, что последняя в значительной мере способствует удовлетворению его витальных желаний, потребностей и интересов; однако к поискам жизни, всецело подчиненной науке, оно обращается не больше, чем к поискам жизни всецело этической. Более серьезную попытку продвинуться в любом из этих направлений общество предоставляет совершить индивиду, немногим избранным личностям и индивидам определенного типа святому, этическому человеку, художнику, мыслителю, религиозному человеку; оно отводит им место в жизни, выражает свое некоторое почтение, выделяет пространство для их деятельности, но само довольствуется тем, что в основном следует изначально присущему ему принципу витального удовлетворения, витальной потребности и пользы, витальной действенности.

Причина этого состоит в том, что здесь мы сталкиваемся с иной силой нашего существа, которая отличается от этической, эстетической, рациональной и религиозной — с силой, которая, даже если мы признаем ее низшей в сравнении с остальными, все равно настаивает на собственной своей реальности и имеет не только право на существование, но и право удовлетворять свои потребности и реализовываться. На самом деле это первичная сила, основа нашего существования на земле — именно она служит источником и основой для всех прочих сил нашего существа. Это — жизненная сила в нас, витальная, динамичная природа человека. Весь ее принцип и вся цель заключаются в том, чтобы быть, утверждать свое существование, расти, расширяться, обладать и наслаждаться; присущие ей признаки — это развитие существа, наслаждение и сила. Здесь сама жизнь есть Существо, которое трудится в Материи, чтобы выразить себя как сознательную силу; человеческая жизнь есть человек, который работает, стремясь запечатлеть себя в материальном мире со всей возможной мощью, напряженностью и размахом. В первую очередь он должен настойчиво стремиться к тому, чтобы жить и обеспечить для себя место в мире — для себя и рода человеческого; во-вторых, заняв свое место в мире, он должен овладевать, производить и наслаждаться все больше и больше; и, наконец, охватить своим влиянием всю земную жизнь и подчинить ее своей власти; в этом заключается и должна заключаться его главная практическая задача. Именно это пытались выразить дарвинисты в своей идее борьбы за существование. Но борьба ведется не просто за то, чтобы выжить и жить, но за то, чтобы расти в силе, наслаждаться и обладать; закон этой борьбы подразумевает и использует не только принцип и инстинкт эгоизма, но и сопутствующий принцип и инстинкт объединения. Человеческой жизнью движут два равно мощных импульса: один — индивидуалистического самоутверждения, другой — коллективного самоутверждения; их действие проявляется в виде борьбы, но также в виде взаимной помощи и объединенных усилий. Жизнь использует две различные, но в конце концов сливающиеся в одну формы деятельности, два мотива, которые кажутся противоположными, но на самом деле всегда сосуществуют, а именно соревновательное усилие и кооперативное усилие. Именно этот динамизм жизни предопределил всю структуру человеческого общества, а долговечность, энергия и развитие всех обществ зависят от продолжительности и мощи, с которой действует такой динамизм.

Когда эта жизненная энергия в обществе иссякает и эти движущие силы утрачивают свою мощь, тогда все начинает ослабевать, закиснеть и в конце концов двигаться к распаду.

Современная европейская идея общества основана на признании главной и господствующей роли этого витального динамизма в формировании и поддержании общества; ибо европеец — с тех пор, как германский ум и характер подчинил своему влиянию Западную Европу, — был в основе своей практическим, динамическим и деятельным человеком, витальным по самой сути своего мышления и своей природы. Все остальное было прекрасным цветком его жизни и культуры; это же было корнем и стволом его существования; и в настоящее время эта правда о характере европейца, всегда неявно присутствовавшая, стремительно и агрессивно всплыла на поверхность и восторжествовала над традициями христианского благочестия и западноевропейской культуры. И все значение великой экономической и политической цивилизации девятнадцатого века заключалось в том, что этот витальный человек, со всеми своими мотивами, громко заявил о себе и стал играть ведущую роль в обществе. Для практического человека жизнь в обществе состоит из трех видов деятельности: это семейная и социальная жизнь человека (социальная в смысле его обычных отношений с окружающими, в которых он выступает и как отдельный индивид, и как член одной семьи среди множества других семей); его экономическая деятельность как производителя, добытчика и потребителя материальных ценностей; и его политическая деятельность и политический статус. Для практического человека общество в сущности есть способ организации этих трех видов деятельности, и не более того. Образование и наука, культура, этика, эстетика, религия занимают отведенное им место как вспомогательные средства жизни, которые должны направлять, улучшать и украшать ее, утешать ее в трудах, тяготах и печалях, но они не являются частью самой ее субстанции, не числятся среди внутренне присущих ей целей. Единственной целью жизни является сама жизнь.

Древние придерживались другой, в действительности диаметрально противоположной точки зрения. Хотя они признавали огромную значимость основной деятельности (в Азии главным образом общественной, в Европе политической), как должно признавать любое общество, поскольку именно в этом заключается залог жизни и процветания, все же они не считали ее основной в высшем смысле этого слова; эта деятельность была первым, но не главным делом человека. Древние видели в земной жизни возможность для развития рационального, этического, эстетического и духовного существа. Греки и римляне придавали особое значение только первым трем; Азия пошла дальше, поставила и эти три в подчиненное положение и рассматривала их как ступени на пути к духовному совершенству. Греки и римляне превыше всего гордились своим искусством, поэзией и философией и дорожили ими не меньше, а то и больше, чем своей политической свободой или величием. Азия тоже высоко ценила эти три силы и непомерно гордилась своей общественной организацией, но ценила много больше и превозносила и почитала гораздо ревностней своих святых, религиозных деятелей и мыслителей, своих героев духа. Современный мир более всего гордится своей экономической организацией, политической свободой, общественным устройством и прогрессом, налаженностью и комфортом своей социальной и семейной жизни, своей наукой — но наукой главным образом в применении к практической жизни, т. е. за созданные ею инструменты и приспособления: железные дороги, телеграфы, пароходы и прочие тысячу и одно новшество, бесчисленные изобретения и механизмы, которые помогают человеку овладевать физическим миром. В этом состоит вся разница между древним и современным взглядом на жизнь.

От этого зависит очень многое; ибо если практический и витальный взгляд на жизнь и общество является верным, если общество существует исключительно или главным образом ради материального обеспечения и благополучия, витального счастья, эффективной политической и экономической деятельности рода человеческого, тогда наша идея, что жизнь есть поиск Бога и высочайшего «я» и что общество также должно однажды взять это положение за свой принцип, оказывается несостоятельной. Современное общество — по крайней мере в своем сознательном стремлении к цели — довольно далеко от любой

попытки прийти к мысли такого рода; сколь бы велики ни были его достижения, оно признает лишь два божества: жизнь и практический разум, организованный под именем науки. Поэтому к этой великой первичной силе — жизненной силе во всех ее проявлениях — мы должны отнестись с особым вниманием, чтобы понять, что она представляет собой на самом деле и что — в видимом своем проявлении. Витальная сила в видимом своем проявлении нам достаточно хорошо знакома; ибо она составляет саму плоть, ткань и форму современной повседневной жизни. Ее главные идеалы — физические блага и витальное благополучие индивида и общества, полное удовлетворение желаний для обеспечения телесного здоровья, долголетия, комфорта, роскоши, богатства, развлечения и отдыха, постоянное и неустанное использование умственных способностей и динамической жизненной силы в доходной работе и производстве и — как ярчайшие вспышки этой кипучей и всепоглощающей энергии — творческая деятельность и завоевания разного рода, войны, вторжения, колонизация, открытия, коммерческие победы, путешествия, рискованные предприятия, полное обладание земным миром и эксплуатация его богатств. Вся эта жизнь по-прежнему берет за основу своей организации старые формы существования — семью, общество, нацию — и приводится в движение двумя импульсами: индивидуалистическим и коллективным.

Первичный импульс жизни — индивидуалистический; он превращает семейную, социальную и национальную жизнь в средство наиболее полного удовлетворения витального индивида. В семье индивид ищет удовлетворения витального инстинкта обладания, а равно радости любви и дружбы и осуществления другого своего витального инстинкта — инстинкта размножения. Приобретения человека здесь заключаются в обладании женой, слугами, домом, богатством, поместьями, в воспроизведении своих внутренних и внешних качеств в потомстве, в продолжении своей деятельности в жизни детей и в передаче им своих приобретений и имущества; кроме того, он получает витальные и физические удовольствия и более возвышенное наслаждение теплыми чувствами и любовью, которым семейная жизнь открывает полный простор. В обществе человек получает возможность менее интимного, но более полного выражения себя и своих инстинктов. Оно предоставляет человеку более широкое поле для дружеских отношений, взаимного обмена, совместных усилий и производства, индивидуальной или коллективной реализации, удовлетворения эмоциональных потребностей, игры чувств и регулярного развлечения — тех преимуществ, которые привязывают его к социальному существованию. В нации и ее составных частях человек находит средства для не столь непосредственного, но все же более полного выражения чувства силы и власти. Если он обладает силой, он находит там славу, превосходство, лидерство или, на более низком уровне, осознание своей полезной деятельности в малом или крупном масштабе, на ограниченном или широком поле общественной жизни; если он не может достичь этого, то все равно может сознавать какой-то свой вклад в общее дело, гордиться своим истинным или воображаемым участием в грандиозной коллективной деятельности и мощном и великолепном витальном росте нации. Во всем этом в первую очередь работает индивидуалистический принцип витального инстинкта, в котором соревновательная сторона нашей природы взаимодействует с кооперативной, но преобладает над ней. При максимальном преобладании соревновательного импульса рождается идеал карьериста, для которого семья, общество и нация являются не столько полем реализации эмоций, сколько ступенями лестницы, по которой нужно карабкаться вверх, жертвами, предназначенными к закланию, чем-то, подлежащим завоеванию и покорению. В крайних случаях индивидуалистический мотив полностью обособляется от кооперативного, вырождается в примитивное антиобщественное чувство и ведет к появлению бродяги, искателя приключений, вечного скитальца, или чистого отшельника — который уходит от мира не по велению ума или духа, но потому, что общество, некогда бывшее для него средством самовыражения, превратилось в тюрьму и непосильное бремя, стало препятствовать его развитию и отказывает ему в жизненном пространстве и месте под солнцем. Но в наше время, когда вездесущие щупальца

современного общества проникли повсюду, случаев ухода от мира становится все меньше; скоро на земле уже не останется убежищ для бродяги или отшельника — вероятно, даже в пустыне Сахаре или в далекой глуши Гималайских гор. И, возможно, даже право на внутреннее уединение будет отнято у нас коллективистским обществом, стремящимся превратить каждую индивидуальную «клетку» социального организма в максимально эффективную прагматическую, экономическую и динамическую единицу.

Ибо эта растущая коллективистская, или кооперативная, тенденция воплощает собой второй инстинкт витального, или практического, существа в человеке. Она обнаруживается сначала в идеале семейной жизни, согласно которому индивид ставит себя в подчиненное положение и находит витальное удовлетворение и практическое осуществление не в собственной своей, преобладающей над всем прочим, индивидуальности, но в жизни более широкого витального эго. Этот идеал играл важную роль в старых аристократических взглядах на жизнь; он присутствовал в древней индийской идее кула и куладхарма, а в Индии позднейших времен лежал у истоков общественной системы, основанной на большой объединенной семье и ставшей прочным экономическим базисом средневекового индуизма. Наиболее грубую Вайшья-форму он принял в идеале британского обывателя-семьянина, согласно которому предназначение отдельного человека, рожденного на земле, заключается в том, чтобы заниматься своим ремеслом или профессией, вступить в брак и произвести потомство, зарабатывать средства к существованию, выйти на средний уровень достатка, если не сколотить достаточный или избыточный капитал, наслаждаться какое-то время жизнью, а потом умереть, покончив таким образом со всеми делами, ради свершения которых он пришел в это тело и выполнял все свои основные обязанности в этой жизни — ибо все это, очевидно, и было той целью, для которой человек, со всеми своими божественными возможностями, появился на свет! Но какую бы форму ни принимал этот идеал, каким бы образом ни облагораживалась или ни смягчалась его грубая примитивность, какие бы этические или религиозные концепции ни накладывались на него, семья всегда останется по сути своей организмом практическим, витальным и экономическим. Это просто более широкое витальное эго, более сложный витальный организм, который поглощает индивида и подчиняет его более действенной соревновательной и кооперативной единице жизни. Семья, как и индивид, принимает и использует общество в качестве поля своей деятельности и средства своего продления, витального удовлетворения и благополучия, а также усиления и наслаждения. Но и эта единица жизни, это многосоставное эго, под воздействием присущего жизни кооперативного инстинкта может подчинить свой эгоизм требованиям общества и даже научиться при необходимости приносить себя в жертву на общественный алтарь. Ибо общество есть лишь еще более масштабное соревновательное и кооперативное эго, более сложный организм, который поглощает и индивида, и семью, и использует их для коллективного удовлетворения своих витальных потребностей, притязаний, интересов, для своего усиления, благополучия, наслаждения. Индивид и семья соглашаются на эту эксплуатацию по той же самой причине, которая побуждает индивида взваливать на себя ярмо семейной жизни: ибо они находят возможность своей реализации в этой более широкой витальной жизни и инстинктивно ощущают в ней собственную возросшую значимость, безопасность и удовлетворение. Общество в еще большей степени, чем семья — является в сущности экономическим по своим целям и по самой своей природе. Этим объясняется преимущественно экономический и материалистический характер современных идей социализма: они представляют собой буйное рационалистическое цветение этого инстинкта коллективной жизни. Но поскольку общество представляет собой одну соревновательную единицу среди множества себе подобных и поскольку изначально его отношения с другими обществами всегда являются скрыто враждебными и даже в лучшем случае соревновательными, а не кооперативными, и должны строиться с учетом этого обстоятельства, социальная жизнь дополнительно приобретает неизбежно политический характер, который какое-то время даже преобладает над экономическим, в результате чего мы получаем нацию, или Государство. Если мы должным образом оценим

эти основные особенности и мотивы коллективного существования, то найдем вполне естественным, что коллективная и кооперативная идея общества на пределе своего развития должна была вылиться в сильную, зачастую чудовищную гипертрофию виталистического, экономического и политического идеала жизни, общества и цивилизации.

Как же относятся к этому витальному инстинкту и его грандиозной современной деятельности высшие части человеческой природы, те более тонкие силы в человеке, которые более явно направлены на развитие его божественной природы? Очевидно, первым их побуждением должно быть обуздание этого инстинкта, подчинение его себе и стремление преобразовать всю эту грубую жизнь по своему образу и подобию; но когда они обнаруживают, что здесь действует отдельная сила, не уступающая в постоянстве и упорстве им самим, которая ищет удовлетворения *per se* и воспринимает их влияние до некоторой степени, но не в полной мере и на самом деле неохотно, частично, неудовлетворительно — что тогда? Мы часто видим, что этика и особенно религия, оказываясь в постоянном конфликте с витальными инстинктами, динамической жизненной силой в человеке, занимают почти полностью враждебную позицию по отношению к ним и стремятся опорочить их в теории и подавить на практике. Витальному инстинкту материального процветания и благополучия они противопоставляют идеал холодной и суровой нищеты; витальному инстинкту наслаждения — идеал не только самоотречения, но и абсолютного умерщвления плоти; витальному инстинкту здоровья и бодрости — аскетическое презрение, отвращение и пренебрежение к телу; витальному инстинкту постоянного действия и созидания — идеал покоя и бездействия, пассивности, созерцательности; витальному инстинкту силы, роста, власти, господства, завоевания — идеал смиренности, самоуничтожения, покорности, кроткой безбидности, безропотности в страданиях; витальному инстинкту пола, от которого зависит продолжение человеческого рода, — идеал бесплодного целомудрия и безбрачия; социальному и семейному инстинкту — антисоциальный идеал аскета, монаха, отшельника, свя-того, ушедшего от мира. Начиная с дисциплины и подчинения они приходят к совершенному умерщвлению плоти, что, иными словами, означает полное истребление витальных инстинктов, и провозглашают саму жизнь иллюзией, от которой душа должна освободиться, или земной юдолью, царством плоти и сатаны — таким образом соглашаясь с утверждением непросвещенной и неразвитой жизни, что она не является, ей не суждено было быть и никогда не стать Царством Божиим, высшим воплощением Духа.

Вплоть до известного предела это противодействие витальному инстинкту приносит определенную пользу и даже легко может — через тапасью, по закону усиления энергии в ответ на сжатие — временно способствовать развитию новой живой силы в жизни общества, как это случилось в Индии в первые века буддизма. Но за этим пределом оно имеет тенденцию если не истреблять по-настоящему, ибо это невозможно, то подавлять наряду с витальными инстинктами и необходимую жизненную энергию, проявлениями которой они являются, и в конце концов оставляет их инертными, слабыми, ограниченными, жесткими, не способными к живой реакции на внешние силы и обстоятельства. Таким был в Индии конечный результат многовекового господства буддизма и учения об иллюзии, вытеснившего и сменившего буддизм. Ни одно общество, в котором полностью преобладает или слишком долго находит широкое распространение эта идея отказа от жизненного динамизма, не может процветать и реализовывать свои возможности роста и совершенствования. Ибо из динамичного оно превращается в статичное, а из статичного состояния переходит к закосневанию и вырождению. Даже высшее существо человека, которое использует в своих интересах мощный динамизм жизни и как ресурс силы, которую оно должно преобразовать в свои более тонкие энергии, и как действенное средство связи с внешней жизнью, в конечном счете страдает от этой несостоятельности и противоречия. Древний индийский идеал признавал эту истину и разделял жизнь на четыре существенных и необходимых сферы — артха, кама, дхарма, мокша, т. е. витальные потребности; удовлетворение самых разных желаний; этика и религия; освобождение, или духовность, —

и настойчиво требовал практического осуществления и развития всех четырех. И тем не менее этот идеал был склонен (и совершенно правомерно) не только выдвигать духовность на первое место как цель, к которой должны стремиться все остальные, но и помещать ее в конец жизни и объявлять скорее истинной родиной человека в потустороннем мире, нежели высшим состоянием и формирующей силой на физическом плане, в земной жизни. Но это исключает идею Царства Божия на земле, возможность совершенствования общества и человека в обществе, эволюцию и появление новой божественной расы, а без этого ни один универсальный идеал не может быть совершенным. Это дает жизни временное и случайное, но не внутренне присущее ей оправдание; это не обещает никакого светоносного осуществления ни индивидуальному, ни коллективному импульсу жизни.

Давайте тогда рассмотрим этот витальный инстинкт и жизненный динамизм как таковой, а не просто как основание для этического или религиозного развития, и посмотрим, действительно ли он по природе своей противоречит Божественному. Мы можем сразу увидеть, что описанное нами представляет низшие части витального существа — инфрарациональные, инстинктивные; этот примитивный характер, присущий витальному существу на начальной стадии развития, сохраняется даже тогда, когда оно начинает постепенно подчиняться воспитующему влиянию просвещающего разума. Очевидно, что это и есть земная жизнь в ее природной форме — грубая, приземленная, зачастую отвратительная и безобразная, полная грубых ошибок и резких диссонансов; но то же можно сказать об инфрарациональном плане этики, эстетики и религии. Она действительно куда труднее поддается преобразованию, чем эти последние, более основательно и упрямо противится переводу на высшие планы, поскольку жизнь есть изначальная сфера деятельности инфрарационального, это первое выявление из Бессознательного того сознания, которое на шкале планов сознания следует непосредственно за Бессознательным. Но все же, если оценивать ее по справедливости, в ней тоже есть свои драгоценные элементы силы, красоты, благородства, добра, жертвенности, поклонения, божественности; в ней тоже есть высочайшие божества, скрывающиеся за масками, но не теряющие при этом своего великолепия. До недавних пор и даже сейчас разум, в одеянии уже не философии, но науки, настойчиво предлагал и предлагает взять и усовершенствовать всю эту физическую и витальную жизнь одной лишь силой рационализма — через знание законов Природы, социологии, физиологии, биологии и здоровья, через коллективизм, государственное образование, внедрение новых психологических концепций и ряд прочих подобных средств. Все это хорошо до некоторой степени и в известных пределах, но этого недостаточно для подлинного успеха. Древний разум, усилия которого вылились в форму высокой идеалистической, рационалистической, эстетической, этической и религиозной культуры, добился лишь несовершенной дисциплины витального человека и его инстинктов — тогда как зачастую за внешним лоском, блеском, красивым фасадом и показными манерами скрывался первобытный неотесанный дикарь. Современный разум, пытающийся добиться всестороннего, основательного, эффективного рационального и утилитарного просвещения и организации человека и его жизни, преуспел в этом ничуть не больше, несмотря на свои решительные, но всегда невыполнимые обещания достичь более совершенных результатов в будущем. Эти попытки и не могут увенчаться настоящим успехом, если наша теория жизни верна, если эта огромная масса витальной энергии сама в себе содержит непроявленное супрарациональное, если за ее хаотичными импульсами скрывается (а в этом случае неизбежно скрывается) инстинктивное стремление к чему-то божественному, абсолютному и бесконечному. Здесь также разум должен быть превзойден или должен сам превзойти себя и стать переходом к Божественному.

Первый признак нисхождения супрарационального в какую-то часть нашего существа — это формирование абсолютных идеалов; и поскольку жизнь есть Существо и Сила, а божественное состояние бытия есть единство, а Божественное в аспекте силы есть Бог как Сила овладевающая, значит, абсолютные витальные идеалы должны иметь такую же природу. В этих идеалах нигде нет недостатка. Если мы возьмем семейную и социальную

жизнь человека, то найдем там несколько разных намеков на них; но нам нужно обратить внимание (сколь бы несовершенные и неясные формы ни принимали эти идеалы в наше время) только на усилия любви прийти к самопостижению, на ее стремление достичь своего абсолюта — абсолютной любви мужчины и женщины, абсолютной материнской, отцовской, сыновней, дочерней или братской любви, любви дружеской и товарищеской, любви к родине, любви к человечеству. Эти идеалы, которые с таким постоянством во все века воспевали поэты, являются не просто красивыми словами и иллюзией, как бы ни противоречили им с виду эгоизм и дисгармония нашей инстинктивной, инфрарациональной жизни. Всегда отмеченные несовершенством или встречающие противодействие витальных импульсов, они все равно остаются божественными возможностями и могут стать первым нашим средством для достижения духовного единства человека с человеком. Некоторые религиозные учения поняли эту истину, смело приняли эти идеалы любви и применили их к сфере отношений человеческой души с Богом. В процессе обращения, высвобожденные из своих нынешних социальных и материальных форм и возвышенные, они могут стать для нас не жалкими земными отношениями, какими являются ныне, но глубокими, прекрасными и восхитительными проявлениями Бога в человеке, реализующем себя в жизни. Все экономическое развитие самой жизни в конечном счете предстает как попытка избавиться от животного убожества и скудости, которые являются следствием нищеты, и дать человеку божественную свободу и досуг, достойный богов. Эта попытка, безусловно, реализуется неверным путем, сопряженным со многими отвратительными обстоятельствами, но тем не менее за ней смутно просматривается идеал. Сама политика, эта явная игра противоборствующих интересов, по-строенная на обмане и шарлатанстве, может быть широким полем для абсолютного идеализма. А патриотизм? — если говорить не об инстинктах, зачастую безобразных, из которых он исходит и которым упорно следует до сих пор, но о тех его сторонах, которые заключаются в поклонении, самоотдаче, дисциплине, самопожертвовании? Великие политические идеалы человека — монархия, аристократия, демократия, взятые отдельно от эгоизма, которому они служат, и от рациональных и практических оправданий, которые берут на вооружение, — имели в своей основе совершенный идеал, некий проблеск абсолютной истины и учили преданности, верности, готовности отказаться от всего личного ради идеи, которая внушала людям готовность страдать и умереть за нее. Война и борьба служили школами героизма; они сохранили героическое в человеке, они создали ks.atrīyaPh. tyaktajivitaPh., если применить выражение из санскритской эпической поэмы, сильных и мужественных людей, которые отказались от земной жизни ради дела; ибо без героизма человек не может развиваться в Божество. Смелость, энергия и сила значатся среди самых главных принципов божественной природы в действии. Вся эта грандиозная витальная, политическая, экономическая жизнь человека со своими двумя движущими силами, соревновательной и кооперативной, слепо движется к некой реализации силы и единства — а следовательно, в двух божественных направлениях. Ибо Божественное в жизни есть Сила, обладающая властью над собой, но также и властью над Его миром, и человек и человечество также стремятся обрести власть над своим миром и своей средой существования. Опять-таки, в Божественном осуществлении есть и должно быть единство, и идеал человеческого единства тоже начинает вырисовываться вдали, пусть еще смутно. Нации, являющиеся соревновательными единицами, порой чувствуют, правда, еще слабо, потребность слиться в более великой объединенной жизни человеческой расы.

Несомненно, все эти процессы происходят на низшем полурациональном-полуинфрарациональном уровне, хотя и озаренном слабыми проблесками света свыше, но пока это еще грубое, примитивное движение, не сознающее собственной сути и руководствующееся маловозвышенными мотивами. Все формируется крайне несовершенно, в хаотичной борьбе жизненных сил и под влиянием идей, которые представляют собой смутные проблески интеллекта; предлагаемые же средства слишком механистичны, а цели слишком материальны т. е. не принимается во внимание та истина, что во внешней жизни результат может прочно закрепиться только в том случае, если он опирается на внутреннюю

реальность. Но так развивалась жизнь в прошлом и именно так должна развиваться на первых порах. Поначалу жизнь формируется вокруг эгоистического мотива, а присущий эго инстинкт расширения является первым средством установления контактов между людьми; борьба за право владения была первым грубым средством объединения людей — агрессивное самоутверждение малого «я» стало первым шагом к развитию более широкого «я». Таким образом, все было полуупорядоченной-полухаотичной борьбой за существование, скорректированной потребностью и инстинктом объединения, борьбой отдельных индивидов, кланов, племен, партий, наций, идей, цивилизаций, культур, идеалов, религий, которые все самоутверждались, все вынужденно вступали в контакты, связи и противоборство друг с другом. Ибо, кроме того, что Природа налагает на человека эго как покров, под которым она подготавливает индивидуальное проявление духа, она вкладывает в эго и импульс к развитию, принуждая его расти в существе до тех пор, пока оно в конце концов не расширится или не растворится в более широком «я», в котором обретет себя и гармонию с собой, охватит все своим сознанием, станет единым со всем остальным существованием. Содействуя этому росту, Жизнь-Природа формирует в себе инстинкты и импульсы, которые способствуют расширению, превосхождению и даже уничтожению эго, борются с более слабыми самоутверждающимися инстинктами и импульсами и корректируют их. В человека как свое орудие она вкладывает инстинкты любви, сострадания, самоотречения, самоуничтожения, самопожертвования, альтруизма, стремление к универсальности ума, сердца и жизни, первые неясные тенденции к единомыслию, которое еще не нашло в полной мере собственный свой истинный свет и свою движущую силу. Из-за подобной неясности эти силы, не способные утвердить свой абсолют, главенствовать или подчинять своему влиянию, вынужденные идти на компромисс с требованиями эго и даже превращаться в некую форму эгоизма, оказываются также не в состоянии привести гармонию в жизнь и преобразовать ее. Похоже, вместо мира они приносят меч; ибо из-за них увеличиваются напряженность борьбы и количество непримиренных сил, идей, импульсов, для которых индивидуальное сознание и коллективная жизнь являются полем боя. Идеальный и практический разум человека старается найти среди всего этого верный закон жизни и действия; в процессе регулирования и приспособления, отбора и сортировки или в согласии с некими избранными идеями или силами он силится привести вещи в гармонию, сознательно прийти к тому, чего Природа достигла в своих животных видах путем естественного отбора и инстинктивной деятельности — автоматически упорядоченных и твердо установленных форм и норм их существования. Но любая система, структура, установленная разумом, всегда частична, не надежна и временна. Ее равновесие нарушается под воздействием притяжения снизу и притяжения сверху. Ибо те силы, которые жизнь формирует, содействуя нашему росту к более широкому «я», более великому существованию, уже являются отражениями чего-то, находящегося за пределами разума, семенами духовного, абсолютного. Бесконечное оказывает на человеческую жизнь воздействие, которое не позволит ей слишком долго задерживаться на какой-либо стадии развития — по крайней мере пока она не преобразуется в некое бытие, в котором превзойдет и осуществит саму себя.

Это развитие жизни через первые слепые и хаотичные попытки обрести себя предопределено характером ее возникновения; ибо жизнь начиналась с инволюции духовной истины вещей в нечто, кажущееся противоположностью этой истины. Духовный опыт говорит нам, что есть некая Реальность, которая лежит в основе и пронизывает природу всех вещей, как Космическое «Я» и Дух, и может открыться индивиду даже здесь, в земном воплощении, как его собственные «я» и дух, и которая является в своем высочайшем проявлении и по своей сути бесконечным и вечным Существом, Сознанием и Блаженством бытия. Нам же источник и начало материальной вселенной представляется чем-то прямо противоположным — мы видим его как Пустоту, беспредельное Небытие, бесформенное Бессознательное, бесчувственное, лишенное блаженства Ничто, из которого все еще только должно появиться. Когда оно приходит в движение, начинает развиваться и созидать, оно

примает вид бессознательной Энергии, которая высвобождает из Пустоты существование в форме бесконечно малой частицы, электрона (или, возможно, еще менее осязаемой частицы, еще не открытой и едва ли подлежащей обнаружению), затем — атома, молекулы, а на основе молекулы уже формирует материальную вселенную в пустоте своей бесконечности. Однако мы видим, что эта бессознательная Энергия на каждом шагу выполняет функции всеохватывающего и учитывающего мельчайшие детали Разума, применяющего и комбинирующего все возможные средства для подготовки, организации и осуществления парадокса и чуда Материи и пробуждения жизни и духа в Материи; существование развивается из Пустоты, сознание появляется и вырастает из Бессознательного, стремление ввысь — к наслаждению, счастью, восторгу, божественному блаженству и экстазу — необъяснимым образом рождается из бесчувственного Ничто. Эти феномены уже свидетельствуют о той истине, которую мы открываем с пробуждением сознания в глубинах нашего существа и которая гласит, что Бессознательное есть лишь маска, а за ней скрывается «Сознательное в бессознательных вещах», как говорят о нем Упанишады. В начале, говорят Веды, был океан бессознательного, и из него Единое восстало к жизни через свое могущество — через мощь своей самопроявляющейся Энергии.

Но Бессознательное — если оно действительно маска — не является застывшей маской Духа; на развивающуюся жизнь и душу оно накладывает закон трудного становления. Жизнь и сознание — не меньше, чем Материя — в момент своего появления подчиняются закону изначальной раздробленности. Физически жизнь формируется вокруг плазмы, клетки, психологически — вокруг малого обособленного, фрагментарного эго. Само сознание в своих первых слабых проявлениях должно сосредоточиваться в жалкой поверхностной форме и прятать за покровом этого ограниченного поверхностного существования глубину и бесконечность своей собственной природы. Оно должно медленно развиваться в пределах такой внешней ограниченности до тех пор, пока не будет готово разрушить скорлупу, отделяющую жалкое внешнее выражение нашего существа, которое мы принимаем за целое, от сокровенного «я» внутри нас. Даже духовное существо, похоже, подчиняется этому закону изначальной раздробленности и проявляется как часть целого, как искра духа, которая в своем развитии прерастает в обладающую индивидуальностью душу. И на эту скрытую искру души, на это малое эго, на это фрагментарное сознание возложена задача противостоять силам вселенной, бороться с ними, взаимодействовать со всем, что кажется ему отличным от него самого, расширяться и обретать силу под давлением внутренней и внешней Природы до тех пор, пока оно не станет единым со всем существованием. Оно должно расти познавая себя и мир; устремиться вовнутрь и открыть, что оно является духовным существом; устремиться вовне и открыть свою, еще более широкую истину, заключающуюся в том, что оно является космическим Индивидом; выйти за свои пределы, познать некое высочайшее Существование, Сознание и Блаженство бытия и пребывать в нем. Для выполнения этой необъятной задачи эго имеет в своем распоряжении лишь орудия своего изначального Неведения. Ограниченность человеческого существа является причиной всех трудностей, дисгармонии, борьбы, противоречий, которые омрачают жизнь. Ограниченность его сознания, не способного управлять универсальной Энергией или воспринимать ее в процессе взаимодействия, является причиной всех его страданий, боли и печали. Ограниченная сила его сознания, выражающаяся в непросвещенной воле, не способной постичь верный закон жизни и деятельности и следовать этому закону, является причиной всех его заблуждений, прегрешений и пороков. На самом деле нет другой причины; ибо все прочие видимые причины сами являются сопутствующими обстоятельствами и последствиями этого первородного греха человеческого существа. Только когда оно возвысится, выйдет за пределы этого ограниченного, обособленного сознания и обретет целостность освобожденного духа, оно сможет избавиться от последствий своего изначального пребывания в Бессознательном.

Если мы примем это за скрытую истину жизни, то сразу же поймем, почему на современном витке развития ей приходится проходить через стадию невежественного

самовыражения. Но мы понимаем также, что таким образом она неосознанно ищет, пытается постичь и сфор-мулировать, выявить в собственных наиболее высоких побуждениях и наиболее глубоких мотивах свои стремления к самораскрытию, власти, единству, свободе от своего низшего «я», духовному освобождению — и пытается понять, откуда в ней эти стремления, которые можно было бы счесть бесполезными, раздражающими, бесплодными, будь они всего лишь проявлениями бессознательной Природы, присущими животной стадии эволюции. Развиваясь из своего исходного состояния погруженности в Материю и растительную жизнь, формируя первичное, несовершенно организованное сознание в животном, она приходит в человеке, ментальном существе, к возможности новой, сознательной эволюции, которая приведет ее к цели, и на определенной стадии развития пробуждает в человеке непреодолимое стремление совершить переход от ментального существа к духовному. Жизнь не может достичь своих сокровенных целей, следуя своим первичным инфрарациональным движущим силам, т. е. инстинкту и желанию, ибо на этом уровне она движется осязая, ищет и не находит, может получать лишь кратковременное, неполноценное и преходящее удовлетворение, отмеченное печатью Бессознательного. Но и человеческий разум не может дать ей того, что она ищет; ибо разум способен лишь привнести некий полусвет и установить временный порядок. Поэтому человек, стремящийся достичь высших планов жизни, никогда не может довольствоваться нынешним своим состоянием; эволюционный импульс его разума не может неожиданно иссякнуть на этой переходной стадии, на этом половинчатом достижении. Он должен стремиться к высшим планам сознания, должен высвободить из жизни и ума нечто, ныне еще пребывающее в скрытом и зачаточном состоянии.

Конечные цели жизни суть цели духовные, и только при полном свете освобожденного «я» и духа она может достичь их. Этот полный свет не есть интеллект или логический разум, но знание, открывающееся благодаря внутреннему единению и отождествлению с миром, — знание, которое есть свет, внутренне присущий полностью развившемуся духовному сознанию; этому совершенному постижению предшествует интуитивное знание, проистекающее из сокровенного единства бытия и достижимое благодаря тесному внутреннему соприкосновению с сутью вещей и живых существ. Жизнь стремится к самопознанию; она может прийти к нему только через свет духа. Она стремится к светоносному водительству и господству над собственными своими силами; и только когда она открывает в себе это внутреннее «я» и дух и вершит свой путь при его помощи или под его началом, тогда она может обрести просвещенную волю, в которой нуждается, и безошибочное водительство. Ибо только таким образом слепая уверенность инстинктов, а также спекулятивные гипотезы и теории разума и его уверенность, основанная на экспериментах и логических выводах, могут быть замещены зрячей духовной уверенностью. Жизнь стремится к осуществлению своих инстинктов любви и сострадания, своей страстной тоски по гармонии и единству; но они встречают противодействие противоположных инстинктов, и только духовное сознание, с его реализованным неизменным единством, может устранить эти противоречия. Жизнь стремится к полному развитию существа, но может достичь этого только тогда, когда ограниченное существо обретает в себе свою собственную сокровенную душу существования и вокруг нее — свое собственное более широкое «я» космического сознания, которое может воспринимать мир и все бытие в себе и как себя самое. Жизнь стремится к силе; и только сила духа и сила этого сознательного единства могут дать ей власть над самой собой и миром. Она стремится к наслаждению, счастью, блаженству; но инфрарациональные формы последних отмечены несовершенством, фрагментарностью, непостоянством и подвержены влиянию своих противоположностей. Кроме того, инфрарациональная жизнь по-прежнему отмечена печатью Бессознательного — в том, что касается изначальной ее бесчувственности, неопределенности характера, слабости ответной виб-рации, — она не может достичь истинного счастья или блаженства, а доступное ей наслаждение не может длиться долго, поскольку она не способна удержать его или сохранить крайнюю напряженность переживания. Только дух владеет секретом чистого

и неизменного счастья, или экстаза, способен сохранять предельную напряженность ответной вибрации, может обрести и оправдать духовное наслаждение или радость жизни как одно из проявлений бесконечного и универсального восторга существования. Жизнь стремится к гармоничному осуществлению всех своих сил, ныне разделенных и противоборствующих, всех своих возможностей, частей, элементов; и только в сознании единого «Я» и Духа возможно достичь этого, ибо здесь все они приходят к своей абсолютной истине и совершенному согласию в свете интегрального, единого самосуществования.

Таким образом, как существуют супрарациональные Истина, Благо и Красота, так и у Жизни есть супрарациональная цель. Стремление достичь этой цели составляет духовный смысл всех поисков и усилий Жизни-Природы.

Глава XVII. Религия как закон жизни

Поскольку бесконечное, абсолютное и трансцендентное, универсальное и Единое, является скрытой целью бытия, а достижение духовного сознания и Божественного — конечной целью и предназначением нашего существования, а следовательно, всего развития индивида и коллектива во всех их частях и сферах деятельности, разум не может быть последним и верховным водителем; культура в обычном понимании этого слова не может служить указующим путь светом или выявить принцип, регулирующий и приводящий в гармонию нашу жизнь и деятельность. Ибо разум не достигает уровня Божественного и лишь вступает в компромисс с трудностями жизни, а культуре для достижения Трансцендентного и Бесконечного требуется стать культурой духовной — т. е. чем-то гораздо большим, чем интеллектуальное, эстетическое, этическое и практическое воспитание. Где же в таком случае нам искать свет, указующий путь, и принцип, регулирующий и приводящий все в гармонию? Первый ответ, который приходит в голову, — это ответ, который неизменно дает восточный ум, — мы найдем все это непосредственно в религии. И это кажется разумным и, на первый взгляд, удовлетворительным решением вопроса; ибо религия представляет собой ту инстинктивную силу, идею, деятельность, дисциплину в человеке, которые стремятся прямо к Божественному, в то время как все прочие силы, похоже, стремятся к нему лишь косвенно и достигают его с трудом, после многих блужданий и преткновений в погоне за внешней и несовершенной видимостью вещей. Превращение всей жизни в религию и подчинение всей деятельности религиозной идее является, казалось бы, верным путем развития идеального индивида и идеального общества и способом возвысить всю жизнь человека до уровня Божественного.

Известное превосходство религии как силы, обуславливающей всю жизнь или по крайней мере оказывающей на нее свое влияние, и преобладание религиозного инстинкта и религиозной идеи над всеми прочими инстинктами и идеями характерно, как мы можем заметить, не только для восточных цивилизаций, но и для любого более или менее нормального состояния человеческого ума и человеческого общества; религия в значительной мере определяла их жизнь во всех аспектах и во все времена, за исключением неких относительно коротких исторических периодов, один из которых мы переживаем в наши дни и начинаем уже преодолевать, но еще не преодолели. Следовательно, мы можем предположить, что господствующее положение, главенствующая роль религии в обычном человеческом обществе соответствует некой великой потребности и истине нашего природного существа, к которым мы всегда будем возвращаться после любого, сколь угодно продолжительного периода безбожия. С другой стороны, мы должны признать тот факт, что в период великой активности, высоких стремлений, глубоких посевов, богатого плодоношения — каким явилась современная эпоха со всеми ее ошибками и заблуждениями — особенно в период, когда человечество в значительной мере избавилось от жестокости, зла, невежества, темноты, мерзости не силой религии, но силой пробужденного интеллекта, человеческого идеализма и сочувствия, религия претерпела сокрушительные удары и ее господствующая роль в обществе была отвергнута той частью человечества, которая в то

время находилась на передних рубежах мысли и прогресса — постренессансной Европой, Европой нового времени.

Этот мятеж в крайней своей форме вылился в попытку полностью уничтожить религию и похвалялся тем, что ему удалось истребить религиозный инстинкт в человеке — то была тщетная и невежественная похвальба, как мы видим сейчас, поскольку религиозный инстинкт является одним из таких человеческих инстинктов, истребить которые невозможно: он просто видоизменяется. В своем более умеренном проявлении этот мятеж привел к тому, что религия оказалась изгнанной на периферию души и лишилась доступа в интеллектуальную, эстетическую, практическую и даже этическую жизнь — на том основании, что вмешательство религии в науку, мысль, политику, общественную жизнь и жизнь вообще было и всегда будет силой, задерживающей развитие, насаждающей суеверие и агрессивное невежество. Религиозный человек может назвать подобное обвинение ошибкой и атеистическим извращением или же сказать, что вызванное религией замедление развития, благочестивое невежество, статичное состояние довольства или даже упорядоченный застой, исполненный святыней о Потустороннем, куда лучше, чем постоянная погоня за все большим знанием, все большим умением, все большим счастьем, радостью и светом в этом преходящем мире. Но широко мыслящий человек не может принять подобное возражение; он обязан понимать, что до тех пор, пока человек не реализовал божественное и идеальное в своей жизни (а вполне возможно, даже когда реализовал, поскольку божественное есть бесконечное), именно прогресс, а не состояние неподвижности является необходимым и желательным законом жизни. Конечно, речь идет не о какой-то безумной погоне за новшествами, но о постоянном движении ко все более полному раскрытию истины духа, мысли и жизни не только в индивидууме, но и в коллективе, в общественной деятельности, в укладе, идеалах, характере, которые приобретает общество в своем напряженном стремлении к совершенству. И он обязан понимать также, что обвинение против религии, не в своем заключении, но в своей предпосылке, имело какие-то основания, и даже серьезные основания: и дело не в религии как таковой, но в том, что исторически и фактически официально сформировавшиеся религии, со своими священнослужителями и последователями, слишком часто были силой реакционной, слишком часто поддерживали своим авторитетом силы тьмы, тирании и невежества, и потребовалось отрицание религии, восстание угнетенного человеческого ума и сердца, чтобы исправить эти ошибки и вернуть религии истинное предназначение. И зачем это было нужно, если религия является истинным и просвещенным водителем и законодателем всей человеческой деятельности и всей человеческой жизни?

Нам нет необходимости следовать всем рассуждениям рационалистического или атеистического ума, агрессивно нападающего на религию. Например, нам нет необходимости излишне заострять внимание на суевериях, заблуждениях, насилии, даже преступлениях, которые церкви, культы и вероисповедания одобряли, допускали, санкционировали, поддерживали или насаждали и совершали ради собственной своей выгоды и простое перечисление которых заставляет человека воскликнуть вслед за римским поэтом-атеистом: «В какие беды и несчастья религия ввергает человечество!». С таким же успехом можно вспомнить обо всех преступлениях и ошибках, совершенных во имя свободы или общественного строя, которых достаточно для того, чтобы скомпрометировать идеал свободы или идеал общественного строя. Мы не можем игнорировать, например, обгащенный кровью и выжженный огнем след, который оставило после себя официальное христианство в истории средневековой Европы, начиная едва ли не с эпохи Константина — первого часа своего мирского триумфа — вплоть до совсем недавнего времени, или кровавые деяния такого института, как инквизиция, иллюстрирующие притязание религии на роль светоча истины и законодательной власти в этике и общественной жизни, или религиозные войны и широкомасштабные политические преследования, иллюстрирующие притязание религии на право управлять политической жизнью человечества. Но мы должны выявить корень этого зла, который кроется не в истинной религии как таковой, но в ее

инфрарациональных пластах, не в духовной вере и духовном стремлении, но в нашем человеческом невежестве, не делающем различия между религией и отдельными вероисповеданиями, сектой, культом, религиозной общиной или церковью. Предрасположенность к этому заблуждению настолько сильна в человеке, что даже древнее терпимое язычество убило Сократа во имя религии и нравственности, слегка притесняло чужеземные религии вроде культа Изиды или Митры и более решительно преследовало религию ранних христиан, которую полагало губительной и антиобщественной. Даже еще более терпимый по сути своей индуизм, со всей своей духовностью, широтой взглядов и просвещенностью, в силу этой предрасположенности какое-то время находился во враждебных отношениях с буддизмом, джайнизмом, шиваизмом и вайшнавизмом и подвергал их регулярным, хотя и непродолжительным преследованиям.

Основная причина исторической несостоятельности религии как водителя и организатора человеческого общества кроется именно в этом. Церкви и вероисповедания, например, всеми силами препятствовали развитию философии и науки, сожгли Джордано Бруно, заключили в тюрьму Галилея и занимали настолько агрессивную позицию в отношении философии и науки, что тем пришлось в порядке самозащиты наброситься на Религию и разрушить ее до основания, чтобы расчистить пространство для законного своего развития. Все произошло потому, что люди, ослепленные темными страстями своей витальной природы, рассуждали следующим образом: поскольку религия связана с определенными интеллектуальными представлениями о Боге и мире, которые не выдерживают научной критики, значит, всякую науку следует истребить огнем и мечом; научная и философская истина отвергалась ради сохранения религиозного заблуждения. Мы видим также, что ограниченный религиозный дух зачастую подавляет и обедняет радость и красоту жизни — либо в силу нетерпимого аскетизма, либо, если говорить о пуританском подходе, из неспособности понять, что религиозный ригоризм — это не вся религия, хотя, может быть, и важная ее часть, не единственный путь этико-религиозного постижения Бога, поскольку любовь, милосердие, мягкость, терпимость, доброта тоже (и даже более) божественны, а пуритане забывали или никогда не знали, что Бог есть не только чистота, но и любовь и красота. В политической жизни религия часто принимала сторону власти и препятствовала приходу и осуществлению более высоких политических идеалов, поскольку сама, в лице Церкви, находила поддержку у власти и смешивала религию с Церковью или выступала за ложную теократию, забывая о том, что истинная теократия есть царство Божие, а не царство Папы, духовенства или сословия священнослужителей. Равным образом религия часто поддерживала закостеневший и устаревший социальный строй, поскольку полагала, что ее собственная жизнь зависит от различных форм социальной жизни, с которыми она оказалась связанной на длинном отрезке своей истории, и ошибочно заключала, что даже необходимые изменения этих форм могут разрушить религию и угрожать ее существованию. Как будто такую могучую внутреннюю силу, как религиозный дух в человеке, можно разрушить чем-то столь незначительным, как изменение формы социальной жизни, или столь внешним, как социальная перестройка! В этом заблуждении, во всем множестве его проявлений, заключалась великая слабость религии прошлого — именно это дало возможность и основание интеллектуальному разуму, эстетическому чувству, социальному и политическому идеализму, даже этическому духу человека восстать против религии, которая должна была выражать его высочайшее стремление и закон.

Значит, в этом кроется единственная тайна расхождения между древним и современным, восточным и западным идеалами, а также единственная возможность их примирения. Оба идеала имеют под собой известные прочные основания, и конфликт их проистекает из непонимания. С одной стороны, истинно то, что религия должна играть главную роль в жизни, быть ее светом и законом — но это должна быть подлинная религия, какой она и является по своей внутренней сути, по основному закону существования, т. е. поиском Бога, культом духовности, открытием глубочайших пластов жизни души пребывающему в нас Божеству, вечной Вездесущности. С другой стороны, истинно и то, что религия

— когда она отождествляет себя только лишь с вероисповеданием, культом, Церковью, системой ритуальных формул — вполне может стать силой, тормозящей развитие, а потому человеческий дух может восстать против нее, чтобы освободить различные сферы жизни от ее влияния. У религии есть два аспекта: истинная религия и религиозность. Истинная религия — это религия духовная, которая стремится жить в духе, находящемся за пределами интеллекта, за пределами эстетического, этического и практического существа человека, и просвещать и направлять эти части нашего существа высшим светом и законом духа. Религиозность же, напротив, укореняется в некой ограниченной мистической экзальтации низших частей нашей природы или придает особое значение интеллектуальным догмам, формулам и ритуалам, некому жестко установленному моральному кодексу, некой религиозно-политической или религиозно-социальной системе. Конечно, не стоит совсем уж пренебрегать всеми этими вещами, считать их недостойными или излишними, а духовная религия не должна с презрением отвергать вспомогательную роль форм, ритуалов, вероисповеданий или религиозных систем. Напротив, человек нуждается в них, поскольку низшие части его природы должны возвыситься через экзальтацию, прежде чем смогут одухотвориться в полной мере, прежде чем смогут непосредственно проникнуться духом и подчиниться его закону. Когда человек обращается к внутренней жизни, его мыслящий и рассуждающий ум часто нуждается в интеллектуальной формуле, эстетическая природа или прочие части инфрарационального существа — в форме или ритуале, витальная природа — в жестко установленном моральном кодексе. Но все это — вспомогательные средства, а не сущность религии; именно потому, что они принадлежат рациональному и инфрарациональному планам, они и не могут быть чем-то божьим, и если им слепо следовать и придавать слишком большое значение, они даже могут препятствовать нисхождению супрарационального света. В том виде, какой они имеют, их можно предложить человеку в пользование, но не навязывать ему деспотической неумолимой властью в качестве единственного закона. Основное правило, которое следует соблюдать при их использовании, это сохранять терпимость и допускать возможность вариаций. Духовная сущность религии — это единственное, что является в высшей степени необходимым, мы всегда должны твердо держаться ее и подчинять ей все прочие элементы нашей природы или мотивы нашей деятельности.

Но здесь появляется некая двусмысленность, которая привносит еще более глубокое расхождение. Ибо под духовностью религия, похоже, часто подразумевает нечто, далекое от земной жизни, отличное от нее и ей враждебное. Она осуждает стремление человека к земным целям как нечто, противоположное духовной жизни, а земные надежды человека — как иллюзорные и тщетные упования, несовместимые с его упованием на небеса. Таким образом дух становится чем-то отдаленным: человек может достичь его лишь отбросив жизнь низших частей своей природы. Он должен либо отказаться от этой низшей жизни в тот момент, когда она уже выполнила свое предназначение, либо упорно обуздывать, умерщвлять и истреблять ее. Коль скоро в этом заключается истинный смысл религии, тогда очевидно, что она не имеет никакого позитивного значения для человеческого общества — если говорить о его усилиях, надеждах и стремлениях, или для индивида — если говорить о любой низшей части его существа. Ибо каждый элемент нашей природы естественным образом стремится к совершенству в собственной своей сфере и, если и подчиняется высшей силе, то только потому, что с ее помощью обретает божьее совершенство и более полное удовлетворение даже в своей области. Если же духовный путь отказывает ему в возможности совершенствоваться, т. е. лишает его стремления к совершенству, тогда он должен либо утратить веру в себя и способность продолжать естественное развитие своих энергий и своей деятельности, либо отвергнуть зов духа, чтобы последовать своему собственному стремлению и закону, дхарме. Этот конфликт между землей и небесами, между духом и низшими его частями становится еще более губительным для последних, когда духовность принимает форму религии скорби, страдания, аскетического самоограничения и провозглашает тщету земного мира. В крайнем своем проявлении он ведет к таким кошмарам души,

как ужасный мрак и безнадежность средневековья в самый страшный его период, когда единственную надежду человечество видело, похоже, в приближении Конца Света, неизбежной и желанной Пралайи. Но даже когда это пессимистическое отношение к земному миру принимает не столь резко выраженный и нетерпимый характер, оно все равно становится силой, препятствующей развитию жизни, и, следовательно, не может быть для нее истинным законом и водителем. В этом смысле всякий пессимизм является отрицанием Духа, его полноты и силы, следствием нетерпения, не способного видеть пути Господни в мире, и недостаточной веры в божественную Мудрость и Волю, которые сотворили мир и вечно направляют его. Такая позиция выражает ложное представление о верховной Мудрости и Силе, а потому не может служить верховной мудростью и силой духа, к которым мир мог бы обратиться за водительством и помощью в возвышении всей своей жизни к Божественному.

Отход Запада от религии — т. е. уменьшение притязаний и требований религии, приведшее Европу от религиозных взглядов средневековья через Ренессанс и Реформацию к современным рационалистическим взглядам, сведение сферы всех наших интересов к обычной земной жизни, наши напряженные усилия реализовать себя согласно правилам, диктуемым низшими частями природы, напроць лишенными всякого духовного стремления, — был противоположной ошибкой, другой крайностью, связанной с нашим невежеством и знаменующей автоматический переход маятника от неверного утверждения к неверному отрицанию. Это — заблуждение, поскольку совершенство нельзя обрести в подобных границах и рамках; ибо они не охватывают всей полноты человеческого существования и отрицают присущие ему глубочайшее стремление и сокровеннейший импульс. Только свет и сила высшего могут совершенным образом направлять, возвышать и осуществлять низшее. Низшая жизнь человека не божественна по форме, хотя и включает в себе тайну божественного, и ее можно обожествить только с обретением высшего закона и духовного озарения. Но нетерпение, которое осуждает жизнь, теряет веру в нее или отказывается участвовать в ее развитии, поскольку в данный момент она не божественна и не пребывает в гармонии с жизнью духовной, является равным заблуждением, андхам тамах. Бегущий от мира монах или просто аскет может, конечно, найти в такой позиции индивидуальное, сугубо личное спасение, духовную компенсацию за свое отречение и Тапасью, как и материалист, следующий своим путем, исключаящим все другие, может найти соответствующее вознаграждение за свою энергию и сосредоточенные поиски; но ни первый, ни второй не могут стать истинным водителем человечества и его законодателем. Позиция монаха подразумевает страх, отвращение, недоверие к жизни и ее стремлениям, а человек не может мудро управлять такой сферой, к которой у него нет никакой любви и которую он хочет свести к минимуму и подавить. Если бы управлять жизнью и человеческим обществом был поставлен один лишь аскетический дух, то он мог бы воспитать в них только готовность к самоотречению и отказу от своих собственных стремлений. В своем водительстве аскетический дух может поначалу терпимо относиться к низшим проявлениям жизненной природы человека, но только для того, чтобы в конечном счете заставить их свести к минимуму свою деятельность и прекратить ее. Но духовность, которая отделяет себя от жизни, чтобы охватить ее всю целиком, не попав к ней в зависимость, не знает таких ограничений. Образ духовного человека, способного направить человеческую жизнь к совершенству, воплощен в древней индийской идее Риши — человека, который в полной мере проживает человеческую жизнь и находит слова для выражения супраинтеллектуальной, супраментальной, духовной истины. Он поднимается над ограничениями низшей жизни и может смотреть на все вещи сверху, но при этом он находится в жизни и способен видеть изнутри ее движущие силы; он обладает совершенным внутренним знанием и высочайшим духовным знанием. Поэтому он может направлять мир согласно человеческому закону, как Бог направляет его согласно закону божественному, ибо, подобный Божеству, такой человек пребывает в жизни мира и все же над ней.

Следовательно, именно в духовности, понимаемой в этом смысле, должны мы искать

направляющий свет и закон гармонии, а в религии — только в той мере, в какой она отождествляет себя с духовностью. Пока религия не достигает этого уровня, она остается не более чем одной из сфер человеческой деятельности, одной силой среди прочих, и не может в полной мере управлять другими сферами деятельности и силами, даже если будет признана самой важной и самой могучей из них. Если религия постоянно стремится загнать все прочие силы в жесткие рамки вероисповедания, неизменного закона, отдельной системы, она должна приготовиться к тому, что эти силы восстанут против ее власти. Они, конечно, могут какое-то время терпеть давление религии и извлекать из этого значительную пользу, но в конечном счете, согласно закону своего существования, неизбежно начнут стремиться к более свободной деятельности и беспрепятственному развитию. Духовность уважает свободу человеческой души, поскольку сама реализуется через свободу; а глубочайший смысл свободы заключается в возможности развиваться и расти к совершенству согласно закону своей собственной природы, дхарме. Такую свободу духовность даст всем основным частям нашего существа. Она предоставит философии и науке такую свободу, которую предоставляла древняя индийская религия (при желании даже свободу отрицать дух), при которой философия и наука в древней Индии никогда не чувствовали потребности отделиться от религии, но скорее вращались в нее и тянулись к ее свету. Такую же свободу духовность даст поискам политического и социального идеала и всем прочим силам и стремлениям человека. Только ей придется просвещать их так, чтобы они развивались к свету и закону духа не через подавление и ограничение, но через исследование себя, постепенное саморасширение и многостороннее раскрытие своих величайших, высочайших и глубочайших возможностей. Ибо все они суть возможности духа.

Глава XVIII. Инфрарациональный век цикла

Следовательно, именно в духовности заключается конечная цель нашей жизни, наша единственная надежда на совершенство как индивида, так и человека общественного; не в духе, который ради личного своего удовлетворения отворачивается от земной жизни и ее трудов, но в том более высоком духе, который превосходит, но при этом принимает и осуществляет их. Духовность, которая вберет в себя человеческий рационализм, эстетизм, этику, витализм, телесность, тягу к знанию, влечение к прекрасному, потребность в любви, стремление к совершенству, стремление к могуществу и полноте жизни и существования, духовность, которая раскроет этим плохо согласованным силам их божест-венный смысл и объяснит условия, необходимые для перехода в божес-твенное состояние, примирит их все друг с другом, озарит перед каждой ее путь, ныне погруженный в густой полумрак и совсем не видимый или видимый в искаженном свете — является силой, которую даже излишне самодостаточный человеческий разум сможет принять (или, по крайней мере, однажды будет вынужден принять) как верховного правителя и увидеть в ней свой собственный высший свет, свой собственный неиссякаемый источник. Именно такая перспектива предстает перед нами как логическое завершение, неизбежный результат развития и осуществления всего, к чему направлены индивидуальные и коллективные усилия человека. Успешное развитие зарождающейся в человечестве духовности, пребывающей пока в зачаточной, ранней стадии, является вероятной перспективой эволюции- и в век субъективизма человечество начинает пробуждаться к осознанию этой возможности или обнаруживать первую глубокую тенденцию к возвращению на этот виток цикла. Все более глубокое, широкое, высокое, более одухотворенное субъективное понимание индивидуального и общественного «я» и его жизни и все более частое обращение к духовному свету и духовным средствам для окончательного решения всех проблем — единственный путь к истинному социальному совершенству. Со свободным правле-нием, иными словами, преобладающим руководством, контролем и влиянием развитого духовного человека — не полуодухотворенного священника, святого, пророка или примитивного приверженца веры — связываем мы нашу надежду на божественное водительство для человечества. Лишь одухотворенное общество

сможет привести к установлению индивидуальной гармонии и общественного счастья; или, иными словами (словами, которые наиболее точно выражают смысл, хотя разум и страсти склонны извращать их), к новому роду теократии, царству Божию на земле — теократии, которая будет управлять человечеством через Божественное, живущее в сердцах и умах людей.

Конечно, новый век не наступит легко и просто или в результате внезапной, полностью всех устраивающей перемены, магической транс-формации, каких люди всегда тщетно ожидали от каждого нового великого перелома и революции в политике и обществе. Пришествие его, однако, действительно будет сродни чуду, как и все подобные глубокие изменения и грандиозные события, ибо они производят впечатление некой осуществленной невозможности. Но Бог совершает все чудеса путем развития скрытых возможностей, которые долго подготавливаются, по крайней мере во всех своих элементах, а в конце путем стремительного выявления и сведения их воедино таким образом, что в своем слиянии они образуют новую форму, новое имя и выражают новый дух. Зачастую решительному перелому предшествуют видимое обострение и доведение до крайности явлений, которые кажутся полным отрицанием нового принципа и нового творения, самой бескомпромиссной их противоположностью. Подобная эволюция элементов духовного общества становится по меньшей мере возможной в век субъективизма, и если одновременно достигают предельной полноты и силы своего выражения явления, которые кажутся полным отрицанием такого духовного роста, то это не обязательно является показателем практической невозможности нового рождения, но, напротив, может быть признаком его приближения или, в крайнем случае, реальной попытки такого достижения. Конечно, все усилия субъективистского века могут закончиться неудачей; но чаще всего это происходит, когда за недостатком имеющихся у него средств, из-за крайней незрелости исходной позиции и беглой поверхностности или узкой направленности его взгляда, обращенного в себя и на внешний мир, он заранее обречен — т. е. принципиальная ошибка заключена в его самопознании. Это становится менее вероятным, когда дух века являет всю полноту свободы, разнообразия и многостороннего поиска, упорное стремление к знанию и совершенству во всех сферах человеческой деятельности; такой дух вполне может обратиться в интенсивную, но гибкую силу, стремящуюся к бесконечному и божественному во многих направлениях и многих аспектах. В этом случае можно предсказать если не окончательный приход нового века, то значительный скачок в развитии человечества.

Мы уже увидели, что социальная эволюция или вообще эволюция человека как индивида и члена общества неизбежно проходит через три стадии. Наша эволюция начинается с инфрарациональной стадии, на которой люди еще не научились соотносить принципы и формы своей жизни и деятельности со знанием просветленного интеллекта; они по-прежнему действуют исходя главным образом из своих инстинктов, импульсов, стихийных идей, витальных интуиций или же привычно подчиняются требованиям желаний, жизненной необходимости и обстоятельств — именно такой образ действий культивируется и кристаллизуется в их социальных институтах. От этой отправной точки человек, проходя разнообразные стадии, движется к рациональному веку, в котором его разумная воля, уже более или менее развитая, становится судьей, властителем и главным вдохновителем его мыслей, чувств и действий, строителем, разрушителем и снова творцом господствующих идей, целей и интуитивных прозрений. И наконец, если наш анализ и прогноз верны, человек в своей эволюции должен пройти век субъективизма и двинуться к супрарациональному или духовному веку, в котором он постепенно разовьет в себе более духовное, супраинтеллектуальное и интуитивное — возможно, в конечном счете, и более чем интуитивное гностическое сознание. Он сможет постичь высшую божественную цель, божественный промысел, божественный свет, озаряющий путь к тому, чем он стремится стать — цели всех его помышлений, чувств и действий — и сможет также все более и более подчиняться этому высшему свету и высшей силе и жить в них. Это произойдет не за счет инфрарационального религиозного импульса и экстаза, какие характеризуют или скорее

окрашивают в мрачные тона смутный хаос и жестокое насилие Средних веков, но через высшее духовное существование, возможное только после очищения сознания, которое тоже будет возвышено, преобразовано и приведено к своему незримому источнику.

Эти стадии, или периоды, неизбежны в психологической эволюции человека еще более, чем Каменный и прочие века, выделенные Наукой как фазы материального развития цивилизации, поскольку они обусловлены не внешними средствами или событиями, но самой природой человеческого существа. Но мы не должны полагать, что каждая из этих стадий по сути своей изначально однородна и абсолютна, выражает законченную тенденцию или полностью проявляется сразу после своего наступления, заметно отличается от других стадий по способу выражения или во времени. Они не только вытекают одна из другой, но частично могут развиваться одна в другой и существовать одновременно в разных частях земли. Но прежде всего потому, что человек, даже дикарь или дегенерат, в целом всегда является существом сложным, его нельзя однозначно и определенно отнести ни к одной из этих стадий — до тех пор, пока он не превзойдет себя, не разовьется в сверхчеловека, иными словами, не одухотворит и не обожествит все свое существо. На низшей, животной стадии развития он по-прежнему остается своего рода мыслящим или рассуждающим животным; даже инфрарациональный человек не может быть полностью инфрарациональным, поскольку в нем осуществляется какая-то деятельность (или в нем есть тенденция к совершению такой деятельности), так или иначе связанная с разумом или подразумевающая работу разума, содержащая в себе более или менее примитивный супрарациональный элемент, более или менее замаскированную работу духа. На высокой стадии ментального развития человек все-таки не является чистым ментальным существом, чистым разумом; даже самый совершенный мыслитель не бывает и не может быть полностью или исключительно рациональным — ибо существуют витальные импульсы, которые он не в силах уничтожить, озарения или проблески света свыше, которые не становятся менее супрарациональными от того, что он не понимает их происхождения. Когда речь идет не о божестве, но о максимально развившем свои возможности человеке, которого коснулся луч божественного света, самая духовность человека, независимо от степени ее преобладания, обязательно содержит (пока он по-прежнему остается человеком, не достигшим вершины эволюции) свои рациональные и инфрарациональные тенденции и элементы. С периодами же общественного развития человечества дело обстоит точно так же, как и со стадиями психологической жизни индивидов: они могут отличаться друг от друга по признаку преобладающего действия одного из элементов, который превосходит силой другие или поглощает их, или вступает с ними в некий компромисс, однако исключительная деятельность такого элемента, похоже, не предполагалась изначально и на практике не осуществима.

Таким образом, в инфрарациональном периоде человеческого и социального развития вовсе не должны отсутствовать присущие ему элементы — действенные элементы — разума и духовности. Даже дикарь, будь то первобытный человек или дегенерат, имеет некое связанное представление об этом и потустороннем мирах, теорию жизни и религии. Нам, людям с более развитым рациональным умом, его теория жизни может показаться непоследовательной, поскольку мы утратили лежащий в ее основе взгляд на вещи и принцип связи ее идей. Но она, тем не менее, является продуктом разума, и в пределах этой теории человек способен вполне успешно мыслить как на абстрактном, так и на практическом уровне, а также формировать четкую этическую идею и мотив, некоторые эстетические представления и стройную систему общества — жалкую и варварскую, на наш взгляд, но достаточно хорошо продуманную и выстроенную для того, чтобы служить своим простым целям. Мы можем не видеть элемент разума и в примитивной теории жизни или духовности в варварской религии, поскольку они кажутся нам целиком созданными из символов и форм, которым эти неразвитые умы придают суеверный смысл. Но это происходит потому, что на данной стадии развития разум не совершенен и ограничен в своем действии, а элемент духовности примитивен или неразвит и еще не обладает самосознанием; чтобы надежно

сохранить плоды их деятельности и сделать последние реальными и конкретными для своего ума и духа, первобытный человек вынужден облекать их в символы и формы, за которые он цепляется с дикарским трепетом и благоговением, поскольку только они могут стать для него ориентирами, направляющими его жизнь. Ибо в нем преобладает инфрарациональная жизнь инстинкта, витальной интуиции и импульса, механического обычая и традиции все остальные части его существа должны привести все это в первичный порядок и озарить первыми проблесками света. Не-очищенный разум и непросвещенный дух не могут работать в нем, осуществляя свои собственные цели: они являются рабами его инфрарациональной природы.

На более высоком уровне развития или при повторном прохождении уже пройденной стадии ради осуществления более полной эволюции (дикарь в наше время находится, вероятно, не в состоянии первобытного примитивного человека, но в состоянии рецидива примитивности, возвращения к ней) инфрарациональный век общества может породить цивилизацию очень высокого уровня. Здесь человек может обладать великими интуитивными знаниями смысла или общей цели жизни, иметь замечательные идеи устройства жизни, гармоничную, хорошо отлаженную, долговечную и прочную социальную систему, впечатляющую религию, не лишенную известной глубины, но сводящуюся главным образом к символу и ритуалу, которые для народных масс и станут практически всей религией. На этой стадии чистый разум и чистая духовность не будут управлять обществом или двигать большими массами людей, но будут представлены (если вообще будут) отдельными личностями — число которых поначалу будет измеряться единицами, но впоследствии станет неуклонно увеличиваться по мере того, как эти две силы будут обретать все большую чистоту и мощь и привлекать все больше и больше сторонников.

В случае преобладающего развития разума это вполне может привести к веку великих мыслителей-одиночек, которые открывают какую-то идею жизни, ее начал и законов и строят на этом основании философскую систему; критических умов, одиноко стоящих над толпой, которые судят о жизни, еще не обладая светоносной широтой взглядов, тончайшей гибкостью мысли или глубиной чистого и всеобъемлющего понимания, но все же обладая силой интеллектуального разума, способностью интуитивного постижения, проницательностью; возможно, даже появится один-другой выдающийся социальный философ, который, воспользовавшись неким кризисом или общественным потрясением, сумеет заставить общество видоизмениться или перестроиться на основании некоего чисто рационального и разумного принципа. Такой век, похоже, представлен в традициях ранней греческой цивилизации или, скорее, начала ее динамичного и прогрессивного периода. Если же преобладает духовность, появятся великие мистики, способные погрузиться в изучение глубоких и по-прежнему таинственных возможностей нашей психической природы: они интуитивно постигнут и реализуют истину «я» и духа в человеке, и хотя сохраняют эти знания в тайне и передадут их лишь немногим посвященным, все же, возможно, с их помощью удастся усовершенствовать примитивные формы народной жизни. Именно о такой линии развития туманно свидетельствуют древние традиции мистерий. Мы видим, как в доисторической Индии она совершила особый и уникальный поворот, предопределивший общее направление развития общества и превративший индийскую цивилизацию в обособленное и своеобразное явление в истории человечества. Но все это — лишь первые проблески света в сознании человечества, которое по-прежнему остается инфрарациональным, равно как и инфрадуховным, и даже претерпевая влияние этих предшественников, оно отвечает на их вдохновенные идеи лишь слабо и невнятно, не обнаруживая ни ясного интеллектуального понимания, ни пробудившегося духовного отклика на то, что несут в себе или предлагают эти идеи. Человечество по-прежнему облекает все в инфрарациональную форму и превращает в традицию, искажающую истину, а духовную жизнь подменяет плохо понятым ритуалом и затемняющим смысл сим-волом. Оно смутно ощущает высшие истины, старается осуществить их на свой неуклюжий манер, но это еще не истинное понимание; оно пока не способно придать им устойчивую

интеллектуальную форму или постичь их сокровенный духовный смысл.

По мере дальнейшего своего развития разум и духовность постепенно превращаются в силу все более широкую и рассеянную-вероятно, менее интенсивную, но охватывающую бо́льшие массы и оказывающую на них более сильное влияние. Мистики сеют семена мощного духовного развития, в котором ищут света целые сословия общества и даже представители всех сословий, как это случилось в Индии эпохи Упанишад. На смену мыслителям-одиночкам приходит огромное количество писателей, поэтов, ораторов, софистов, ученых-исследователей, которые обеспечивают мощный и плодотворный расцвет живой мысли и поиска, развивая в людях привычку мыслить и вызывая даже в народных массах всеобщую активность интеллектуального разума — как это случилось в Греции в век софистов. Свободное от вмешательства разума духовное развитие в инфрарациональном обществе часто имеет тенденцию опережать на первых порах развитие рационального и интеллектуального ума. Ибо величайшей просвещающей силой в развитии инфрарационального человека является низшая интуиция, инстинктивное интуитивное чувство, возникающее из заключенной в человеке жизненной силы, а переход к интенсивной внутренней жизни и развитию более глубокой духовной интуиции, превосходящей интеллект и, по-видимому, не нуждающейся в нем, на индивидуальном уровне происходит довольно легко. Но для человечества в целом такой скачок невозможен; ум и интеллект человечества должны полностью развиться, чтобы духовность могла надежно совершать свое восхождение, опираясь на широкий фундамент развитой низшей природы человека, разумного ментального существа. Поэтому мы видим, что разум в своем росте либо на время избавляется от четко выраженной духовной тенденции, как это было в древней Греции, либо принимает ее, но сплетает вокруг самых первых постижений и открытий духа гигантскую паутину интеллектуальных построений, в результате чего ранний мистический пророк замещается философом-мистиком, религиозным мыслителем и даже просто философом, как это было в Индии.

Может показаться, что на какое-то время новое развитие и новый импульс охватывают все общество, как это было в Афинах или древней Индии ариев. Но это первое движение не может долго сохранять свою чистоту, поскольку человечество еще не готово к нему. Происходит кристаллизация, ослабление начального импульса, новое развитие инфрарациональных форм, в которых мысль или духовность подавляются нарастающей низшей природой или сковываются формой и могут даже погибнуть в ней, в то время как традиция живого знания, высшая жизнь и деятельность остаются принадлежностью одного или нескольких высших сословий. Народ в массе своей остается по складу ума на инфрарациональном уровне, хотя, возможно, и сохраняет еще живой интеллект и глубокую и утонченную духовную восприимчивость, приобретенные в прошлом. Иррациональный период развития общества не закончится, пока не пробьет час века рационального; а рациональный век может наступить только тогда, когда не один класс или отдельные индивиды, но весь народ в целом научится мыслить и активно применять деятельность своего разума — не важно, насколько несовершенно на первых порах, — в сфере своей жизни, своих потребностей, своих прав, своих обязанностей, своих стремлений, как это свойственно человеку. Пока это не произойдет, общество, достигающее максимально возможного развития, будет смешанным — инфрарациональным в массе своей, но остающимся в лоне цивилизации благодаря высшему сословию, задача которого состоит в том, чтобы стремиться к разуму и духу, сохранять достижения человечества в этой сфере, умножать их и, насколько это возможно, просвещать и возвышать с их помощью жизнь в целом.

Здесь мы видим, что, действуя в человечестве, Природа имеет тенденцию медленно продвигаться по различным линиям развития активного ума и жизни, все больше используя разум и духовность, что в итоге приближает наступление рационального, а в конце концов и духовного века человечества. Этому движению Природы препятствуют два обстоятельства. Во-первых, в то время как она развила мысль, разум и духовность прежде всего в

исключительных индивидах, теперь она развивает их в пределах всего человечества в исключительных обществах или нациях (последнее понятие здесь условно: имеется в виду нация, которая управляется и возглавляется своими интеллектуально или духовно развитыми сословиями или сословием, формирующими и воспитывающими ее в духе прогресса). Но исключительная нация, в которой высшие сословия обладают развитым разумом или духовностью, или и тем, и другим — как это было в Греции, а позднее Риме в древней Европе и Индии, Китае и Персии в древней Азии — окружена или находится в тесном соседстве с колоссальными массами непреобразованного инфрарационального человечества, и эта опасная близость представляет для нее угрозу; ибо до тех пор, пока не появляется развитая наука, восстанавливающая равновесие, варвар всегда превосходит человека культурного по своему физическому развитию и неисчерпаемой природной силе агрессии. На этой стадии свет и сила цивилизации в конечном счете неизбежно терпят поражение под натиском внешней тьмы. Затем Природа на пути своего восхождения должна заняться развитием самих завоевателей — это происходит довольно медленно и сопровождается затяжными трудностями и значительными потерями и задержками — чтобы создать в их среде то, что они временно разрушили или повредили своим вторжением. В конечном счете человечество выигрывает от этого процесса; в него вовлекается куда большее количество наций, силы прогресса действуют более интенсивно и в большем масштабе, и человечество достигает той отправной точки, от которой может двигаться к более ценным и разнообразным достижениям. Однако подобный прогресс всегда достигается ценой известных потерь.

Но даже в пределах самих обществ и наций на этой стадии развития разум и духовность всегда встречают препятствия и подвергаются опасности, поскольку существуют в чуждых им среде и атмосфере. Во-первых, элита, высшие сословия, чьей миссией является развивать эти силы, вынуждены облекать их в формы, приемлемые для невежественных масс, которыми они руководят и правят, а как разум, так и духовность имеют тенденцию закосневать в этих формах, превращаться в стереотипы, становиться омертвелыми, лишаться жизненного импульса, утрачивать способность своего свободного проявления. Во-вторых, эти высшие просвещенные элементы — поскольку в конце концов они являются частью общей массы — сами в значительной степени находятся под влиянием своих инфрарациональных частей и не достигают (за исключением отдельных индивидов) совершенно свободной деятельности разума и свободного света духа. В-третьих, они всегда подвергаются опасности притяжения к царящему внизу невежеству или даже полного погружения в него. Природа оберегает свои достижения с помощью разнообразных приемов для поддержания в привилегированных классах традиции интеллектуальной и духовной активности; в одном случае она делает для них делом чести сохранять и развивать национальную культуру, в другом — устанавливает систему образования и обучения, способствующую сохранению культуры. А для того, чтобы все это не выродилось в простую приверженность традициям, она дает начало ряду течений интеллектуальной и духовной мысли, которые, потрясая общество, оживляют угасающую жизнь, способствуют ее расширению и развитию, а также более глубокому проникновению разума или духовности как господствующей силы в инфрарациональные массы. Конечно, каждое такое движение, по истечении более или менее длительного периода активности, изживает себя, но в нужный срок оно получает новый толчок, приходит новая волна, спасая и восстанавливая разум и духовность. Наконец Природа достигает той точки развития, когда непосредственная угроза возврата к прежнему состоянию остается позади, и тогда она может начать решительное движение по следующему витку социальной эволюции. Это движение будет представлять собой попытку сделать всеобщими прежде всего привычку мыслить и способность применять интеллект и разумную волю к жизни. Таким образом устанавливается рациональный век человеческого общества, предпринимается великое усилие обратить силу человеческого разума и интеллекта на все наше существо и всю нашу деятельность и организовать в их свете и под их водительством жизнь человечества в целом.

Глава XIX. Кривая развития рационального века

С точки зрения стадияльной психологической эволюции человечества современный век расы можно охарактеризовать как все более и более напряженное усилие открыть и выработать верный принцип и надежные основы для построения рациональной системы общества. Это век прогресса; но прогресс бывает двух видов: адаптивный, надежной основой которого служит неизменный принцип социального строя — здесь меняются только обстоятельства и механизм применения этого принципа к новым идеям и новым потребностям; или же радикальный, не имеющий долговечного основания, но осуществляющийся в силу постоянного сомнения в самих практических основах и даже в главном принципе устройства существующего общества. Современная эпоха вылилась в ряд последовательных шагов человечества по пути радикального прогресса.

Каждый такой шаг совершается, похоже, по одной схеме: сначала светоносная пора сева и период вдохновенных усилий и борьбы, затем частичная победа, успех и короткий период обладания достигнутым, а потом разочарование и рождение новой идеи и нового усилия. Принцип общественного устройства, предложенный мыслителем, захватывает средний ум и превращается в евангелие социальной жизни; получив немедленное или стремительное поэтапное осуществление, он смещает предыдущий принцип и занимает его место в качестве основы социальной или политической жизни общества. Одержав эту победу, люди некоторое время живут, исполнившись энтузиазма, или, когда энтузиазм иссякает, проникшись привычным сознанием своего великого достижения. Но вскоре они начинают чувствовать некоторую неудовлетворенность первыми плодами своих усилий и ощущают необходимость приспособлять уже устоявшийся принцип к новым условиям, постоянно вносить в него изменения, более или менее неустанно развивать новую систему — ибо разуму по самой природе свойственно наблюдать, быть открытым для новых идей, мгновенно откликаться на новые потребности и возможности и не успокаиваться навеки в без-оговорочном принятии всех устоявшихся обычаев и связей. Пока еще люди не ставят под сомнение сам принцип своего социального устройства и не предполагают, что когда-нибудь возникнет необходимость изменить и его — они хотят лишь усовершенствовать формы воплощения этого принципа и добиться большей полноты его применения к жизни, более истинного и действенного его осуществления. Однако наступает время, когда разум начинает чувствовать неудовлетворенность и видит, что он лишь создает множество новых конвенций, но это не ведет к желанным переменам; происходит смещение некоторых акцентов, но не происходит заметного приближения общества к совершенству. Противостояние немногочисленных мыслителей, которые, вероятно, почти с самого начала сомневались в достаточности существующего принципа социального устройства, обостряется и находит все более широкую поддержку; возникает движение протеста, и общество начинает снова привычное движение по спирали радикального прогресса к новой революции, к утверждению более прогрессивного принципа социального устройства.

Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока разум не сумеет найти принцип общественного строя или же гармоничное сочетание нескольких принципов, которые удовлетворяют его. Вопрос заключается в том, будет ли он когда-нибудь удовлетворен и сможет ли когда-нибудь избавиться от обыкновения сомневаться в существующих принципах жизни — если только, конечно, он снова не погрузится в сон традиции и конвенции или же не устремится в результате великого пробуждения в царство духа, превосходящего его собственный дух, и не выйдет в супрациональный, или духовный век человечества. Насколько мы можем судить по существующему положению дел, прогресс разума как реформатора и создателя социальной системы (при условии, что не нарушается его течение) должен пройти через три последовательные стадии, обусловленные самой логикой развития разума: первая стадия — индивидуалистическая, с неуклонно растущей демократической тенденцией, с идеей свободы в качестве принципа; вторая

социалистическая, завершающаяся, вероятно, установлением государственного коммунизма, с идеей равенства и Государства в качестве принципа; третья если она когда-нибудь получит воплощение за рамками теории — анархистская в высшем смысле этого слова(ныне употребляемого совершенно неверно), принципом которой будет не идея государственного управления, а либо свободное добровольное взаимодействие, либо свободное общежитие на основе братства или товарищества. Именно при переходе к третьей и завершающей стадии, когда бы она ни наступила, сила и достаточность разума будут подвергнуты испытанию; тогда станет видно, может ли разум действительно управлять нашей природой, решать проблемы наших взаимодействующих и конфликтующих эгоизмов и своими силами выработать совершенный принцип общества или же он должен уступить место более высокому водителю. Ибо пока он не подвергся испытанию на этой третьей стадии, нашей природой в действительности так или иначе управляет Сила. Разум всего лишь предоставляет Силе план своих действий и систему управления.

Мы уже увидели, что именно индивидуализм открывает путь веку разума и что индивидуализм получает импульс к развитию и возможность развития потому, что следует за веком, в котором господствуют конвенции. Конечно, мыслители, размышлявшие над устройством общества и общественной жизни человека, жили и в доиндивидуалистической, дорационалистической эпохе; но в своих рассуждениях они не пользовались методом, типичным для логического разума критического, все исследующего, все ставящего под сомнение, — и не могли конструктивно мыслить с помощью строгих механистических методов высокорационального интеллекта, который от разумного постижения истины переходит к стремлению найти ей чистое, совершенное и универсальное, верное применение. Логика была свойственна их мышлению и подходу к организации жизни в куда меньшей степени, чем стихийная разумность, органичность и интуиция. Эти мыслители всегда видели жизнь такой, какая она есть, и стремились постичь ее тайну на основе глубокой способности различения, интуиции и способности прозревать сущность. Символы, выражавшие фактическую и идеальную истину жизни и существования; типы, приводившие символы в психологическую систему; общественные институты, давшие им материальное выражение в процессе их осуществления — в такой форме мыслители воплотили свою попытку понять и ментализировать жизнь, управлять ею посредством ума, но ума стихийно интуитивного, различающего и прозревающего, деятельность которого еще не скована жесткими геометрическими структурами логического интеллекта.

Для разума же в его стремлении понять и истолковать жизнь существует только один род символа — это идея. Он обобщает факты жизни в соответствии со своими собственными, сильно упрощенными концепциями, чтобы иметь возможность управлять ими и упорядочивать их, и, ухватившись за идею, пытается найти ей максимально широкое общее применение. А для того, чтобы эти идеи не превратились просто в абстракцию, оторванную от реализовавшейся или подлежащей реализации истины вещей, разум должен постоянно сопоставлять их с фактами. Он должен всегда подвергать сомнению факты, чтобы находить идеи, которые могли бы все более и более полно объяснять, упорядочивать их и управлять ими; и он должен всегда подвергать сомнению идеи, чтобы, во-первых, проверять, согласуются ли они с реальными фактами, и, во-вторых, следить, не появились ли новые факты, требующие видоизменения или расширения идей, или не могут ли таковые из этих идей развиваться. Ибо разум живет не только в реальных фактах, но и в возможностях, не только в реализовавшихся истинах, но и в истинах идеальных; и идеалистичный ум, постигший идеальную истину, чувствует внутреннее побуждение проверить, нельзя ли ее превратить в факт, нельзя ли немедленно или быстро реализовать ее в жизни. Именно в силу этого врожденного свойства разума век разума всегда будет веком прогресса.

Пока старый метод ментализации жизни отвечал своему назначению, для людей в массе своей не было необходимости продумывать свой образ жизни с помощью разума. Но старый метод перестал выполнять свое назначение, как только созданные им символы, типы, общественные институты превратились в конвенции, которые погребли истину так глубоко,

что силы интуитивного прозрения было уже недостаточно, чтобы освободить скрытую реальность от искусственных покровов. В течение какого-то времени, и довольно долго, человек может жить просто по традиции, в которую выродилась утраченная им реальность, — но не вечно; возникает необходимость подвергнуть сомнению все конвенции и традиции, и с появлением этой необходимости разум получает первую реальную возможность полного саморазвития. Разум не может принимать традицию просто в силу ее древности или былого величия; он должен задаться вопросом: во-первых, содержит ли вообще традиция какую-либо живую истину, и, во-вторых, содержит ли она ту истину, которая наиболее подходит человеку для управления жизнью. Разум не может принимать конвенцию только потому, что люди пришли относительно нее к соглашению; он должен задаться вопросом, а правы ли они в своем соглашении и не свидетельствует ли оно о пассивном и ложном примиренчестве. Разум не может принимать общественный институт только потому, что он служит какой-то жизненной цели; он должен задаться вопросом, а нет ли неких высших и лучших целей, которым с бо́льшим успехом будут служить новые институты. Отсюда возникает необходимость глобального сомнения, а из этой необходимости возникает идея, что общество можно усовершенствовать лишь универсально применяя рациональный разум ко всей жизни в целом — к ее принципу, ее элементам, ее механизму и силам, приводящим этот механизм в движение.

Этот разум, который должен получить универсальное применение, не может быть разумом правящего класса; ибо на практике при нынешнем несовершенстве человечества это всегда означает ограничение и неверное применение разума, который низводится до положения раба власти, стремящейся сохранить привилегии правящего класса и оправдать существующий строй. Это не может быть разум немногочисленных выдающихся мыслителей; ибо, если человечество в массе своей остается инфрарациональным, их идеи в процессе практического воплощения искажаются, становятся неэффективными, неполными и быстро превращаются в пустую форму и конвенцию. Это должен быть разум всех людей без исключения, ищущих общее основание для соглашения. Отсюда возникает принцип индивидуалистической демократии, который заключается в том, что разум и воля каждого отдельного члена общества должны иметь возможность равно считаться с разумом и волей всех прочих при выборе формы правления, формировании основополагающего базиса и разработке продуманного устройства общественной жизни. Так должно быть не потому, что разум одного человека столь же хорош, как и разум любого другого, а потому, что в противном случае мы неизбежно вернемся к правлению господствующего класса; как бы ни видоизменялся правящий класс, будучи вынужденным в какой-то мере учитывать мнение зависимых от него классов, он всегда будет являть иррациональное несовершенство разума, который поставлен на службу власти и не находит гибкого применения для достижения своих собственных и идеальных целей. Кроме того, каждый индивид должен иметь возможность управлять своей жизнью согласно велениям своего собственного разума и воли, если при этом он не нарушает аналогичного права других людей. Это неизбежно вытекает из главного принципа, взятого веком разума за первооснову своего развития. Для осуществления начальных целей рационального века довольно того, чтобы каждый человек обладал достаточно развитым умом, способным понять точки зрения, представленные и разъясненные ему, принять во внимание мнения своих ближних и с учетом последних сформировать свое собственное суждение. Личное суждение человека, таким образом сформированное и тем или иным способом превращенное в действенную силу, является его вкладом в создание единого общего суждения, которым и должно руководствоваться общество — маленьким кирпичиком, с виду незначительным и все же незаменимым для построения внушительного целого. И для осуществления начального идеала рационального века достаточно также, чтобы это общее суждение эффективно служило только необходимым общим целям общества, в то время как во всем остальном каждый человек должен иметь свободу управлять своей собственной жизнью в согласии со своими собственными разумом и волей и свободно привести свою жизнь, насколько это возможно, в

естественную гармонию с жизнями всех прочих людей. Таким образом, свободно применяя разум на практике, люди получают возможность развиться в рациональные существа и научиться жить по общему согласию свободной, полной, естественной и в то же время рациональной жизнью.

Практика показала, что эти идеи не долговечны. Во-первых, средний человек еще не является существом рациональным; едва выйдя из своего долгого инфрарационального прошлого, он еще не обладает естественной способностью формировать разумное суждение, но мыслит либо исходя из собственных интересов, импульсов и предрассудков, либо из идей других людей, более развитых интеллектуально или энергичных физически, которые могут каким-то образом влиять на его ум. Во-вторых, он пока использует свой разум не для того, чтобы достичь соглашения со своими ближними, но скорее для того, чтобы навязать собственное мнение в борьбе и конфликтах с мнениями других людей. В исключительных случаях человек может направлять свой разум на поиск истины, но обычно использует его для оправдания своих собственных импульсов, предрассудков и интересов — и именно они определяют или по крайней мере совершенно обесцвечивают или искажают его идеалы, даже когда он научится вообще иметь идеалы. Наконец, он не использует возможность привести свою жизнь в рациональную гармонию с жизнями других людей; он движим врожденным стремлением осуществлять цели своей жизни даже за счет жизней других людей, или — если выразиться более пристойно — в конкурентной борьбе с ними. Таким образом получается, что между идеалом и первыми результатами его практического воплощения существует глубокое расхождение. Именно здесь кроется несоответствие между фактом и идеей, которое неизбежно ведет к разочарованию и неудаче.

Индивидуалистический демократический идеал, воплощенный на практике, приводит нас сначала ко все более и более опасному господству правящего класса, выступающего под лозунгом демократии, над невежественными и менее удачливыми народными массами. Кроме того, поскольку идеал свободы и равенства распространился повсеместно и ниспровергнуть его уже невозможно, неизбежно усиливаются попытки эксплуатируемых масс восстановить свои попранные права и обратить, если получится, эту псевдодемократическую ложь в подлинную демократическую истину; начинается классовая борьба. И третье: в ходе классовой борьбы — как часть этого процесса — неизбежно развивается постоянная вражда партий, сначала немногочисленных и простых по составу, но впоследствии превращающихся (как в наше время) в бессильный и бесплодный хаос названий, ярлыков, программ, лозунгов. Все партии выступают под знаменем борьбы идей или идеалов, но на самом деле под этим флагом все они участвуют в борьбе сталкивающихся интересов. И, наконец, индивидуалистическая демократическая свобода неизбежно приводит к усилению конкуренции, вследствие чего упорядоченные тирании инфрарациональных периодов человечества заменяются своего рода упорядоченной борьбой интересов. В результате такого противостояния выживают не наиболее развитые духовно, умственно или физически, но наиболее удачливые и жизнеспособные. Кажется довольно очевидным, что это может быть что угодно, но только не рациональный строй общества; это вовсе не тот совершенный строй, который индивидуалистический разум считал своим идеалом или намеревался воплотить в жизнь.

Естественным средством борьбы с первыми недостатками индивидуалистической теории, воплощаемой на практике, казалось бы, должно быть образование; ибо, если человек по природе своей не является существом рациональным, то можно по крайней мере надеяться, что с помощью образования и воспитания он в состоянии превратиться в нечто подобное. Следовательно, введение всеобщего образования является вторым неизбежным шагом демократического движения в его стремлении рационализировать человеческое общество. Но рационалистическое образование неизбежно означает три вещи: первое — необходимость научить людей наблюдать и верно понимать факты, на основании которых они должны формировать суждение; второе — необходимость научить их мыслить плодотворно и трезво; третье — необходимость научить их эффективно использовать свои

знания и свою мысль для достижения как личного, так и общего блага. Способность наблюдать и понимать, способность мыслить и составлять суждение, способность действовать и руководствоваться высокими мотивами требуются полноправному члену общества с рациональным строем; недостаточное развитие в масштабах общества любого из этих труднодостижимых обязательных качеств является верным залогом неудачи. К сожалению, даже если предположить, что образование, доступное миллионам, когда-нибудь сможет приобрести такой исключительный характер, современная система образования, существующая в самых прогрессивных странах, несколько не отвечает этим требованиям. И как первые обнаружившиеся недостатки и неудачи демократии дали врагам повод поносить ее и превозносить превосходство или даже воображаемое совершенство идеализированного прошлого, так и первые недостатки ее целебного средства, образования, заставили многие незаурядные умы отрицать эффективность образования и его способность изменить человеческий ум, а также отвергать демократический идеал как изжившую себя фикцию.

Демократия и ее панацея в виде образования и свободы безусловно кое-что сделали для человечества. Начнем с того, что впервые за всю свою обозримую историю люди пробудились к независимой, активной и полнокровной жизни — а там, где есть жизнь, всегда есть надежда на лучшее. Кроме того, своего рода знание, а с ним своего рода активный разум, основанный на знании и усиленный привычкой выступать судьей и принимать решения в процессе столкновения разных взглядов и мнений по всякого рода вопросам, получили гораздо большее распространение, чем было возможно прежде. Люди постепенно учатся использовать свой ум, применять интеллектуальный разум к жизни, а это великое достижение. И если они еще не научились мыслить вполне самостоятельно или мыслить трезво, ясно и верно, то теперь они по крайней мере более способны выбирать с помощью своего рода первичного интеллекта сколь бы несовершенным он пока ни был — мысль, которую они примут, и правило, которому будут следовать. Равенство людей, в смысле образования и жизненных возможностей, пока еще никоим образом не достигнуто, но тенденция к такому выравниванию стала сегодня гораздо сильнее, чем при прежних состояниях общества. Однако здесь обнаружился новый огромный недостаток, который оказывается пагубным для социальной идеи, породившей его. Даже если установится полное равенство в праве на образование и реализацию других возможностей, — которого пока на самом деле не существует и не может существовать при индивидуалистическом состоянии общества — для какой цели или каким образом эти возможности скорее всего будут использованы? Человеку, существу наполовину инфрарациональному, для полного удовлетворения требуются три вещи: власть, если он может получить ее; всегда — реализация своих способностей и соответствующее вознаграждение; наслаждение при осуществлении его желаний. В прежних обществах он имел возможность в какой-то мере удовлетворить все эти потребности по праву своего происхождения, фиксированного общественного положения и использования своих способностей в пределах, определявшихся унаследованным социальным статусом. Когда уничтожается такая основа общественной жизни и при этом ничего не предлагается взамен, тех же самых целей человек может достичь только в борьбе за обладание единственной оставшейся силой — силой богатства. Соответственно, вместо гармонично устроенного общества развилась гигантская организованная соревновательная система, началось бурное и одностороннее развитие индустриализма, усилилась плутократическая тенденция, принимающая обличье демократии и потрясающая своим показным изобилием, глубиной своих контрастов и противоречий. Таковы были последние результаты при реализации индивидуалистического идеала и поставленной ему на службу демократической структуры общества — первые неудачи рационального века.

Первым естественным следствием этого явился переход рационального ума от идеи демократического индивидуализма к идее демократического социализма. Социализм, вследствие неблагоприятных обстоятельств своего рождения в ходе восстания против капитализма, против власти преуспевающего буржуа и плутократа, был вынужден

развиваться в форме классовой борьбы. И, что еще хуже, он исходил из индустриализированного общественного строя и с самого начала принял вид чисто индустриальный и экономический. Эти обстоятельства исказили подлинную его природу. Подлинная природа социализма, его истинное оправдание заключаются в попытке человеческого разума довести рациональное устройство общества до полного завершения, его желании избавиться от безудержной конкуренции, этого огромного паразитического наростана теле общественной жизни, этого гигант-ского препятствия для идеального или воплощенного на практике достойного человеческого существования. Социализм намеревается заменить систему организованной экономической борьбы организованным порядком и согласием. Это уже невозможно сделать на старом основании — на базе искусственного или наследственного неравенства, установленного в результате отрицания равных прав всех людей и оправданного посредством утверждения этой несправедливости и ее последствий как вечного закона общества и Природы. Это ложь, которой человеческий разум более не допустит. Но это нельзя сделать, по-видимому, и на основании индивидуальной свободы; ибо на практике она потерпела крах. Поэтому социализм должен ликвидировать демократическое основание индивидуальной свободы, даже если он провозглашает уважение к ней или движется к более рациональной свободе. Сначала он смещает акценты и сосредоточивает все внимание на других идеях и плодах демократического идеала — и такое смещение акцентов приводит к радикальному изменению основополагающего принципа рационального общества. Этим принципом должно стать равенство-не только политическое, но полное социальное равенство. У всех должны быть равные возможности, но все должны иметь и равное общественное положение, ибо без последнего невозможно обеспечить первого; даже если бы удалось установить равенство возможностей, оно не смогло бы удерживаться долго. Такое равенство невозможно и тогда, когда существует личное или, по крайней мере, наследственное право собственности, а потому социализм отменяет (или в лучшем случае существенно ограничивает) право личной собственности — в том смысле, в каком оно понимается сейчас, и ведет борьбу против права передачи собственности по наследству. Кто же тогда будет владеть собственностью? Это может быть только общество в целом. А кто будет управлять собственностью? Опять-таки общество в целом. Чтобы оправдать эту идею, социализм на практике должен отвергнуть индивидуальное существование или право индивида на существование — индивид существует лишь как член общества, живущий исключительно для общества. Человек всецело принадлежит обществу — не только его собственность, но и он сам, его труд, его способности, данное ему обществом образование и плоды оно, ум, знание, личная жизнь, семейная жизнь и жизнь его детей. Более того, поскольку индивидуальному разуму человека нельзя доверить свободный поиск верного и рационального способа согласования его жизни с жизнями прочих людей, это тоже должен сделать за него коллективный разум общества. Управлять жизнью должны не интеллектуальный разум и воля индивидов, но коллективный интеллектуальный разум и воля общества. Именно это определит не только принципы и все элементы экономического и политического строя, но и в целом жизнь общества и индивида как рабочей, мыслящей, чувствующей клетки этой жизни, развитие его способностей, его деятельность, использование приобретенного им знания, всю организацию его витального, этического и интеллектуального существа. Ибо только таким образом коллективный разум и разумная воля человечества могут преодолеть эгоизм индивидуалистической жизни и утвердить совершенный принцип и рациональный строй общества в гармоничном мире.

Более демократичные социалисты отрицают или умаляют этот неизбежный характер социализма; ибо ум социалиста до сих пор находится под сильным влиянием старых демократических идей и лелеет надежды, которые часто заставляют его делать странные логические ошибки. Он уверяет нас, что собирается сочетать своего рода индивидуальную свободу — ограниченную, но тем не менее истинную и рациональную свободу — с суровыми законами коллективистской идеи. Но, очевидно, все неизбежно идет именно к

этим суровым законам, если коллективистской идее суждено восторжествовать, а не ослабнуть и не споткнуться на полпути. Если же она не обнаружит логики и смелости, вполне может случиться, что очень скоро или под конец она будет уничтожена чуждым элементом, существование которого сама допустила, и погибнет, не узнав своих собственных возможностей. Коллективистская идея, вероятно, исчезнет — если не примет водительство рациональной мудрости, которой человеческий ум, осуществляющий управление, пока еще не продемонстрировал, — даже оставив позади основанное на конкуренции индивидуалистическое общество с его громоздкой неэффективной организацией. Но даже в лучшем случае коллективистская идея содержит несколько ошибочных положений, не совместимых с реальными фактами человеческой жизни и природы. И точно так же, как идея индивидуалистической демократии, в силу этого несоответствия между фактами жизни и идеей разума, на практике очень скоро натолкнулась на трудности — трудности, которые привели к ее дискредитации и близящемуся ниспровержению, — так и идея коллективистской демократии тоже в скором времени вполне может натолкнуться на трудности, которые приведут к ее дискредитации и в конечном счете к третьей, неизбежной стадии прогресса. Свобода, защищенная Государством, все граждане которого политически равны, вот идея, которую пыталась выработать индивидуалистическая демократия. Равенство, социальное и политическое равенство, укрепленное через совершенный и тщательно отлаженный общественный строй Государством, которое является организованной волей всего общества, — вот идея, на которой основывает свое будущее социалистическая демократия. Если и эта попытка не увенчается успехом, рациональная и демократическая Идея может перейти к третьей форме общественной жизни, устанавливающей скорее истинные, нежели формальные свободу и равенство на основе братского товарищества в свободном обществе, — т. е. к идеалу интеллектуального и духовного Анархизма.

В действительности требование равенства, как и жажда свободы, индивидуалистичны по своему происхождению — требование равенства по природе не присуще коллективистскому идеалу и необязательно для него. Это индивид требует для себя свободы, права на свободное развитие своего ума, жизни, воли, деятельности; коллективистская тенденция и идея Государства тяготеют скорее к противоположному: самая их природа заставляет их насильственно подчинять своим власти и контролю ум, жизнь, волю, деятельность общества (и индивида как часть общества) до тех пор, пока личная свобода не будет полностью вытеснена из жизни. Но опять-таки именно индивид требует для себя равенства со всеми прочими; подобное притязание, выдвинутое целым классом, будет по-прежнему растиражированным притязанием индивида, требующего для себя и всех себе подобных, имеющих такое же политическое или экономическое положение, равенства в смысле положения, привилегий или возможностей с теми, кто приобрел или унаследовал преимущество социального статуса. Общественный Разум сначала уступил требованию свободы, но на практике (какой бы ни была теория) допустил ровно столько равенства — равенства перед законом, а также полезного, но не особо эффективного политического равенства избирательного права, — сколько было необходимо для того, чтобы обеспечить разумную свободу для всех. Затем, когда несправедливость и нерациональность основанной на конкуренции свободы и вызванное ею глубокое расслоение в обществе стали очевидными, социальный Разум переменял свою позицию и попытался достичь более полной общественной справедливости на основании возможно более полного политического, экономического, социального равенства и равенства в праве на образование; он постарался подготовить ровную почву, на которой все это можно было бы согласовать. Свободе в ходе этих изменений пришлось повторить недавнюю судьбу равенства; ибо свободы в обществе, похоже, остается ровно столько (по крайней мере, в течение какого-то времени), сколько может быть допущено без опасений, что индивид, обеспечивающий себе в конкурентной борьбе необходимое пространство для самоутверждающего роста, подорвет или поставит под угрозу уравнительную основу общественной жизни. Однако в конце концов невозможно

не увидеть, что искусственное равенство тоже в чем-то иррационально, тоже в чем-то противоречит коллективному добру, даже несправедливо в некоторых отношениях и во многом идет вразрез с истиной Природы, за что приходится дорого платить. Равенство, как и индивидуалистическая свобода, может в результате оказаться не панацеей, но препятствием на пути коллективного разума и коллективной воли общества, стремящихся установить лучшую власть и контроль над жизнью.

Но если и равенство, и свобода исчезают из сферы человеческой жизни, остается только один элемент демократического триединства, — братство, или, как теперь говорят, товарищество, — который имеет шанс сохраниться как часть социального базиса. Так получается потому, что этот элемент, похоже, лучше согласуется с духом коллективизма; соответственно, мы видим, что идея братства, если не фактическое его установление, по-прежнему поддерживается новыми социальными системами — даже теми, которые отвергли и свободу, и равенство как пагубные демократические химеры. Но товарищество без свободы и равенства не может быть ни чем иным, как просто объединением на равном основании всех — индивидов, социальных классов, гильдий, синдикатов, советов или любых других единиц — в общем служении жизни нации под полным контролем коллективистского Государства. Единственной оставшейся в конце концов свободой будет «свобода» служить обществу под строгим управлением государственной власти; единственным равенством будет объединение всех равных членов общества в спартанском или римском духе гражданского служения, где у всех будет, вероятно, равное социальное положение и, по крайней мере теоретически, равные обязанности; единственным братством будет чувство товарищества в преданном служении организованному социальному «Я» Государству. В действительности демократическое триединство, лишенное своей божественности, постепенно исчезнет из жизни; коллективистский идеал прекрасно может обойтись без свободы, равенства и братства, поскольку ни один из этих трех элементов не свойствен его природе и самой его сущности.

На самом деле это уже дух, социальный разум или, скорее, социальное евангелие тоталитаризма, мощная волна которого грозит затопить Европу и не только Европу. Действительно, тоталитаризм того или иного рода является, по-видимому, естественной, почти неизбежной участью (или во всяком случае самым крайним и наиболее полным проявлением) Социализма, или, вообще говоря, коллективистской идеи и импульса. Ибо сущность Социализма, оправдывающий его идеал — это управление всей жизнью общества и жесткая ее организация в целом и в частностях посредством сознательного разума и сознательной воли общества во имя блага и общих интересов всех людей, уничтожающие эксплуатацию индивида или класса, исключают внутреннюю конкуренцию, случайный беспорядок и бессмысленную трату сил, укрепляющие и совершенствующие всеобщее согласие, предоставляющие всем возможность максимально эффективной деятельности и безбедной жизни. Если подобную деятельность общества лучше обеспечивает демократическое правление и демократическая государственная структура, как считали сначала, значит, люди выберут именно их, результатом чего явится Социалистическая Демократия. Этот идеал по-прежнему господствует в Северной Европе, у него еще остается шанс доказать, что успешная коллективистская рационализация общественной жизни вполне возможна. Если же выясняется, что этой цели лучше служат недемократическое правление и недемократическая государственная структура, то демократический идеал как таковой не представляет собой ничего священного и неприкосновенного для коллективистского ума; он может быть выброшен на свалку вслед за многими другими изжившими себя святынями. Так русский коммунизм с презрением отверг демократическую свободу и попытался временно заменить демократические органы правления новой властью Советов, но он сохранил идеал всеобщего пролетарского равенства в бесклассовом обществе. Сутью русского Коммунизма по-прежнему остается жесткий тоталитаризм на основе «диктатуры пролетариата», что на деле означает диктатуру Коммунистической партии, осуществляемую во имя или в интересах пролетариата. Непролетарский тоталитаризм идет дальше и отвергает

демократическое равенство — так же, как и демократическую свободу; он сохраняет классы — вероятно, лишь временно только как средство функционирования общества, а не как ступени социальной лестницы или общественной иерархии. Рационализация жизни более не является целью; на смену ей приходит революционный мистицизм, который, похоже, отражает современную тенденцию Духа Времени.

Этот симптом может иметь большое значение. В России марксистское учение о Социализме превратилось почти в евангелие. Будучи изначально рационалистическим учением, разработанным мыслителем-логиком, открывателем и систематизатором идей, оно — в силу особого склада русского ума превратилось в нечто вроде общественной религии, коллективистскую *mystique*, незыблемый свод доктрин, любое отрицание которого или отступление от которого рассматривается как наказуемая ересь; социальный культ, установленный нетерпимым благочестием и энтузиазмом обращенных. В фашистских странах отход от Рационализма носит явный и открытый характер; его место занял поверхностный витальный субъективизм, и вожди и пророки проповедуют и насильственно проводят в жизнь свою тоталитарную *mystique* во имя души нации, ее самовыражения и проявления. Существенные признаки социального строя в России и фашистских странах одинаковы, так что стороннему наблюдателю их смертельный антагонизм представляется кровной враждой родных братьев, оспаривающих наследство своих убитых родителей — Демократии и Века Разума. Единоличную власть над жизнью общества захватывает главный индивид, вождь-фюрер, дуче, диктатор, предводитель активного меньшинства, нацистской, фашистской или коммунистической партии, при поддержке военизированных сил сторонников; происходит ускоренная кристаллизация социальной, экономической, политической жизни людей в новую жесткую структуру, находящуюся во всех своих частях под эффективным контролем; мысль, образование, самовыражение и деятельность людей насильно заключаются в установленную жесткую форму, застывшую систему идей и жизненных мотивов, а любое противодействие или инакомыслие подавляется яростно, безжалостно, зачастую с кровопролитием; на всю общественную жизнь оказывается тотальное, беспрецедентное давление, направленное на достижение максимальной эффективности и полного единогласия мыслей, слов, чувств и жизней всех людей.

Если эта тенденция распространится повсеместно, наступит конец Века Разума, произойдет самоубийство или свершится казнь — путем обезглавливания или удушения, *reine forte et dure* — ментального существа в человеке, стремящегося к умственному и интеллектуальному расширению. Разум не может выполнять свою работу, действовать или управлять, если человеческому уму отказано в свободе мыслить или свободе претворять свою мысль в жизнь через действие. Но на смену ему не придет век субъективизма; ибо становление субъективизма тоже невозможно без гибкости ума, без роста самопознания, без свободы движения, развития, совершенствования, изменения. Все это приведет, скорее всего, к созданию сумрачной «Ничейной Земли», где разные виды туманного мистицизма — материалистического, витального или смешанного спорят и бьются за власть над человеческой жизнью. Но это не есть неизбежный исход; в общественной жизни по-прежнему царит хаос и беспорядок, и все находится в состоянии неустойчивого равновесия. Возможно, тоталитарный мистицизм не сумеет осуществить свою угрозу и восторжествовать во всем мире, возможно, ему даже не суждена долгая жизнь. Возможно, на Земле останутся места, где по-прежнему сохранится рациональный идеализм. Ужасное давление, оказываемое ныне на ум и жизнь наций, может привести к взрыву изнутри или же, выполнив свое прямое назначение, может ослабеть и с наступлением более спокойных времен уступить место большей свободе, которая вновь направит человеческий ум или душу по более естественной линии прогресса и предоставит более широкие возможности для реализации их импульса саморазвития.

В этом случае человечество может продолжить и завершить свое движение по кривой Века Разума, которому ныне грозит опасность резко прерваться; субъективный ум и внутренняя жизнь человека — избежав преждевременного обращения к любой

широкомасштабной внешней деятельности до того, как они осознают себя, — могут получить время и свободу развиваться, искать свою собственную истину, свой собственный путь и так подготовиться к выходу на новый виток цикла социальной эволюции там, где Век Разума естественным образом завершается в ходе своей нормальной эволюции и подготавливает пути для пришествия более высокого духа.

Глава XX. Завершение кривой века разума

Рациональная коллективистская идея общества с первого взгляда кажется очень привлекательной. За ней кроется та великая истина, что каждое общество представляет собой коллективное существо — и в нем, и посредством него живет индивид, который обязан обществу всем, что он может ему дать. Более того, только через отношения с обществом, через гармонию с этим более великим коллективным «я» индивид может найти полное применение многим своим развитым или развивающимся способностям и силам. Поскольку общество есть коллективное существо, то естественно предположить, что оно должно обладать присущими ему коллективным разумом и коллективной волей, которые должны постепенно обретать все более верное выражение и применение, коль скоро обществу даны сознательные и эффективные средства организованного самовыражения и осуществления. И этим коллективной воле и разуму (поскольку согласно первоначальной идее они представляют в равной степени волю и разум каждого) люди естественным образом могут доверить поиск и создание собственного блага общества, ибо правящий индивид и класс всегда будут склонны узурпировать свою власть для достижения совершенно других целей. Правильная организация общественной жизни на основе равенства и товарищества должна дать каждому человеку надлежащее положение в обществе, возможность полного образования и развития во имя общих целей, обеспечить ему соответствующую долю труда, досуга и вознаграждения, верно определить значимость его жизни в отношении к коллективному существу, обществу. Более того, это будут положение, доля участия и значимость, определяемые соображениями индивидуального и коллективного блага, а не та преувеличенная или заниженная значимость, которая придается жизни человека случайно в силу его происхождения или судьбы, покупается богатством или добывается в ходе мучительной и изнурительной борьбы. И, конечно, эффективность внешней деятельности общества, интенсивность его размеренной, упорядоченной и экономической жизни, его способность к производству и установлению всеобщего благосостояния должны чрезвычайно возрасти в хорошо организованном и централизованном Государстве, как показало даже весьма несовершенное развитие коллективной деятельности в недавнем прошлом.

Если кто-то возразит, что для того, чтобы добиться такого результата во всей полноте, свободу индивида необходимо будет уничтожить или предельно ограничить, то на это можно ответить, что право индивида на любого рода эгоистическую свободу, идущую вразрез с интересами Государства, которое представляет ум, волю, благо и интересы всего общества, сарвам брахма, является опасной фикцией, пагубным мифом. Индивидуальная свобода жизни и деятельности — даже при временном допущении свободы мысли и слова, которая тоже едва ли останется незатронутой, когда социалистическое Государство как следует возьмется за индивида, — на практике может означать чрезмерную свободу, данную инфрарациональным частям человеческого существа; а разве не эти части человеческой природы должны тщательно контролировать, если не полностью подавлять, коль скоро человеку суждено стать разумным существом, ведущим разумную жизнь? Наиболее осмысленно и действенно осуществлять такой контроль могут коллективный разум и коллективная воля Государства, которые шире, совершенней и просвещенней, чем индивидуальные разум и воля; ибо Государство извлекает пользу из всей суммы знаний и стремлений общества, чего не может сделать средний индивид. Просвещенный индивид, конечно, вполне может рассматривать этот коллективный разум и коллективную волю как

свои собственные более широкие ум, волю и совесть, в счастливом подчинении которым он может найти радикальное освобождение от своего меньшего и менее рационального «я» и, следовательно, обрести свободу более подлинную, чем любая свобода, на которую ныне притязает его маленькое обособленное эго. Были даже такие заявления, что дисциплинированный немец, подчиняющийся малейшему знаку полицейского, государственного чиновника, армейского офицера на самом деле является самым свободным, самым счастливым и самым нравственным индивидом во всей Европе, а следовательно, и во всем мире. То же утверждение в заостренной форме, вероятно, применимо и к вымуштрованному счастьем граждан фашистской Италии и нацистской Германии. Государство, воспитывающее индивида и управляющее им, обязывается развивать его интеллект, нравственность, практичность и всесторонне совершенствовать его, а также позаботиться о том, чтобы он всегда и во всем оставался, хочет он того или нет (строго следуя линии поведения, начертанной Государством), интеллектуальным, нравственным, практичным и всемерно совершенным.

К сожалению, эта великолепная теория, как и предшествующая ей индивидуалистическая теория, непременно натолкнется на расхождение между сформулированными ею идеями и реалиями человеческой природы; ибо она не принимает во внимание сложность человеческого существа и все, что эта сложность подразумевает. И в частности, она не принимает во внимание душу человека и ее высшую потребность в свободе, а несомненно также потребность в контроле над низшими частями человеческой природы — ибо такой контроль является составной частью абсолютной свободы, к которой стремится человек, но речь идет не о поверхностном управлении ими посредством ума и воли других людей, а о все более и более полном самоконтроле. Подчинение тоже является частью совершенствования души, но свободное и естественное подчинение истинной направляющей силе, а не механическому управлению и руководству. Коллективное существо есть факт; все человечество можно рассматривать как коллективное существо, но это существо является душой и жизнью, а не просто разумом или телом. Каждое общество развивается в своего рода субдушу, или групповую душу в составе этого человечества, и развивает также общий характер, природу, склад ума, вырабатывает главные идеи и тенденции, которые формируют общественную жизнь и общественные институты. Но присущие обществу коллективные разум и воля не являются в равной степени достоянием всех членов общества; ибо групповая душа вырабатывает свои тенденции на основе разнообразия мнений, разнообразия стремлений, разнообразия жизни, и интенсивность групповой жизни в большой мере зависит от того, насколько динамично это разнообразие, насколько непрерывно оно пополняется и насколько полно представлено. А раз так, то правление, осуществляемое организованным Государством, всегда должно означать правление, осуществляемое группой индивидов — причем, будет ли эта группа меньшинством или большинством, в конце концов не имеет принципиального значения. Ибо даже когда номинально обществом управляет большинство, на самом деле всегда именно разум и воля сравнительно немногочисленных индивидов, способных к эффективной деятельности, а вовсе не коллективный разум и воля всех членов общества, осуществляют руководство и контроль с согласия полузагипнотизированных масс. Нет оснований предполагать, что незамедлительная национализация Государства вообще как-либо повлияет на фактическую неизбежность такого государственного правления, пока народные массы еще не обладают полностью рационализированным и развитым умом.

В прежних инфрарациональных обществах, по крайней мере на первых порах, управление осуществляло не Государство, но сама групповая душа, развивавшая свою жизнь в формах традиционных общественных институтов и саморегулирующих законов, которым все должны были подчиняться; правители были только исполнителями ее воли и ее орудиями. Действительно, это вызвало божьшую подчиненность индивида обществу, но она не ощущалась, поскольку индивидуалистическая идея еще не родилась и все появившиеся различия так или иначе предусматривались — в некоторых случаях благодаря тому

удивительно широкому разнообразию типов в обществе, которое государственное правление все сильнее стремится устранить. С развитием системы государственного правления начинается настоящее подавление или притеснение меньшинства большинством или большинства меньшинством, индивида коллективом и наконец всех и вся безжалостной государственной машиной. Демократическая свобода пыталась свести к минимуму это давление; она оставила возможность свободной деятельности для индивида и ограничила, насколько могла, роль Государства. Коллективизм впадает в другую крайность; он не оставляет никакого пространства для индивидуальной свободы, и чем более он будет развивать рациональный ум индивида при помощи всеобщего образования высокого качества, тем сильнее будет ощущаться это давление — если только на самом деле он не станет отрицать свободу мысли вообще и не принудит умы всех людей следовать единому шаблонному образу мышления.

Для развития человеку необходима свобода мысли, жизни и действия иначе он прекратит свой рост и останется недоразвитым статичным существом. Если его индивидуальный ум и интеллект развиты плохо, он может согласиться (подобно инфрарациональному уму) развиваться в групповой душе, в стаде, в массе, совершая едва заметную полусознанную общую эволюцию, обычную для всех низших элементов Природы. По мере того, как человек развивает индивидуальный разум и волю, он чувствует потребность (которую общество должно удовлетворить) в пространстве для все более и более широкого проявления индивидуальной свободы и вариативности, по крайней мере до тех пор, пока эта свобода не станет представлять опасность для других людей и общества в целом. Когда разум индивида получает полное развитие и способность свободной деятельности, его потребность в свободе возрастает наряду с появлением бесконечного разнообразия вариаций, ко-торое несет с собой это развитие; и если разрешена только свободная деятельность мысли и разума, а свободная деятельность разумной во-ли на практике запрещена в силу чрезмерной регламентации жизни, то в результате появляются нестерпимые противоречие и ложь. Люди могут терпеть их какое-то время, принимая во внимание те великие и очевидные новые преимущества — порядок, экономическое развитие, средства эффективной деятельности и удовлетворения разума в смысле научного прогресса, которые принесет коллективистское устройство общества; но когда эти преимущества коллективизма станут чем-то само собой разумеющимся, а его недостатки начнут все больше осознаваться и становиться все более заметными, тогда неудовлетворенность и протест обязательно возникнут в самых ясных и деятельных умах в обществе и неминуемо распространятся в массах. Такая интеллектуальная и витальная неудовлетворенность при подобных обстоятельствах вполне может принять форму анархистской мысли, поскольку анархистская мысль отражает именно потребность в свободном про-явлении — и во внутренней жизни, и во внешнем ее выражении потребность, которая ведет к протесту, и по отношению к социалистическому строю анархистская мысль будет носить неизбежно подрывной характер. Государство может бороться с ней только при помощи образования, приспособленного к жестко регламентированным формам жизни, — образования, целью которого будет загнать личность в жесткую систему идей, требований, предписаний, как это делалось при старом инфрарациональном укладе жизни, и подавлять свободу слова и мысли так, чтобы научить и заставить всех держаться одного образа мыслей, одного настроения, одного мнения, одного чувства; но в рациональном обществе такое средство борьбы будет внутренне противоречивым, не действенным; если же оно окажется действенным, то будет представлять собой еще большее зло, чем то, против которого оно направлено. С другой стороны, если свобода мысли отрицается с самого начала, то это означает конец Века Разума и идеала рационального общества. Человек ментальное существо, и если ему отказано в возможности использовать (кроме как в установленных узких пределах) ум и разумную волю, он резко остановится в своем росте и станет подобен животному и насекомому, не способным выйти за рамки своего вида.

Это главный недостаток, который заставит признать социалистическое Государство

несостоятельным и который обречет его на исчезновение, прежде чем сформируется новый идеал. Давление государственного механизма на жизнь индивида уже достигло той точки, когда терпеть его становится невозможно. Если такое положение не изменится, если жизнью индивида по-прежнему будет управлять относительно малочисленная группа людей, а не общественные воля и разум (как делает вид Государство), если, иными словами, Государство станет открыто недемократическим или останется псевдodemократическим, то именно эту ложь будет изобличать анархистская мысль, угрожая существованию Государства. Но глубоко скрытые трудности никуда не денутся, даже если социалистическое Государство станет по-настоящему демократическим, станет подлинным выражением свободной разумной воли пришедшего к согласию большинства. Любое истинное развитие такого рода, действительно, представляется трудным и кажется несбыточной мечтой — ибо коллективизм притязает на управление жизнью не только в ее нескольких основных принципах и главных тенденциях, к чему должно стремиться любое организованное общество, но и в частностях; он стремится к глубокому и всестороннему научному управлению, а полное единодушие свободной разумной воли миллионов во всех сферах и большинстве элементов жизни есть противоречие по определению. Сколь бы совершенным ни было организованное Государство, в нем по-прежнему будут сохраняться подавление или притеснение индивидуальной свободы волей большинства или меньшинства — основной недостаток, подрывающий самую его основу. Кроме того, у него будет недостаток бесконечно более серьезный. Всестороннее научное управление жизнью возможно осуществить только через всепроникающую механизацию жизни. Эта тенденция к механизации является врожденным изъяном идеи Государства и практического ее осуществления. Именно на этот изъян уже указывают и интеллектуальная анархистская мысль, и интуиция духовного мыслителя, и этот недостаток, несомненно, бесконечно усугубится, когда идея Государства начнет воплощаться на практике с большей полнотой. На самом деле это есть врожденный изъян разума, который берется управлять жизнью и, подавляя ее естественные тенденции, стремится привести ее к некому рациональному порядку.

Жизнь отличается от механически упорядоченной физической вселенной, с которой разум успешно справляется именно потому, что она механистична и совершает свое неизменное движение в рамках непреложных космических законов. Жизнь же, напротив, является подвижной, развивающейся и эволюционирующей силой — силой, которая есть все более и более полное выражение бесконечной души в живых существах и которая в процессе развития все больше и больше осознает свои собственные тончайшие вариации, свои потребности и свое разнообразие. Процесс развития Жизни подразумевает становление и соединение бесконечного множества вещей, которые находятся в противоречии друг с другом и зачастую кажутся полными противоположностями, исключаящими друг друга. Нахождение среди этих противоположностей некоего принципа или основы единства, некоего действенного средства примирения, которое сделает возможным более широкое и совершенное развитие на основе гармонии, а не борьбы и противостояния, должно стать общей целью человечества в ходе его активной жизненной эволюции, если оно вообще предполагает возвыситься в процессе роста над самыми хаотичными, болезненными и темными импульсами жизни, над компромиссами, которые заключила Природа с невежеством ума Жизни и несознанием Материи. По-настоящему найти такой принцип можно лишь тогда, когда душа обретает себя в своей высочайшей и совершеннейшей духовной реальности и осуществляет постепенное восходящее преобразование своих жизненных ценностей в ценности духовные; ибо таким образом все они обретут свою духовную истину, а в этой истине найдут основной принцип взаимного признания и примирения. Духовная истина есть единая истина, а все прочие истины суть ее завуалированные аспекты, сверкающие маски или темные искажения; и только в ней они могут обрести свою собственную верную форму и найти правильное соотношение друг с другом. Эта работа разуму не по силам. Дело разума — выступать посредником: он должен наблюдать и сознать эту жизнь, пользуясь интеллектом, и находить направление, в

котором ей следует двигаться, и законы ее само-развития, действующие на этом пути. Чтобы успешно выполнять свои функции, разум вынужден временно принимать фиксированные точки зрения, ни одна из которых не является более чем частично истинной, и создавать системы, ни одна из которых не может по-настоящему считаться окончательным выражением всеобъемлющей истины вещей. Всеобъемлющая истина вещей есть истина не разума, но духа.

В сфере мысли это не имеет значения; ибо, поскольку здесь разум не стремится к практической деятельности, он может безнаказанно допускать одновременное существование противоположных точек зрения и систем, сравнивать их, стремиться их примирить, синтезировать самыми разнообразными способами, постоянно изменять, расширять, развивать; он свободен действовать не думая на каждом шагу о незамедлительных практических последствиях. Но когда разум пытается управлять жизнью, он вынужден четко формулировать свою точку зрения, придавать определенную форму своей системе; тогда каждое изменение (или по крайней мере так кажется) становится шагом сомнительным, трудным и опасным, все последствия которого невозможно предусмотреть, а столкновение точек зрения, принципов, систем ведет к противостоянию и революции, а не к утверждению основы гармоничного развития. Разум создает механистические схемы с целью достичь стабильных форм поведения и практической деятельности в изменчивом мире; но в то время как механистический принцип является достаточным в сфере отношений с физическими силами, поскольку находится в гармонии с законом, или дхармой, физической Природы, он никогда не добьется реального успеха в сфере отношений с сознательной жизнью, поскольку здесь он противоречит закону жизни, ее высочайшей дхарме. Следовательно, в то время как попытка рационального устройства общества является прогрессом по сравнению со статичностью и замедленной подсознательной или полусознательной эволюцией инфрарациональных обществ и хаотичного развития полурациональных обществ, она никогда не достигнет совершенства, если будет осуществляться собственными рациональными методами, поскольку разум не является первым принципом жизни, равно как не может быть и последним, высшим и достаточным принципом.

Остается вопрос, сможет ли анархистская мысль, следующая за коллективистской, больше преуспеть в поиске приемлемого принципа общественного устройства? Ибо если она избавится от механистического принципа — единственного практического средства рациональной организации жизни — то на каком основании она будет строить и с помощью чего создавать? В ответ на анархистское неприятие коллективизма можно заявить, что коллективистский период является если не последней и лучшей, то во всяком случае необходимой стадией прогресса. Недостатком индивидуализма является то, что, настаивая на свободном развитии и самовыражении жизни и ума, или жизни-души в индивидуе, он склонен раздувать эгоизм ментального и витального существа и мешать человеку сознавать его единство с другими — единственную основу для полного саморазвития и свободы, не ущемляющей ничьих интересов. Коллективизм по крайней мере настаивает на этом единстве, полностью подчиняя жизнь обособленного эго более масштабному групповому эго, и, таким образом, его предназначение может заключаться в том, чтобы запечатлеть в уме и образе действий индивида сознание необходимости объединить его жизнь с жизнью других людей. Впоследствии, когда индивид снова начнет утверждать свою свободу (а однажды он должен будет сделать это), он уже научится действовать исходя из этого единства, а не из своей обособленной эгоистичной жизни. Вполне возможно, именно эту цель преследует Природа в человеческом обществе, совершающем движение к коллективистскому принципу общественной жизни. Коллективизм может сам в конечном счете осознать эту цель, если сумеет настолько видоизменить свой собственный главный принцип, что допустит свободное развитие индивида на основе единения и приведенного в полную гармонию общественного существования. Но для того, чтобы сделать это, он должен сначала стать одухотворенным и преобразовать самую сущность своего движущего

принципа; он не может сделать это на основании логического разума и механистического научного устройства жизни.

Анархистская мысль, хотя она еще не обрела конкретную форму, развивается пропорционально росту давления общества на индивида, поскольку это давление несправедливо подавляет необходимый элемент человеческого совершенствования. Мы не должны придавать слишком большое значение грубому витальному или воинствующему анархизму, который выступает против социального принципа с позиции силы или провозглашает право человека «жить своей собственной жизнью» в эгоистическом или грубо витальном смысле. Но существует высшая, интеллектуальная анархистская мысль, которая по своей сути и формулировке стремится к тому, чтобы восстановить и привести к предельному логическому выражению самую подлинную истину человеческой природы и божественного в человеке. Протестуя против противоположной ей крайности — преувеличения роли социального принципа — она провозглашает, что всякая власть человека над чело-веком, осуществляемая силой принуждения, является злом, насилием, подавлением или искажением естественного принципа блага, который в противном случае мог бы получить развитие и стать преобладающим в совершенствовании человечества. Даже сам социальный принцип ставится под сомнение и считается виновником своего рода падения человека, его перехода из естественного состояния к неестественному, искусственному принципу жизни.

Изначальная необоснованность этого одностороннего подхода и его преувеличения довольно очевидны. На самом деле человек живет не как обособленное существо и не может развиваться в условиях обособленной свободы. Человек развивается в отношениях с другими, и свобода обретается им в процессе поиска все большей гармонии со свободой его близких. Следовательно, социальный принцип, рассматриваемый независимо от форм, которые он принимает, вполне оправдывается уже самой потребностью в социуме как той сфере отношений, которая предоставляет индивиду возможность для роста к большему совершенству. Конечно, у нас есть старый догмат, согласно которому человек изначально был невинен и совершенен; представление об идеальном состоянии раннего человечества как о гармоничном счастье свободной и естественной жизни, в которой не было ни социального закона, ни принуждения — ибо в них не было нужды — старо, как Махабхарата. Но даже эта теория вынуждена признать падение человека, утратившего состояние естественного совершенства. Это падение не было вызвано введением социального принципа в организацию его жизни; скорее социальный принцип и государственный метод принуждения пришлось ввести в результате этого падения. Если же мы рассматриваем эволюцию человека не как утрату совершенства, но как постепенное восхождение, выход человеческой природы из инфрарационального состояния, становится ясно, что подобное развитие могло осуществиться в широком масштабе только в результате подавления обществом витальных и физических инстинктов его инфрарационального эгоизма и его подчинения нуждам и законам социальной жизни. Ибо инфрарациональные инстинкты в своей изначальной непросвещенности не могут совершенствоваться одной своей волей, не испытывая давления необходимости и принуждения, — это возможно только путем установления закона, отличного от их собственного, который в конце концов научает их устанавливать еще более великий внутренний закон, направленный на их совершенствование и очищение. Принцип социального принуждения не всегда применялся (или, вероятно, никогда не применялся) вполне разумно — ибо это закон человеческого несовершенства, несовершенный по своей сути, который всегда будет несовершенным и по своим методам, и по своим результатам; но на ранних стадиях человеческой эволюции он был очевидно неизбежен, и пока человек в своем развитии не превзойдет причины, обуславливающие необходимость этого закона, он не будет по-настоящему готов принять анархию как принцип жизни.

В то же время представляется очевидным, что чем больше внешний закон будет замещаться законом внутренним, тем больше будет приближаться человек к своему

истинному и естественному совершенству. И совершенным социальным государством будет такое государство, в котором упразднено государственное принуждение и человек живет по принципу свободного согласия и взаимодействия со своими ближними. Но как можно подготовить его к осуществлению этой великой и трудной задачи? Интеллектуальный анархизм полагается на две силы человеческой природы, первая из которых есть просвещение разума; став просвещенным, ум человека потребует свободы для себя, но равно будет признавать такое же право за другими. Справедливое выравнивание произойдет само собой на основании истинной, постигнутой в процессе самопознания и неизвращенной человеческой природы. Возможно, этой силы было бы достаточно (хотя, скорее всего, только при условии значительного изменения и развития умственных способностей человека), если бы индивид мог проживать свою жизнь преимущественно в изоляции, имея лишь малое количество точек вынужденного соприкосновения с жизнями других людей. На самом деле наша жизнь тесно связана с жизнями окружающих, у нас есть общее существование, общий труд, общие усилия и стремления, без которых человечество не может достичь высочайших вершин и всей широты своего развития. Чтобы обеспечить согласованность действий и предотвратить столкновения и конфликты, которые возникают в ходе этого постоянного соприкосновения, требуется другая сила, отличная от просвещенного интеллекта. Анархистская мысль находит эту силу в природном человеческом сочувствии, которому можно доверять (если предоставить ему свободу выражения при надлежащих условиях) установление естественного взаимодействия между людьми; она обращается к тому, что американский поэт называет «любовью товарищей», к принципу братства, третьему и самому забытому элементу знаменитой революционной формулы. Свободное равенство, основанное на стихийном взаимодействии, а не на государственном насилии и социальном принуждении, — вот высочайший идеал анархизма.

Это, похоже, может привести нас либо к свободному кооперативному коммунизму, объединенной жизни, при которой труд и собственность всех существуют для блага всех, либо к тому, что лучше назвать коммунализмом, при котором индивид дает свободное согласие жить в обществе, признающем должную свободу его личности, но избыточный продукт своего труда и излишек своих приобретений без всяких возражений использует или отдает на общее благо под воздействием естественного импульса к взаимодействию. Самая строгая школа анархизма отрицает возможность любого компромисса с коммунизмом. Трудно представить, каким образом Негосударственный Коммунизм, который считается конечной целью русского идеала, может осуществиться в широком масштабе и сложных обстоятельствах, обусловленных современной жизнью. На самом деле не ясно даже, каким образом свободный коммунализм может установиться или сохраниться без какого-либо рода государственного насилия и социального принуждения, или каким образом ему удастся избежать вырождения либо в суровый коллективизм, либо в постоянное проивостояние и анархию, ведущие в конце концов к крушению. Ибо логический ум, создавая идеи общественного устройства, недостаточно принимает во внимание инфрарациональный элемент в человеке, витальный эгоизм, которому обязана своим существованием наиболее активная и действенная часть его природы; эгоизм является наиболее постоянной движущей силой человека и в конечном счете опровергает все расчеты идеализирующего разума, разрушает детально продуманные им системы или признает только то малое, что способен усвоить для удовлетворения собственных потребностей и осуществления собственных целей. С одной стороны, если этот сильный элемент, эта сила эго в человеке чрезмерно вытесняется, запугивается и подавляется, чрезмерно рационализируется, чрезмерно ограничивается в своем проявлении, то жизнь человека становится искусственной, несбалансированной, лишенной витальной энергии, механической, несозидательной. С другой стороны, если эго не подавлять, оно всегда будет стремиться утверждать себя и расстраивать планы, выработанные рациональной частью человеческого существа, поскольку включает в себе силы, способ верного удовлетворения или конечного преобразования которых разум найти не может. Если бы Разум был тайным высшим законом

вселенной или если бы человек, ментальное существо, был ограничен интеллектом, то, возможно, он мог бы силой разума развиваться и избавиться от преобладающего влияния инфрарациональной Природы, унаследованной им от животного. Тогда он мог бы спокойно жить в своем высшем и лучшем человеческом «я» как совершенное рациональное и сочувствующее существо, все части которого сбалансированы и хорошо упорядочены — саттвический тип, представленный в индийской философии; это было бы предельным осуществлением его возможностей, завершением его развития. Но человеческая природа находится скорее в переходном состоянии; рациональное существо является лишь срединной ступенью эволюции Природы. Рациональное удовлетворение не может обезопасить человека от влияния низших сфер, равно как и освободить его от тяготения к сферам высшим. В противном случае идеал интеллектуального Анархизма был бы более осуществим, а равно более приемлем как теория, описывающая достижение разумного совершенства человеческой жизни; но поскольку человек есть то, что есть, мы вынуждены в конце концов устремляться к более высокой цели и идти в своем развитии дальше.

Казалось бы, духовный, или одухотворенный, анархизм ближе подходит к истинному решению проблемы или по крайней мере затрагивает некоторые ее аспекты. В современном своем выражении этот идеал во многом утрирован и не совершенен. Пророки анархизма зачастую, похоже, проповедуют неприемлемое самоотречение витальной жизни и аскетизм, который вместо того, чтобы очищать и преобразовывать витальное существо, стремится подавить и даже убить его; в результате такого сурового подавления обедняется сама жизнь, и источники ее иссякают. Увлеченные высоким духом мятежа, эти пророки объявляют цивилизацию неудачей человечества, указывая на чрезмерное разрастание ее виталистических тенденций, но сами при этом впадают в другую крайность, которая вполне может стать средством избавления цивилизации от некоторых вопиющих ее недостатков и уродливых черт, но одновременно лишит ее многих истинных и ценных достижений. Но если не принимать во внимание эти перегибы излишне логической мысли и однонаправленного импульса, если не принимать во внимание неспособность любого из «измов» выразить истину духа, превосходящую любые формулы, именно здесь, по всей вероятности, мы находимся ближе всего к настоящему выходу из существующего положения, к открытию спасительной движущей силы. Решение проблемы заключается не в разуме, но в душе человека, в ее духовных тенденциях. Только на основании духовной, внутренней свободы возможно прийти к совершенному устройству человеческой жизни. Только духовное озарение, превосходящее рациональное просвещение, может просветить витальную природу человека и привести в гармонию все ее эгоистические импульсы, противоречия и разногласия. Только братство, основанное на более глубоких законах, еще не найденный закон любви, может стать надежным основанием для совершенной социальной эволюции, и никаким иным законом заменить его нельзя. Но это братство и эта любовь будут развиваться не в сфере витальных инстинктов или разума, где они могут встретиться с противоположными суждениями и противодействующими инстинктами, способными исказить или извратить их природу. Равно они не будут утверждаться в земном сердце человека, где обитают многие другие противоборствующие им страсти. Только в душе должны они пустить корни; это любовь, основанная на глубочайшей истине нашего существа, и братство, или, если выразиться точнее (ибо это есть чувство, отличное от любого витального или ментального чувства братства, более спокойная и долговечная движущая сила), духовное товарищество, которое является выражением внутренне осознанного единства. Ибо лишь таким образом эгоизм может исчезнуть и истинный индивидуализм неповторимого, заключенного в каждом человеке божественного начала может установиться на основании истинного коммунизма того же божественного начала, заключенного в человечестве; ибо Дух, сокровенное «Я», универсальная Божественность, скрытые в каждом существе, по самой своей природе являющие единство в разнообразии, должны реализовать совершенство индивидуальной жизни и природы в существовании всех людей, в универсальной жизни и универсальной природе человечества.

Против подобного решения проблемы можно возразить: таким образом реализация идеального устройства человеческого общества переносится в отдаленное будущее эволюции человечества. Ибо это означает, что никакая изобретенная разумом механизация не в состоянии усовершенствовать ни индивида, ни коллективного человека; необходимо внутреннее изменение человеческой природы — изменение невероятно трудное, осуществить которое способны разве что единицы. Это вопрос спорный; но в любом случае, если проблему нельзя решить так, значит, у нее нет решения; если такой путь развития невозможен, значит у рода человеческого вообще нет никакого пути. Тогда земная эволюция должна превзойти человека, как некогда превзошла животное, должна появиться более великая раса, способная на духовное преобразование, и родиться некая форма жизни, более близкая к божественной. В конце концов, если преобразование не приводит к немедленному совершенству, отсюда вовсе не следует, что преобразование не может начаться. Не исключено, что человечество решительно обратится к духовному идеалу и, устремившись к высотам, начнет свое неуклонное восхождение, пусть даже поначалу вершины будут доступны лишь немногим первопроходцам и будут отстоять далеко от путей человеческих. Начало такого движения может свидетельствовать о нисхождении некой высшей силы, влияние которой мгновенно изменит направление всей жизни человечества и необратимо расширит — как это сделал развившийся человеческий разум, но в гораздо большей степени, чем разум, — ее потенциальные возможности и всю ее организацию.

Глава XXI. Духовная цель и духовная жизнь

У общества, основанного на духовности, будут два существенных отличия по сравнению с обычным человеческим обществом, которое в своих истоках и на вершине своего развития не выходит за рамки низшей природы. Обычное человеческое общество образуется за счет стадного инстинкта, видоизмененного разнообразием интересов и возможной их борьбой, за счет объединения и противостояния эгоизмов, за счет столкновения, сочетания, противоборства идей, тенденций и принципов; оно старается сначала привести в согласие сходные интересы и заключить мирный договор между разногласиями, основываясь на ряде условных соглашений, естественных или необходимых договоренностей, которые становятся обычаями объединенной жизни, и этим соглашениям, по мере их развития, дает название социального закона. Поддерживая, в противовес интересам, порождающим разногласие, интересы, направленные на объединение и взаимную помощь, оно пробуждает или поощряет в людях сочувствие и привычку к взаимовыручке — основу для психологической поддержки и одобрения закона, обычая и соглашения, которые общество создает в качестве своей структуры. Появляющееся в результате множество общественных институтов и норм поведения общество оправдывает более полным удовлетворением и эффективностью физической, витальной и ментальной жизни человека, одним словом, развитием и преимуществами цивилизации. Конечно, в противовес этим выгодам существует довольно много потерь, но с ними приходится мириться как с ценой, которую мы платим за цивилизацию.

Обычное общество обращается с человеком в основном как с физическим, витальным и ментальным существом. Ибо жизнь, ум и тело суть три элемента существования, с которыми оно может обращаться более или менее компетентно. Оно разрабатывает систему ментального развития и повышения эффективности разума, т. е. интеллектуальную, эстетическую и этическую культуры. Оно развивает витальную сторону человеческой жизни и создает неуклонно совершенствующуюся систему эффективной экономики и витального удовлетворения, и эта система становится все более изощренной, громоздкой и сложной по мере прогресса цивилизации. Подавляя своим чрезмерным ментальным и витальным ростом естественную энергию физического и природного человека, общество пытается установить необходимое равновесие с помощью систем внешней культуры — тяжелой науки о привычках и средствах, которые должны устранить недостатки,

порожденные обществом, — и максимально возможного усовершенствования искусственных форм жизни, необходимых для поддержания социальной системы. Однако в конечном счете опыт показывает, что общество в процессе собственного развития движется к гибели — а это есть верный признак того, что в его системе есть некий принципиальный изъян, неоспоримое доказательство того, что его представления о человеке и методы развития не соответствуют всей реальности человеческой природы и цели жизни, которую эта реальность предполагает.

Следовательно, где-то в самом процессе развития цивилизации кроется принципиальный изъян — но где именно? и где мы должны искать выход из замкнутого круга неудач? Развитие нашей жизни, выражающееся в прогрессе цивилизации, приводит к истощению витальной энергии и отказу Природы поддерживать далее поступательное движение человечества в этом направлении; наш цивилизованный ум, нарушивший равновесие человеческой системы в свою пользу, обнаруживает в конце концов, что он исчерпал и уничтожил питавшие его источники, и утрачивает способность разумной и продуктивной деятельности. Выясняется, что цивилизация создала гораздо больше проблем, чем может решить, умножила неумеренные потребности и желания, для удовлетворения которых ей недостает витальной силы, развила дебри притязаний и искусственных инстинктов, в которых жизнь сбивается с пути и теряет из виду свою цель. Наиболее прогрессивные умы начинают объявлять цивилизацию неудачей человечества, и общество начинает сознавать их правоту. Но в качестве выхода из создавшегося положения предлагается либо остановка в развитии или даже регресс, что в конечном счете приведет к еще большему хаосу, застою и упадку, либо «возврат к Природе», который невозможен или может произойти только в результате некой катастрофы и полного распада общества; либо даже в качестве необходимой меры предлагается распространение и развитие искусственных средств до максимально возможного предела — все больше и больше Науки, все более широкое техническое оснащение, все большая научная организация жизни, в результате чего машина заменит жизнь, деспотичный логический разум подменит собой сложную Природу, а человека спасет техника. Как говорится, лучший способ излечить болезнь — это позволить ей развиваться до предела.

Можно, наоборот, предположить (и, вероятно, здесь мы будем не далеки от истины), что принципиальный изъян всех наших социальных систем заключается в недостаточном развитии в них именно того начала, который общество меньше всего принимало в расчет, — духовного элемента, души человека, которая есть истинное его существо. Даже обладание здоровым телом, большой витальной энергией, активным ясным умом и пространством для их деятельности и удовлетворения может вести человека только до определенной черты; раньше или позже человек ослабевает и утомляется, поскольку не обретает своего настоящего «я» и не находит достойной цели для своей деятельности и развития. Эти три элемента не дают в сумме совершенное человечество; они суть средства достижения более высокой цели и не могут навсегда оставаться самоцелью. Добавьте к ним богатую эмоциональную жизнь, подчиненную тщательно разработанному этическому критерию, и все равно останется ощущение, что что-то упущено — некое высшее благо, которое эти элементы подразумевают, но которого сами по себе не достигают и не открывают, пока не превосходят самих себя. Добавьте религиозную систему и широко распространенный дух веры и благочестия — и все равно вы не найдете средства социального спасения. Человеческое общество развило все эти элементы, но ни один из них не спас его от разочарования, усталости и разложения. Древние интеллектуальные культуры Европы закончились гибельным сомнением и бессильным скептицизмом; религиозные культуры Азии — застоем и упадком. Современное общество открыло новый принцип выживания, прогресс, но ему не удалось постичь цель этого прогресса — если, конечно, целью не является все большее научное знание, все большее техническое оснащение, удобства и комфорт, все большее наслаждение, все возрастающая сложность экономического устройства общества, все более и более тяжеловесная пышность материальной жизни. Но все

эти вещи в конце концов неизбежно приведут к тому же, к чему приводили в прошлом, ибо природа их осталась неизменной, увеличился лишь масштаб; они ведут человечество по кругу, иными словами, в никуда; они не выводят из круга рождения, роста, увядания и смерти, они не открывают по-настоящему тайну самопродления через постоянное самообновление, в котором заключается принцип бессмертия, но только, похоже, на краткий миг обретают иллюзию самопродления в процессе следующих друг за другом экспериментов, каждый из которых кончается разочарованием. Именно такой была до сих пор природа современного прогресса. Только в его новом обращении к внутреннему миру, к более глубокому субъективизму, который только зарождается в наше время, кроется надежда на лучшее; ибо в результате такого обращения возможно понять, что подлинную истину человека должно искать в его душе. Конечно, век субъективизма не обязательно приведет нас к этому пониманию, но он предоставляет нам такую возможность и может — при надлежащих условиях — направить по этому пути деятельность более сокровенных сил нашего существа.

Кто-то скажет, что это старая истина и что она правила старыми обществами под именем религии. Но то была лишь видимость. Была открыта истина о душе человека, но она имела отношение только к жизни индивида и даже на индивидуальном уровне искала своего осуществления за пределами земной жизни, а земное существование рассматривала лишь как подготовку человека к личному спасению или освобождению от тяжелой ноши жизни. Само человеческое общество никогда не обращалось к открытию души как средству открытия закона своего собственного существования или познания истинной природы души, ее потребности в совершенстве, и осуществления этой потребности как верного пути земного совершенствования. Если мы посмотрим на старые религии в их не индивидуальном, а социальном аспекте, мы увидим, что общество использовало только самые недуховные (или по крайней мере наименее духовные) их элементы. Оно использовало религии, чтобы внушительно, величественно и якобы навеки узаконить великое множество своих традиций и институтов; оно превратило их в завесу тайны, опущенную перед пытливым человеческим умом, и стену мрака, воздвигнутую перед носителем новых идей. Поскольку оно видело в религии средство спасения и совершенствования людей, то сразу же захватило власть над ней с целью механизировать ее, уловить человеческую душу и намертво привязать ее к шестерням социально-религиозного механизма, навязать ей ярмо и железные оковы деспотизма вместо того, чтобы даровать духовную свободу. На религиозную жизнь человека оно взвалило Церковь, священство и массу ритуалов и натравило на нее свору сторожевых псов под именем вероучений и догматов — догматов, которые человек должен был принять и которым должен подчиняться под страхом осуждения на вечные муки вечным небесным судьей точно так же, как он должен был принимать законы общества и подчиняться им под страхом осуждения на временное заключение или смерть смертным земным судьей. Эта неправомерная социализация религии всегда являлась главной причиной того, почему ее попытки преобразовать человечество заканчивались неудачей.

Ибо для религии не может быть ничего более губительного, чем подавление или превращение в мертвую формулу ее духовного элемента внешними средствами, формами и структурами. Ошибочность неверного применения религии в прежних обществах становится очевидной из его последствий. История не раз демонстрировала, что эпохи величайшего религиозного пыла и благочестия одновременно являются эпохами самого непроходимого невежества, мрачного убожества и беспросветного застоя и прозябания человеческой жизни, эпохами безусловного господства жестокости, несправедливости и притеснения или эпохами самого заурядного, лишенного вдохновения и благородства существования, иногда оживляемого редкими проблесками интеллектуального или полудуховного света на поверхности — и все это в конечном счете приводило к протесту широких народных масс, направленному в первую очередь против официальной религии как главного источника лжи, зла и невежества, царящих в обществе. Другим признаком неверного применения религии является то, что излишне педантичное следование социально-религиозной системе, ее

ритуалам и формам — которые начинают утрачивать свой смысл и истинную религиозную ценность именно потому, что им придается неправомерно большое значение превращается в закон и главную цель религии и перестает способствовать духовному росту индивида и человечества. И еще одно знаменательное свидетельство несостоятельности религии заключается в том, что индивид вынужден бежать от общества, чтобы найти пространство для своего духовного роста; обнаружив, что человеческая жизнь отдана во власть не преобразованным духовно уму, жизни и телу, а вместо духовной свободы навязываются оковы формы, Церковь и Шастра, некий закон Неведения, он вынужден бежать от всего этого, ища возможности духовного роста в монастыре, на горной вершине, в пещере, в пустыне и в лесу. Когда существует такое расхождение между жизнью и духом, человеческой жизни выносится суровый приговор. Она либо обрекается на то, чтобы вершить привычное движение по замкнутому кругу, либо открыто осуждается как недостойная и нереальная, как суета сует, и теряет ту уверенность в себе и ту внутреннюю веру в значимость своих земных целей, шраддха, без которых ничего не может достичь. Ибо дух человека должен стремиться к высотам; когда напряженность его усилий ослабевает, человечество неминуемо переходит в статичное и застойное состояние или даже погружается во мрак и повергается во прах. Даже там, где жизнь отвергает дух или дух отвергает жизнь, еще может иметь место самоутверждение внутреннего существа; там может быть даже обильный урожай на святых и отшельников, возросших на почве тепличной духовности, но пока человечество, общество, нация не начнут процесс одухотворения жизни или не устремятся к свету идеала, они неизбежно кончат ничтожеством, слабостью и загниванием. Или же человечеству придется обратиться к интеллекту в поисках спасения, в поисках какой-то надежды или нового идеала, совершить движение по витку рационалистического века и прийти к новой попытке сформулировать духовную истину, к новой попытке одухотворить человеческую жизнь.

Общество в своем стремлении к истинной и совершенной цели будет рассматривать человека не как ум, жизнь и тело, но как душу, воплощенную для божественного осуществления на земле, а не только на небесах — которые, в конце концов, ей вовсе не обязательно было покидать, не будь у нее некоего божественного предназначения здесь, в мире физической, витальной и ментальной природы. Поэтому оно будет рассматривать жизнь, ум и тело не как самоцели, находящие удовлетворение в самих себе, не как пораженные болезнью смертные части, которые необходимо отбросить, чтобы освобожденный дух мог воспарить в свои чистые сферы, но как непосредственные орудия души, еще несовершенные орудия, предназначенные для осуществления пока не постигнутого божественного замысла. Оно поверит в их предназначение и поможет им обрести веру в себя — но веру именно в возможности своих высочайших, а не только низших или менее высоких сил. В понимании общества их предназначение будет заключаться в том, чтобы в процессе одухотворения превратиться в видимые части духа, светоносные средства его выражения — духовные, озаренные, все более и более сознательные и совершенные. Ибо, признав истину человеческой души как начала, совершенно божественного по своей сути, общество признает также способность всего человеческого существа достичь божественного состояния (несмотря на то, что на первых порах Природа явно отвергает такую возможность и упрямо отрицает неизбежность этого высочайшего предназначения человека) и даже примет противодействие Природы за необходимую отправную точку земной эволюции. Рассматривая человека-индивида как воплощение божественной души, оно будет рассматривать и человека-общность как выражение души Бесконечного, коллективную душу, в мириадах форм воплощенную на земле для божественного осуществления в разносторонних отношениях и многогранной деятельности. Поэтому оно будет считать священными все части человеческой жизни, соответствующие частям человеческого существа, — всю физическую, витальную, динамическую, эмоциональную, эстетическую, этическую, интеллектуальную, психическую эволюцию человека, и видеть в них средства восхождения к божественному существованию.

Оно будет рассматривать каждое человеческое общество, нацию, народ и прочие естественно сформировавшиеся сообщества с той же точки зрения — т. е. как субдуши, как средства многогранного выражения и самоосуществления Духа, божественной Реальности, сознательного Бесконечного в человеке на земле. Вера в способность человека прийти к божественному состоянию — поскольку внутренне он одной природы с Богом — станет единственным религиозным убеждением и догматом общества.

Но даже эту единственную возвышенную догму общество не станет навязывать силой внешнего принуждения низшим частям природного существа человека; ибо подобное принуждение есть ниграха, насильственное подавление человеческой природы, которое может привести к кажущемуся ограничению зла, но не к истинному и здоровому росту добра; оно, скорее, утвердит эту веру и этот идеал как свет и источник вдохновения для всех частей человеческого существа с тем, чтобы они развивались к божественному состоянию изнутри и обретали божественную свободу. Общество не будет стремиться что-либо ограничить, оградить, подавить, обеднить ни в индивидуе, ни в обществе, но позволит всем частям существа выйти на широкий простор и устремиться к высшему свету. Божественная свобода станет законом духовного общества, а расширение свободы будет свидетельствовать о том, что человеческое общество приближается к истинному одухотворению жизни. Попытка одухотворить в этом смысле общество рабов — рабов силы, рабов власти, рабов традиции, рабов догмы, рабов всевозможных навязанных законов, под давлением которых, а не в согласии с которыми они живут, внутренних рабов собственной своей слабости, невежества и страстей, от худших последствий которых они ищут или чувствуют необходимость искать защиты в другом, внешнем рабстве, — никогда не завершится успехом. Чтобы стать достойными высшей свободы, люди должны сначала сбросить с себя оковы. Да, на пути своего восхождения человеку приходится связывать себя многими узами; но лишь те узы, которые он принимает как выражение (чем более совершенное, тем лучше) высшего внутреннего закона и стремления его природы, будут по-настоящему способствовать его росту. Остальные приносят пользу дорогой ценой и могут так же — если не больше — замедлять развитие человека, как и ускорять его.

В своем стремлении к духовной цели общество признает, что человек, совершающий внутренний рост, должен иметь как можно больше свободного пространства для того, чтобы все части его существа развивались собственными силами, приходили к осознанию своей сути и своих возможностей. Получив свободу действий, они будут порой ошибаться, ибо с совершением множества ошибок накапливается опыт, но каждая часть человеческого существа включает в себе божественное начало, и они обнаружат его, выявят его присутствие, значение и закон по мере того, как их знание о себе будет углубляться и возрастать. Таким образом, истинная духовность не будет налагать оковы на науку и философию или заставлять их согласовывать свои выводы с какими-либо положениями догматической религиозной или даже бесспорной духовной истины, как тщетно пытались делать некоторые старые религии, движимые невежеством, бездуховным упрямством и высокомерием. Каждая сфера человеческого существования имеет свою дхарму, которой должна и в конечном счете будет следовать, какие бы оковы на нее ни налагались. Дхарма науки, мысли и философии есть поиск истины, осуществляемый интеллектом, — бесстрастный, непредвзятый, непредубежденный, основанный лишь на тех исходных положениях, которые предполагает сам закон мысли и научного исследования. Наука и философия не обязаны согласовывать результаты своих наблюдений и свои выводы ни с какими общепринятыми идеями религиозной догмы, этического закона или предвзятого эстетического критерия. Если предоставить им свободу действия, они в конце концов обнаружат единство Истины с Благом, Красотой и Богом и откроют в них более великий смысл, чем тот, который может открыть нам любая догматическая религия, любая формальная этика или любая ограниченная эстетическая идея. Но до тех пор за ними нужно оставить свободу даже отрицать Бога, благо и красоту, если они пожелают и если их к этому приведет беспристрастное исследование мира. Ибо в конечном счете все эти отрицания

неизбежно сгладятся и возвратятся по кругу к принятию более великой истины вещей, прежде ими отвергнутой. Зачастую мы видим, что атеизм как в индивидуе, так и в обществе является необходимой переходной стадией перед постижением более глубокой религиозной и духовной истины: порой человеку приходится отрицать существование Бога, чтобы обрести Его; обретение и утверждение являются неизбежным следствием любого искреннего сомнения и отрицания.

Тот же закон действует и в Искусстве; эстетическое существо человека совершает движение по собственной спирали развития к открытию своих божественных возможностей. Высочайшая цель эстетического существа заключается в нахождении Божественного через прекрасное; высочайшим Искусством является такое искусство, которое через вдохновенное использование исполненной смысла и допускающей различные интерпретации формы открывает доступ в царство духа. Но для того, чтобы честно и в полной мере выполнить эту величайшую задачу, оно сначала должно постараться увидеть и изобразить человека, Природу и жизнь ради них самих, явив их собственную истину и красоту; ибо за этими внешними чертами всегда скрывается красота Божественного в жизни, человеке и Природе, и именно путем верного преобразования жизни, человека и Природы Искусство может раскрыть то, что изначально было скрыто в них. Догматическое утверждение, что Искусство должно быть религиозным или вообще не имеет права на существование, является ложным, равно как и утверждение, что оно должно служить этике, практической выгоде, научной истине или философским идеям. Искусство может использовать их в качестве своих элементов, но оно имеет свой собственный внутренний закон, свадхарма, и будет восходить к широкой духовности, неуклонно следуя своей собственной естественной линии развития, не связывая себя никакими узами, кроме внутреннего закона своего собственного существа.

Даже взаимодействуя с низшей природой человека — хотя мы естественным образом склонны полагать, что принуждение здесь является единственным действенным средством, — духовное начало будет стремиться скорее к свободному самоуправлению и развитию изнутри, нежели к подавлению динамического и витального существа человека извне. Весь опыт показывает, что человеку необходимо дать известную свободу ошибаться в действиях, равно как заблуждаться в знании, до тех пор, пока внутри самого себя он не обретет свободу от ошибки заблуждений; иначе он не может развиваться. Ради своей безопасности общество вынуждено подавлять динамического и витального человека, но таким образом оно лишь заключает дьявола в оковы и в лучшем случае придает его действиям более мягкую и цивилизованную форму; оно не уничтожает и не может уничтожить его. Истинное достоинство динамического и витального существа, Пуруши-в-Жизни, может выявиться только тогда, когда человек внутри себя найдет высший закон и дух своей деятельности; истинные духовные средства перерождения заключаются именно в том, чтобы дать ему такую возможность, чтобы просветить и преобразовать, а не уничтожить его импульс к действию.

Таким образом, духовность будет уважать свободу низших частей человеческой природы, но не будет предоставлять их самим себе; она явит им заключенную в них истину духа, перенесенную в их собственные сферы деятельности, представленную в свете, озаряющем всю их деятельность, и откроет им высший закон их собственной свободы. Она не будет, например, отвращаться от научного материализма, выказывая бесплодное презрение к физической жизни или отрицая Материю, но скорее устремится вслед за скептическим умом в область собственных его утверждений и отрицаний и там откроет ему Божественное. Если она не сумеет сделать это, значит, она сама является непросветленной или содержит (по причине своей односторонности) недостаточно божественного света. Она не будет пытаться уничтожить витальную силу в человеке через отрицание жизни, но скорее откроет жизни заключенное в ней божественное как принцип ее собственной трансформации. Если она не сумеет сделать это, значит, она сама еще не постигла полностью смысл мироздания и тайну Аватара.

Следовательно, духовная цель будет стремиться осуществиться во всей полноте жизни

и человеческой природы как индивида, так и человечества, которые станут основой для устремленного ввысь духа — основой, которая в конце концов станет единой по сути с высотами духа. Она не будет осуществляться ни путем презрительного пренебрежения телом, ни путем аскетического умерщвления витального существа и крайней бедности или даже совершенной убогости жизни, провозглашаемых законом духовного существования, ни путем пуританского отрицания искусства, красоты и эстетической радости жизни, ни путем пренебрежения наукой и философией как жалкими, бессмысленными или вводящими в заблуждение интеллектуальными поисками (хотя не следует отрицать временную пользу даже этих крайностей в противоположность крайностям другого рода); она будет пребывать во всем и для всего, но будет одновременно высшей целью, высшим смыслом и в высшей степени всеобъемлющим выражением всех вещей, в котором получит осуществление все, чем они являются, и все, чем они стремятся стать. Духовная цель будет подразумевать установление в обществе истинной внутренней теократии — не ложной теократии господствующей Церкви или священства, но теократии внутреннего Священнослужителя, Пророка и Царя. Она явит человеку заключенное в нем божественное начало как Свет, Силу, Красоту, Благо, Восторг, Бессмертие, которые пребывают внутри него, и создаст и во внешней его жизни Царство Божие, которое сначала раскрывается внутри нас. Она покажет человеку способ искать Божественное во всех сферах его существования, сарвабхавена, найти Божественное и жить в нем так, что как бы он ни жил и ни действовал, во всякой своей деятельности он будет неизменно жить и действовать в том, в Божественном, в Духе, в вечной Реальности своего существа.

Глава XXII. Необходимость духовной трансформации

Наш обычный образ действий в индивидуальной или социальной жизни на самом деле определяется равновесием двух взаимодополняющих сил: во-первых, безусловной волей — основной волей жизни, которая внутренне присуща главной движущей силе жизни, и, во-вторых, преобразующей волей, которая может исходить из Идеи, порожденной умом (ибо человек есть существо ментальное), и действовать через наш еще не совершенный разум, придавая этой жизненной силе сознательную ориентацию и сознательный метод. Обычно Жизнь сосредоточивается в нашем витальном и физическом существе, в его желаниях и нуждах, в его потребности продолжать существование, расти, развиваться и получать наслаждение, в его стремлении ко всем видам власти, обладания, деятельности, славы и величия. Первые усилия этой Жизненной Силы организовать себя и упорядочить метод своей деятельности являются инстинктивными и либо полностью, либо в значительной мере подсознательными и удивительно спонтанными: легкость, стихийность, чудесная естественность, красота, внутреннее удовлетворение, неисчерпаемая витальная энергия и сила всех форм субчеловеческой жизни Природы вплоть до животного происходят из полного ее подчинения этому инстинктивному и автоматическому импульсу. Именно смутное осознание этой истины и совершенно иного — и в этом отношении низшего характера человеческой жизни заставляет мыслителя, не удовлетворенного существующим состоянием человечества, говорить о жизни в согласии с Природой как о средстве исцеления всех наших недугов. Стремление найти закон такой жизни в изначальной сути человека легла в основу многих революционных концепций этики, развития общества и индивидуального саморазвития вплоть до самой последней такого рода — странной и вдохновенной виталистической философии Ницше. Общим изъяном подобных концепций является отсутствие в них понимания истинной природы человека и истинного закона его существа, его Дхармы.

Идея Ницше, заключающаяся в том, что подлинная наша задача состоит в развитии сверхчеловека из нынешнего крайне неудовлетворительного человеческого состояния, по сути своей совершенно разумна. Он также верно формулирует нашу цель: «стать собой», «превзойти себя» — подразумевая, что человек еще не обрел до конца свое истинное «я»,

свою истинную природу, что позволило бы ему жить полной и стихийной жизнью. Но тогда возникает главный вопрос: что есть наше «я» и что есть наша подлинная природа? Что это такое, что развивается в нас, но во что мы еще не развились? Это есть нечто божественное, — дается ответ, — олимпийское, аполлонийское, дионисийское божественное начало, которое разумное и обладающее сознательной волей животное — человек, стремится более или менее сознательно воплотить. Конечно, все это так; но в чем мы должны искать зерно божественности и что служит тем прочным основанием, на котором сверхчеловек, однажды обретший себя, может надежно утвердиться, не опасаясь снова скатиться к этому низшему и несовершенному человеческому состоянию? Могут ли стать этим основанием интеллектуальный разум и воля — два аспекта буддхи (по индийской психологической теории)? Ведь в настоящее время это вещь настолько сложная, настолько внутренне противоречивая, настолько шаткая во всех своих достижениях, способная, конечно, до известного предела к чудесной созидательной и эффективной деятельности, но в конечном счете, когда все сказано и сделано, настолько великолепно бесполезная, настолько враждебная и при этом настолько подвластная и подчиненная низшей нашей природе, что даже если в ней и сокрыто некое зерно совершенной божественности, сама она едва ли может быть этим зерном и во всяком случае не обеспечивает нам того устойчивого и божественного равновесия, какого мы ищем. Поэтому мы говорим, что не интеллект и воля, но то высшее начало в нас, превосходящее Разум, дух, сокрытый за оболочками нашей низшей природы, является сокровенным зерном божественности и превратится, когда его откроют и освободят, в светоносную силу, царящую над умом, в широкое основание, на котором сможет надежно утвердиться божественная жизнь человеческого существа.

Говоря о сверхчеловеке, мы явно говорим о чем-то настолько ненормальном или сверхнормальном по сравнению с нынешней нашей природой, что сама эта мысль легко становится пугающей и отталкивающей для нашего нормального человеческого существа. Нормальный человек не желает выходить из постоянного механического круговорота обычной жизни на уровень, который может показаться ему недостижимо высоким, и еще меньше ему нравится перспектива быть превзойденным, оставленным позади и оказаться в подчиненном положении — хотя смысл истинного сверхчеловечества заключается не в том, чтобы превзойти и господствовать как самоцели, но в том, чтобы раскрыть нашу нормальную человеческую природу чему-то, что ныне пребывает за ее пределами и все же является ее собственным идеальным предназначением. Но заметим: то, что мы называем нормальной человеческой природой, само по себе является некой аномалией в Природе; все попытки найти ее подобие и аналог в Природе остаются тщетными — это мимолетный каприз, неожиданное чудо. Аномалия в Природе не является недостатком или непременным признаком несовершенства, но вполне может свидетельствовать о попытке прийти к гораздо более полному совершенству. Но это совершенство недостижимо, пока ненормальное не сможет обрести свою устойчивую нормальность — верную организацию своей жизни с учетом своей природы и своих способностей и на своем собственном уровне. Ненормальным является тот человек, который не нашел свою нормальность, — он может полагать, будто нашел, он может казаться нормальным среди себе подобных, но эта нормальность представляет собой не более чем некий временный порядок; поэтому, хотя человек бесконечно более велик по сравнению с растением или животным, он не настолько совершенен с точки зрения возможностей своей собственной природы, как растение или животное. Не стоит сожалеть об этом несовершенстве — это скорее наша привилегия и потенциал, ибо оно открывает перед нами широчайшие перспективы саморазвития и возможности превзойти себя. Человек, максимально развивший все свои способности, есть полубог, который вырос из животной Природы и по отношению к ней является великолепно ненормальным, но существо, в которое он начинает превращаться, т. е. совершенное божество, так сильно превосходит его нынешнее состояние, что кажется ему настолько же ненормальным по сравнению с ним, насколько сам он ненормален по сравнению с животным. Это означает, что человека ожидает огромный и напряженный труд по

собственному развитию, но в то же время за его несовершенством кроется возможность великой победы человечества — великолепного достижения, венчающего эволюцию. Человеку предлагается царство, в сравнении с которым его нынешние достижения в сфере ума или победы над внешней Природой покажутся лишь грубыми подобиями и первыми робкими шагами.

В чем же именно заключается тот изъян, из которого происходит все несовершенство человека? Мы уже указали на него — собственно говоря, предыдущие главы преследовали главным образом эту цель, но сейчас необходимо сформулировать его суть более кратко и точно. Мы видим, что, на первый взгляд, человек обладает двоякой природой: животной природой витального и физического существа, живущего своими инстинктами, импульсами, желаниями согласно бессознательно выбранному направлению и методу действия, и вместе с тем полубожественной природой самосознательного интеллектуального, этического, эстетического, разумно эмоционального, разумно динамического существа, которое способно найти и понять закон своей собственной деятельности и сознательно использовать и совершенствовать его — мыслящим разумом, который понимает Природу, волей, которая использует, возвышает и совершенствует Природу, чувством, которое разумно наслаждается Природой. Цель нашего животного начала состоит в том, чтобы увеличивать витальное обладание и витальное наслаждение; цель нашего полубожественного начала также состоит в том, чтобы расти, обладать и наслаждаться, но, во-первых, обладать и наслаждаться разумно, эстетически, этически, куда больше силами разума, чем силами жизни и тела, а, во-вторых, обладать и наслаждаться не столько вещами витальными и физическими (кроме тех случаев, когда такое обладание и наслаждение необходимо в качестве основания и отправной точки, предварительной необходимости или условия, точки опоры и фундамента), сколько вещами интеллектуальными, этическими и эстетическими, и развиваться не столько во внешнюю жизнь (кроме тех случаев, когда такое развитие необходимо для безопасности, свободы и достоинства нашего человеческого существования), сколько в истину, благо и красоту. В этом заключается природа человека, его уникальная особенность и ненормальность относительно нормального существования бессознательной материальной Природы.

Это означает, что человек развил новую силу своего существа — назовем ее новой силой души (с предварительной оговоркой, что мы рассматриваем жизнь и тело тоже как силу души), и существо, сделавшее это, испытывает внутреннюю потребность не только смотреть на мир и все переоценивать в нем с этого нового, более высокого уровня развития, но и заставить всю свою природу подчиняться этой силе и в некотором смысле преобразовывать себя по ее подобию и даже преобразовывать, насколько это возможно, всю окружающую жизнь в некое подобие этой более великой истины и более великого закона. Именно в этом заключается свадхарма человека, его истинный закон и образ жизни, его способ совершенствования и его подлинное счастье. Если человек терпит неудачу в таком преобразовании, значит, он терпит неудачу в осуществлении цели своей природы и своего существа, и ему приходится все начинать сначала, пока он не найдет верный путь и не достигнет критической точки своего развития, решающего момента трансформации. Именно это не удавалось сделать человеку до настоящего времени. У него есть определенные достижения, он прошел некоторую часть своего пути. Он подчинил определенным интеллектуальным, этическим и эстетическим правилам витальные и физические части своей природы и сделал для себя невозможным удовлетворяться простым животным существованием и жить согласно потребностям такого существования. Но достичь большего он не сумел. Преобразование его жизни по образу истины, блага и красоты представляется делом отдаленного будущего, как и всегда; всякий раз, когда человек пытается осуществить подобное преобразование в какой-нибудь несовершенной форме — и даже тогда оно совершается усилием одного класса или группы индивидов, имеющих косвенное воздействие на жизнь масс, — он вскоре сдает позиции, что ведет к общему упадку жизни, или же сворачивает в сторону и производит какой-нибудь не-ожиданный социальный

переворот, из которого выходит, безусловно, с новыми достижениями, но также и с серьезными потерями. Человек никогда еще не достигал великого поворотного пункта своего развития, не подходил к решающему моменту трансформации.

Главная причина этого (на самом деле, — первопричина всех неудач человека) заключается в том, что он не сумел направить вверх ту силу, которую мы назвали безусловной волей, основной в его жизни, — энергию и несокрушимую веру, внутренне присущие главной движущей силе жизни. Основная воля его жизни по-прежнему пребывает в его витальном и физическом существе и направлена на витальное и физическое удовлетворение; конечно, она просвещена, и ее инстинктивная деятельность до некоторой степени контролируется высшими силами человеческой природы, однако эта воля не более чем просвещена (причем весьма частично) — не преобразована; контролируется но не покорена и не поднята на более высокий уровень. Высшая жизнь по-прежнему воспринимается как что-то, искусственно наложенное на низшую, некий непрошенный гость, постоянно нарушающий наше привычное существование. Этот непрошенный гость бес-престанно вторгается в нашу привычную жизнь, ругает, поощряет, обескураживает, читает наставления, направляет, поправляет, возвышает только затем, чтобы дать упасть, но не имеет силы преобразовать, принципиально изменить, заново создать. Похоже, он сам не вполне понимает, куда должны вести нас все наши усилия и напряженная борьба — порой он думает, что к вполне приемлемой человеческой жизни на земле, норму которой ему никак не удастся установить, а порой полагает, что наш путь лежит в иной мир, куда через религиозную жизнь или же достойную подражания смерть мы сможем уйти от всех тревог и сует смертного существования. Таким образом, эти два элемента сосуществуют в постоянном и тесном переплетении, являясь друг для друга вечной причиной беспокойства, неудобства и подавленности — подобно не сошедшимся характерами супругам, которые вечно ссорятся и все же отчасти любят друг друга или по крайней мере чувствуют необходимость друг в друге, не способны прийти к согласию и все же обречены оставаться вместе, связанные узами несчастливого брака, пока их не разлучит смерть. Вся несвобода, неудовлетворенность, разочарование, усталость, печаль, пессимизм человеческого ума происходят из практической неспособности человека разрешить загадку и проблему своей двойственной природы.

Как мы уже сказали, несостоятельность человека объясняется тем, что высшая сила является лишь посредником и что полностью преобразовать витальную и физическую жизнь по ее подобию, вероятно, невозможно, и в любом случае Природа не ставит целью так переделать нас. Вероятно, можно утверждать, что после того, как все индивиды осуществят некую трансформацию, станут жить исключительно этической, эстетической или интеллектуальной жизнью, даже преобразуют свою жизнь по некому идеалу истины, добра и красоты, тогда и человечество сможет осуществить (и в конечном счете непременно осуществит) все сделанное отдельным индивидом; ибо исключительный индивид представляет собой тип человека будущего, предтечу. Но насколько преуспели в действительности отдельные личности? Они либо выхолащивали свою витальную и физическую жизнь, чтобы дать возможность развиваться одному элементу своего существа, и вели одностороннее и ограниченное существование, либо же пришли к компромиссу, в результате которого жизнь высших частей их природы получила преобладающее значение, а низшая жизнь по-прежнему паслась на своем собственном пастбище под более или менее строгим надзором или более или менее сильным давлением высшей силы или сил; сама же по себе, в своих собственных инстинктах и потребностях, она не изменилась. Это было преобладание одного над другим, но нетранс-формация.

Жизнь не может быть совершенно рациональной, не может полностью отвечать представлениям этического, эстетического или научного и философского ума; разум не является предназначенным человеку венцом трансформации. Все внешние свидетельства, указывающие на противоположное, всегда суть *trompe l'oeil*, интеллектуальная, эстетическая или этическая иллюзия. Может произойти подчинение, подавление жизни, но она сохранит

свои права; и хотя отдельные индивиды или целый класс могут временно подчинить таким образом жизнь и установить видимость подобного подчинения в обществе, Жизнь в конечном счете хитрее разума; она присваивает себе сильные элементы разума, принимающие ее сторону (ибо в разуме всегда есть силы, готовые предать его), и восстанавливает свои инстинкты, возвращает себе поле деятельности; или, если ей не удастся сделать это, она мстит своим собственным упадком, который вызывает упадок общества, крушение давней надежды. Это настолько истинно, что есть целые эпохи, когда человечество сознает данный факт и, отказываясь от попытки подавить инстинктивную жизнь, решает поставить ей на службу разум и просветить ее в ее собственной сфере деятельности вместо того, чтобы сделать рабой высшего, но неосуществимого идеала.

Такой эпохой был недавний век материализма, когда человеческий разум, похоже, решил тщательно изучить Жизнь и Материю только для того, чтобы признать ум всего лишь орудием Жизни и Материи и посвятить все свое знание колоссальному развитию витальной и физической жизни, ее практичности, эффективности и удобства, восхитительной организации ее инстинктов производства, обладания и наслаждения. Таким был характер материалистического, коммерческого, экономического века человечества эпохи, когда этический ум все еще мучительно цеплялся за существование, но все больше теряя уверенность в себе, все больше сомневаясь в себе и подспудно готовясь сдать крепость морального закона жизненному инстинкту; эстетический инстинкт и интеллект пышно цвели наподобие некоего довольно яркого экзотического цветка, вроде редкой орхидеи, украшающей петлицу витального человека; а ум превратился в великолепного слугу Жизни и Материи. Титанически развившаяся в итоге витальная Жизнь заканчивается тем, чем всегда кончают Титаны: она сама разожгла свой собственный погребальный костер, пожар мировой войны — естественный результат, к которому привели борьба между наиболее «эффективными» и «цивилизованными» нациями за обладание и наслаждение миром, его богатством, рынками и доступными жизненными пространствами, гипертрофированное и избыточное развитие торговли, расширение имперских масштабов и имперской власти. Именно в этом заключался смысл и истинная причина первой мировой войны, поскольку именно это являлось тайной или явной целью всей довоенной дипломатии и международной политики; а если люди и вызвали к жизни — хотя бы на время более благородную идею, то только в страхе перед бичом Смерти и ужасным призраком массового взаимного истребления. Однако даже эта пробужденная к жизни идея ни-коим образом не получила полного развития и далеко не везде ее признавали вполне искренне, тем не менее она существовала и отчаянно пыталась обрести рождение даже в Германии, некогда могучем оплоте виталистической философии жизни. В появлении этой идеи крылась какая-то надежда на лучшее. Но, по крайней мере в настоящее время, витальное стремление, облеченное в новую форму, снова заявило о себе в полный голос, и надежда растаяла во мраке смутной эпохи, где лишь исполненный веры взгляд в силах различить новый космос, постепенно рождающийся из хаоса.

Первым следствием этого несовершенного пробуждения, похоже, стало возвращение к старому идеалу, предполагающее более полное и широкое использование волей разума и этического ума в устройстве индивидуальной, национальной и интернациональной жизни. Но такая попытка, хотя и достаточно эффективная на первых порах, не может быть истинным и окончательным решением проблемы; если на этом наши усилия закончатся, мы ничего не достигнем. Решение проблемы заключается, как мы уже сказали, в пробуждении к нашим истинным (поскольку высочайшим) «я» и природе, в осознании того сокровенного «я», которым мы еще не стали, но должны стать и которое является не сильной и просвещенной витальной Волей, воспетой Ницше, но духовным «я» и духовной природой, которая будет использовать мен-тальное существо, уже развившееся в нас, — но ментальное существо одухотворенное — и преобразовывать силой духовного идеала цель и деятельность нашей витальной и физической природы. Ибо такова формула человека, максимально раскрывающего свои потенциальные возможности, и безопасное существование заключается

именно в стремлении раскрыть наши высшие возможности, а не в умиротворенном довольстве низшими. Может показаться, что стремление следовать нашему высочайшему предназначению означает жизнь, полную опасностей (если снова употребить одно из вдохновенных выражений Ницше), но именно с преодолением этих опасностей приходят победа и безопасность. Может показаться, что безопасней, разумней, удобней и проще всего успокоиться на достигнутом или ограничиться раскрытием наших низших возможностей, но это плохо кончается — утратой всякого смысла или движением по замкнутому кругу, падением в пропасть или застоём. Верный и естественный путь ведет к вершинам.

Следовательно, мы должны вернуться к попытке постичь древнюю тайну, которую человек, если говорить о всем человечестве, увидел лишь очень не отчетливо и к которой стремился очень вяло, которую он понял на самом деле лишь своим поверхностным умом, не проникнув в сокровенный ее смысл, хотя в постижении этой тайны заключается как социальное, так и индивидуальное спасение человека, это — идеал Царства Божия, тайна господства Духа над умом, жизнью и телом. Древние народы Азии — именно потому, что они никогда полностью не утрачивали понимания этой тайны, никогда не отказывались от нее в нетерпеливой погоне за малыми победами — проявили удивительную жизнестойкость, выжили и могут ныне, подобно бессмертным, восстать и обратить свои взоры к заре новой жизни; они были погружены в сон, но не погибли. Да, они действительно какое-то время терпели неудачи в жизни — там, где добивались успеха европейские народы, верящие в плоть и интеллект; но этот успех, обманчиво полный и лишь временный, неизбежно приводил к катастрофе. Азия потерпела неудачу в жизни, поверглась во прах, и даже если прах, в котором она лежала, был священным, как возвышенно выразился современный азиатский поэт (хотя был ли он священным — это еще вопрос), все же прах не является надлежащим местом для человека, равно как положение поверженного не является для него естественным. Азия потерпела временную неудачу не потому, что стремилась к идеалам духовным (как некоторые утешают себя), словно Дух вообще может заключать в себе слабость или быть причиной слабости, но потому, что недостаточно уверенно следовала духу и не нашла способ сделать его полноправным правителем жизни. Ее ум либо создавал пропасть и отделял жизнь и Дух непроходимой границей, либо успокаивался, приводя их к компромиссному соглашению, и принимал основанные на этом компромиссе социально-религиозные системы в качестве окончательных. Успокаиваться таким образом опасно; ибо зову духа мы должны следовать до конца в большей мере, чем любым другим требованиям, и конец этот предполагает не разрыв и расхождение и не компромисс с духом, но полную победу духа и то царство ищущих совершенства, которое, согласно индуистскому религиозному учению, приходит установить последний Аватар.

Эту истину важно принять к сведению, поскольку ошибки, совершенные на пути к ней, зачастую даже более поучительны, чем ошибки, вызванные отступлением от пути. Как витальная и физическая природа могут быть подчинены интеллектуальной, этической или эстетической жизни или им присущим мотивам, довольствуясь частичным господством высшего или его компромиссом с низшим, так и духовная жизнь или некая форма власти или господства духовных идей и мотивов может быть навязана ментальной, витальной и физической природе и либо обеднить последнюю, обеднить витальную и физическую жизнь и с таким же успехом подавить даже ментальную, наделяя духовную жизнь большей властью, либо прийти к компромиссному соглашению, предоставив низшему существу свободу в его собственной сфере деятельности на том условии, что оно будет часто выказывать свое почтение духовному существованию, подчиняясь в известной мере — большей или меньшей — его влиянию и формально признавая его пределом и венцом развития человеческого существа. Это самое большее, что когда-либо в прошлом удавалось человеческому обществу; и, хотя это неизбежная стадия на пути человечества, оставаться на ней — значит не понять сути дела — того, что единственно необходимо понять. Не человечество, ведущее обычную свою жизнь (что сегодня является для него нормальным), отмеченную влиянием духовности, но человечество, всей душой стремящееся возвыситься и

обрести закон (ныне для него ненормальный), пока вся его жизнь не перейдет на духовный план — вот лежащий перед человеком крутой подъем к совершенству и духовной трансформации, которую ему предстоит совершить.

Секрет трансформации заключается в перенесении центра нашей жизни в более высокое сознание и в изменении главной движущей силы нашей жизни. Это будет скачком или шагом вверх, даже более важным, чем тот, который некогда совершила Природа при переходе от витального ума животного к мыслящему уму, все еще не совершенному в сравнении с возможностями нашего человеческого разума. Главная воля, внутренне присущая жизни, не будет больше витальной волей жизни и тела — она должна превратиться в духовную волю, которая ныне проявляет себя лишь в виде редких и слабых проблесков и озарений. Ибо в настоящее время она является нам как нечто, почти не раскрытое, ослабленное, искаженное ментальной Идеей; но по природе своей она супраментальна, и именно ее супраментальную силу и истину мы должны так или иначе постичь. Главной движущей силой нашей жизни должен стать не низший витальный импульс Природы, которая уже окончательно оформилась в нас и может лишь двигаться по замкнутому кругу с центром в эго, но та духовная сила, о которой мы иногда слышим и говорим, но сокровенную тайну которой еще не постигли. Ибо она по-прежнему пребывает в глубинах нашего существа и ждет, когда мы превозможем наше эго и откроем истинную личность в нас, универсальность которой позволит нам объединиться со всеми другими людьми. Как совершить переход от витального существа, нашей инструментальной реальности, к духу, главной реальности, и поднять на эту высоту нашу волю к существованию и нашу жизненную силу — вот тайна, постичь которую стремится наша природа. Все, что мы сделали до сих пор, является некой полууспешной попыткой переместить эту волю и эту силу на ментальный план: высшей целью наших усилий, нашей главной задачей, было стать ментальным существом и жить силой идеи. Но ментальная идея в нас всегда остается лишь посредником и орудием; выбор поля ее деятельности всегда определяется чем-то, отличным от нее самой, и поэтому пусть в течение какого-то времени она стремится исключительно к собственному своему удовлетворению — она не может навеки удовлетвориться только этим. Она либо скатывается вниз и вовне, к витальной и физической жизни, либо должна развиваться внутрь и вверх в стремлении достичь вершин духа.

Должно быть, именно поэтому в сфере мысли, в искусстве, в нашем поведении, в нашей жизни мы всегда разрываемся между двумя тенденциями: идеалистической и реалистической. Последняя с легкостью воспринимается нами как более реальная, имеющая более прочное основание, более связанная с фактической действительностью, поскольку она основывается на реальности, которая очевидна, ощутима и уже оформлена; идеалистическая же легко представляется нам чем-то нереальным, фантастическим, химерическим, туманным, чем-то, относящимся к сфере скорее мыслей и слов, чем живой действительности, поскольку она пытается воплотить реальность, еще не осуществленную. Вероятно, в какой-то мере мы правы: идеал, чуждый фактической действительности нашего физического существования, на самом деле остается чем-то нереальным до тех пор, пока он каким-нибудь образом не примирится с несовершенствами нашей внешней жизни или же не найдет более великую и чистую реальность, которую ищет, и не подчинит ей нашу внешнюю деятельность; до того времени он будет болтаться между двумя мирами, не в силах завоевать ни свет наверху, ни тьму внизу. Подчиниться фактической действительности, входя с ней в компромисс, легко; найти духовную истину и принципиально изменить существующий образ жизни трудно; но именно эту трудную задачу человек должен выполнить, если ему суждено найти и осуществить свою истинную природу. Идеализм всегда является самым верным проявлением человеческой сущности, но как идеализм ментальный он недействен. Для того, чтобы стать действенным, он должен превратиться в духовный реализм, который вступит во владение высшей реальностью духа и поднимет до этого уровня низшую реальность нашей чувственной, витальной и физической природы.

Следовательно, в этом перенесении на высший план нашей воли к существованию и нашей жизненной силы должен заключаться сам принцип нашего совершенствования. Эта воля, эта сила должна сделать выбор между преобладанием в нас витального начала и преобладанием духа. Природа может успокоиться на витальном плане, может достичь там своего рода совершенства, но это совершенство ограниченного развития, не стремящегося превзойти свои пределы. Она может сделать это в растении и животном, поскольку здесь тело и жизнь являются одновременно орудием и целью; они не стремятся превзойти себя. Она не может успокоиться таким образом в человеке, поскольку здесь она совершила резкий скачок за пределы физического и витального плана; она развила в человеке ум, который есть буйное цветение жизни, устремленной к свету Духа, а жизнь и тело здесь являются лишь орудиями, но уже не самоцелью. Поэтому совершенствование человека не может быть ограничено сферой непросвещенной физической жизни. Совершенство невозможно обрести и в более широкой сфере ментального существа; ибо оно тоже является лишь орудием и стремится к чему-то, лежащему за его пределами, к некой силе, которая, конечно, действует в нем, но высшая истина которой является сверхсознательной по отношению к нынешнему разуму человека супраментальной. Совершенство человека заключается в раскрытии вечно-совершенного Духа.

Совершенство более низкого порядка, достигнутое Природой в растении и животном, происходит из их инстинктивного, автоматического, подсознательного подчинения витальной истине своего собственного существа. Высшее совершенство духовной жизни произойдет из спонтанного подчинения одухотворенного человека истине его собственного реализованного существа, когда он станет собой, когда обретет свою подлинную природу. Ибо эта спонтанность будет не инстинктивной и подсознательной, но интуитивной и целиком, совершенно сознательной. Это будет радостное подчинение естественному принципу духовного света, силе универсальной и всеобъемлющей высшей истины, высочайшей красоты, добра, радости, любви, единства. Целью этой силы, действующей в жизни, будет и должно быть, как в любой жизни, развитие, обладание, наслаждение; но развитие, которое есть проявление божественного, обладание и наслаждение духовные и духом в вещах наслаждение, которое будет использовать ментальные, витальные и физические символы нашей жизни, но не будет зависеть от них. Поэтому это будет не ограниченное совершенство, являющееся пределом приостановленного развития, когда бесконечно повторяются одни и те же формы и одни и те же действия и любое отступление от них чревато опасностью и беспорядком. Это будет безграничное совершенство, способное на бесконечные вариации своих форм, ибо пути Духа бесчисленны и бесконечны, но вместе с тем вечно неизменное во всех своих вариациях, являющее единство в бесконечном разнообразии.

И потому к такому совершенству не может привести ментальная идея, которая обращается с Духом подобно тому, как она обращается с жизнью. Рожденная умом идея, которая постигает основную волю Духа и пытается дать этой высшей силе сознательные ориентацию и метод в соответствии с идеями интеллекта, слишком ограничена, слишком туманна, слишком слаба для того, чтобы совершить это чудо. Еще менее возможно достичь совершенства, если мы приковываем дух к некой фиксированной ментальной идее или системе религиозных ритуалов, интеллектуальной истине, эстетическому критерию, этической норме, практической деятельности, образу витальной и физической жизни, т. е. к некой особой системе форм и действий, и объявляем любое отклонение от нее опасностью, беспорядком или отступлением от духовной жизни. Это было ошибкой, допущенной в Азии, и причиной ее остановки в развитии и последующего упадка; ибо это значило подчинить высший принцип низшему и принудить самораскрывающийся Дух к временному и несовершенному компромиссу с умом и витальной природой. Человек обретет истинную свободу и совершенство, когда заключенный в нем дух прорвется наружу сквозь формы ума и жизни и, воспарив в свое собственное огненное царство чистого знания, гнозиса, изолируется на них этим светом и пламенем, чтобы овладеть ими и преобразовать их по своему подобию.

На самом деле, как мы поняли, ум и интеллект не являются главной силой нашего существования. Ибо они могут лишь создать замкнутую систему полуистин и сомнительных идей и совершать бесконечное и бесплодное движение по этому кругу. Но есть сила, таящаяся в уме и жизни, во всякой деятельности интеллектуального, эстетического, этического, динамического и практического, эмоционального, чувственного, витального и физического существа, которая постигает мир через отождествление и интуицию и наделяет все эти аспекты человеческого существа такой истиной, придает им такую определенность и постоянство, каких они только могут достичь. В настоящее время мы уже начинаем смутно различать некое присутствие этой силы за всей нашей наукой, философией и прочей деятельностью. Но до тех пор, пока ей приходится работать для ума и жизни, а не ради себя самой, и действовать в формах ума и жизни, а не силой своего стихийного света, мы не сможем сколько-либо эффективно использовать это открытие, не сможем извлечь естественного блага из этого пребывающего внутри Генія. Путь человека к духовному сверхчеловечеству откроется тогда, когда он смело признает во всеуслышание, что все, до сих пор им развитое в себе, — в том числе интеллект, которым он столь гордится, заслуженно и все же напрасно, — уже не удовлетворяет его и что отныне целью всех его стремлений будет извлечь, раскрыть и выпустить на свободу великий Свет, заключенный в нем. Тогда его философия, искусство, наука, этика, социальное существование, витальные стремления не будут более рутинной деятельностью ума и жизни, которую они совершают ради самих себя в бесконечном движении по кругу, но станут средствами открытия более великой Истины, стоящей за умом и жизнью, и привнесения ее силы в наше человеческое существование. Тогда мы окажемся на верном пути к тому, чтобы стать собой, найти наш истинный закон совершенствования и жить истинной, полной жизнью в нашем подлинном существе и божественной природе.

Глава XXIII. Условия наступления духовного века

Изменение такого рода — переход от ментального и витального строя жизни к духовному — обязательно должно свершиться в индивиде и множестве индивидов, прежде чем оно сможет оказать более или менее эффективное влияние на общество. Дух в человечестве раскрывается, развивается, создает свои формации сначала в отдельном человеке; именно через развивающегося и творческого индивида он предлагает уму человечества это открытие и возможность нового самосозидания. Общественный ум поначалу постигает вещи подсознательно, а если и сознательно, то беспорядочно и хаотически; и только через индивидуальный ум человечество в целом может достичь чистого знания и реализации тех возможностей, которые были скрыты в его подсознательном «я». Мыслители, историки, социологи, которые умаляют значение индивида и хотят растворить его в толпе или видят в нем главным образом клетку и атом, постигли лишь одну, более темную сторону истины, касающейся деятельности Природы в человечестве. Именно потому, что человек не похож на материальные творения Природы или на животное, именно потому, что она замыслила осуществить в нем все более и более сознательную эволюцию, его индивидуальность получила такое развитие и так абсолютно важна и необходима. Несомненно, та сила, которая раскрывается в индивиде и затем движет массами, уже содержится в универсальном Уме, а индивид является лишь орудием ее проявления, раскрытия и развития; причем не просто орудием подсознательной Природы, не просто инстинктом, приводящим в движение массы, но необходимым орудием непосредственно Духа, для которого сама Природа является орудием и формой проявления его творений. Следовательно, все великие изменения находят чистую и действенную энергию своего первоначального осуществления и свою непосредственную формирующую силу в уме и духе индивида или ограниченного числа индивидов. Затем этот процесс охватывает массы, но, к сожалению, весьма несовершенно и беспорядочно, что зачастую или практически всегда приводит к неудаче или искажению созданного. В противном случае человечество

шествовало бы по пути своего развития с победоносной скоростью, а не продвигалось бы неуверенными неуклюжими шагами или короткими изнуряющими рывками — похоже, до сих пор оно было способно только на это.

Поэтому, если духовному преобразованию, о котором мы говорим, суждено осуществиться, необходимо, чтобы одновременно выполнялись два условия, чрезвычайно трудно сочетающиеся друг с другом. Должны существовать индивид и индивиды, способные постичь, развить и воссоздать себя по образу Духа и передать как свою идею, так и заключенную в ней силу массам. Вместе с тем должны существовать массы, общество, общественный ум или по крайней мере отдельные общественные слои, потенциальная сила групповой души, способные воспринять и активно усвоить эту идею, готовые следовать указанным путем и идти до конца, не останавливаясь из-за присущих им несовершенств или недостаточной подготовленности и не отступая, пока не состоится коренное преобразование. Никогда еще два этих условия не выполнялись одновременно, хотя в отдельные напряженные моменты истории создавалась такая видимость. Можно определенно сказать, что такое сочетание однажды возникнет, однако никто не знает, сколько для этого понадобится попыток и сколько пластов духовного опыта придется наслоить в подсознательном уме общественного человеческого существа, чтобы подготовить для этого почву. Ибо в напряженном усилии к восхождению, затрагивающем самые глубинные пласты нашей природы, шансов на успех у нас всегда меньше, чем возможностей потерпеть неудачу. Сам зачинатель духовного преобразования может оказаться несовершенным: возможно, он еще не успел полностью стать тем, что открылось ему. Даже те немногие, которые выполняют апостольскую миссию, могут не полностью усвоить и сформировать в себе духовную идею, а значит, передают своим многочисленным последователям силу Духа в еще более ослабленном виде. Общество может быть не готово интеллектуально, витально, этически, психологически, вследствие чего принятие им духовной идеи может стать и началом ее обесценивания и искажения, а затем вызвать уход из нее Духа или его умаление. Все это, вместе или по отдельности, может произойти, и (как столь часто случалось в прошлом), несмотря на некоторый прогресс и важные изменения, в результате не приведет к тому радикальному изменению, которое только и сможет воссоздать человечество по божественному подобию.

Тогда какое же состояние общества, какая степень подготовленности общественного человеческого ума будут наиболее благоприятны для такого изменения — иначе говоря, создадут условия если не для немедленного его осуществления, то по крайней мере для более радикальной подготовки к нему, чем было возможно до сих пор? Это, по-видимому, самый существенный вопрос, поскольку именно неподготовленность, неспособность общества или общественного человеческого ума к трансформации всегда была главным камнем преткновения. Готовность коллективного ума общества имеет самое первостепенное значение; ибо, даже если состояние общества и управляющие обществом принцип и закон враждебны идее духовного преобразования, даже если они почти полностью принадлежат витальному, внешнему, экономическому, механическому порядку жизни (что, безусловно, ныне относится ко всему человечеству), все же когда общественный человеческий ум начинает признавать идеи, присущие высшему порядку, который в конечном счете должен установиться, и когда в сердце человека начинают пробуждаться стремления, порожденные этими идеями, тогда появляется надежда на некоторое продвижение вперед в недалеком будущем. И первым значимым признаком такого прогресса должно стать развитие субъективной идеи жизни — идеи души, внутреннего существа, его сил, возможностей, роста, выражения и создания для него истинного, прекрасного и благоприятного окружения как единственной по-настоящему необходимой вещи. Должны появиться признаки, предвосхищающие наступление субъективистского века в мысли человечества и сфере социальной деятельности.

Эти идеи, скорее всего, сначала обнаружат свою тенденцию в философии, психологии, искусстве, поэзии, живописи, скульптуре, музыке, в формировании главной этической идеи,

в применении мыслителями принципов субъективизма к социальным вопросам, вероятно даже — хотя это и рискованная попытка — в сфере политики и экономики, этой чрезвычайно невосприимчивой к любым влияниям сфере чисто земных интересов, которая не признает никакого иного обращения, кроме как с позиций грубого утилитаризма. В науке или хотя бы в области научного исследования появятся новые неожиданные отклонения от обычного метода — поскольку новому методу поиска, даже самому плодотворному, ортодокс все равно отказывает в названии науки. Будут сделаны открытия, в результате которых станут тоньше перегородки между душой и материей; будут предприняты попытки расширить область применения точного знания и использовать его в сфере психологии и психики с пониманием той истины, что последние имеют свои собственные законы, отличные от физических, которые не теряют свою силу оттого, что не доступны восприятию внешних чувств, бесконечно гибки и трудноуловимы. Религия будет стремиться сбросить с себя бывшее бремя мертвой материи и исполниться новой силой, припав к источникам Духа. Все это верные признаки если не грядущего духовного преобразования, то по крайней мере его реальной возможности — попытки, которая, несомненно, будет предпринята, очередного усилия, которое, вероятно, будет сделано на основании более широкого знания и лучше подготовленного разума, способного не только чувствовать, но и понимать Истину, требующую, чтобы ей вняли. Некоторые из этих признаков мы видим уже в настоящее время, хотя они пока только лишь зарождаются, носят случайный характер и еще не дают оснований для твердой уверенности в будущем. Только когда первые неуверенные шаги приведут человека к тому, что он ищет, это открытие можно будет успешно применить в деле преобразования человеческой жизни. До тех пор нам не остается ничего лучшего, кроме как заниматься внутренней подготовкой к духовной трансформации, а во всем, что касается остального, проводить сомнительного рода радикальные или революционные эксперименты, так или иначе связанные с техникой и всепроникающей громоздкой автоматизацией, под тяжестью которых ныне томится и страдает жизнь.

Вероятно, век субъективизма закончится задолго до наступления духовного века; ибо поворот в сторону субъективизма является лишь первым условием перехода к духовной жизни, но не ею самой, не конечной целью развития. Вполне возможно, что поиски Реальности, истинного «я» человека, будут происходить в естественной последовательности, описанной в Упанишадах в глубокой притче о поисках Бригу, сына Варуны. Сначала ищущий приходит к открытию, что окончательная реальность есть Материя и физическое, а материальное существо, внешний человек есть единственное наше «я» и единственный наш дух. Затем он сосредоточивается на жизни как на Реальности и на витальном существе как на «я» и духе; при третьем подходе он постигает Разум и ментальное существо; и только потом он может выйти за пределы поверхностно субъективного через супраментальное Истину-Сознание к вечной, исполненной блаженства и неизменно творческой Реальности, для которой все вышеперечисленное является лишь оболочками. Но человечество может оказаться не столь упорным и гибким, как сын Варуны, и поиск может резко прерваться в любой точке. Только когда наступит момент, когда человеку предназначено совершить наконец свое открытие, Дух будет разрушать все несовершенные формулы сразу, как только они складываются, и побуждать человеческую мысль устремляться вперед, к более великому открытию, и в конце концов — к самому великому и светоносному из всех открытий. Нечто подобное происходило всегда, но лишь самым внешним образом и на поверхности. После того, как материальная формула, управлявшая жизнью на протяжении большей части девятнадцатого века, поставила человека в рабскую зависимость от засилья техники во внешней материальной жизни, самую сильную из всех, которые когда-либо ему приходилось терпеть, первая попытка вырваться на свободу, добраться до живой реальности вещей и уйти от механистической идеи жизни, существования и общества привела нас к тому поверхностному витализму, который уже начал управлять мыслью, прежде чем две эти формулы, неразрывно связанные друг с другом, зажгли страшный погребальный костер мировой войны и сгорели в нем. Витальный импульс не принес нам освобождения, но лишь

использовал уже созданное техническое оснащение жизни с более лихорадочным упорством в отчаянной попытке жить более стремительно, более напряженно, с неукротимым желанием действовать и преуспевать, увеличивать саму силу существования или накапливать колоссальную эффективность коллективной жизни. Иначе быть не могло, даже если бы этот витализм был менее поверхностным и внешним, более истинно субъективным. В том, чтобы жить, действовать, развиваться, увеличивать витальную силу, постигать, использовать и осуществлять интуитивный импульс жизни нет ничего плохого — наоборот, это замечательные стремления, если им правильно следовать и правильно их использовать, иными словами, если все они устремлены к чему-то, превосходящему простой витальный импульс, и подчинены тому внутреннему закону, который выше Жизни. Жизненная Сила является орудием, но не целью; на восходящей шкале планов сознания она является первым великим субъективным супрафизическим орудием Духа и основой всякого действия и усилия. Но Жизненная Сила, которая не видит ничего, кроме себя, и не может служить ничему, кроме своих собственных упорядоченных потребностей и импульсов, очень скоро уподобится силе пара, приводящей в движение локомотив без машиниста, или локомотив с такой мощной тягой, которая выходит из повиновения машиниста и подчиняет его себе. Она может лишь добавить к природным силам материального мира неконтролируемый импульс высоко вознесшегося или широко утвердившегося титанизма или даже низшего пылкого демонизма, используя интеллект в качестве слуги, — импульс не знающего меры неустанного созидания, присвоения, роста, который закончится созданием чего-то мощного, огромного и «колоссального», обреченного по самой своей природе рухнуть под собственной тяжестью и погибнуть, поскольку в нем нет ни света, ни истины души, ни благословения богов, ни их спокойной вечной воли и знания.

Однако за субъективизмом витального «я» открывается возможность ментального субъективизма, который, возникая на основе преобладающего витализма и опираясь на уже реализованную идею души как души-в-Жизни в действии, но корректируя эту идею, вначале может принять вид прагматизма высокого ментального уровня. Признаком наступления этой первой стадии является усиливающаяся тенденция полностью подчинить человека разуму и рационализировать его жизнь, управлять индивидуальным и коллективным существованием согласно упорядоченному научному плану, основанному на открытии человеком своего внутреннего мира и реалий жизни. Эта попытка обречена на провал, поскольку разум и рациональное начало не представляют собой всего человека или всю жизнь, ибо разум — это только посредник и толкователь, не он изначально обладает знанием, творит и управляет нашим существом или космическим существованием. Кроме того, разум способен лишь механизировать жизнь более разумным способом, чем в прошлом; а это, по-видимому, все, что современные интеллектуальные лидеры человечества могут предложить в качестве решения сложной проблемы, перед которой мы стоим. Но вполне возможно, что эта тенденция в будущем приведет к более великой концепции человека как ментального существа, души-в-разуме, которая должна развиваться в жизни и теле как индивида, так и коллектива, через деятельность вечно развивающегося ментального существования. Эта более великая концепция позволит осознать, что переход человеческой жизни на более высокий план произойдет не благодаря одной только материальной эффективности или сложной деятельности витальных и динамических сил человека, не путем одного только управления интеллектом энергиями физической Природы ради удовлетворения жизненных инстинктов, что может лишь увеличить интенсивность его нынешнего способа существования, — но благодаря возвышению его ментального и психического существа, раскрытию, приведению на сознательный уровень и организации его подсознательной природы и ее сил, вовлечению в деятельность более широкого ума и более великой жизни, ожидающих своего открытия внутри нас. Эта концепция позволит увидеть в жизни радость и силу знания, радость и силу красоты, радость и силу человеческой воли, управляющей не только физической, но и витальной и ментальной Природой. Она может раскрыть таинственные силы ума и силы жизни, какие прежде и во сне не снились, и использовать их

для более успешного освобождения человека от тесных оков его телесной жизни. Она может привести к тому, что возникнут новые тонкие связи между душами людей, мысль обретет более непосредственную способность реализовываться в действии, появятся внутренние средства преодоления пространств и расстояний, по сравнению с которыми даже последние чудесные достижения материальной Науки покажутся ничтожными. В массе своей человечество еще и не мечтает о подобном развитии, но уже появились некоторые едва заметные приметы и признаки, свидетельствующие о существовании такой возможности, а идеи, ведущие к ее осуществлению, уже зародились у великого множества людей, которые в этом отношении, вероятно, являются еще непризнанным авангардом человечества. Вполне возможно, нестройный хор голосов, звучащий в предрассветном сумраке современной эпохи, предвещает появление светила, которое прольет на землю подобный свет, но пока еще скрывается за горизонтом и ждет часа, когда сможет взойти во всем своем великолепии.

Такое направление развития человеческой мысли, стремлений, идей жизни если ему последует общественный ум — несомненно приведет к глубоким революционным преобразованиям во всех сферах человеческого существования. Оно сразу же приобретет новую окраску и атмосферу, проникнется более высоким духом, откроет более широкие горизонты и более великую цель. Сможет начаться стремительное развитие науки, которая даст человеку истинную, а не только случайную и поверхностную власть над силами физического мира и, вероятно, откроет двери в иные миры. Искусство и Красота смогут развиваться до таких высот, по сравнению с которыми все величие прошлого покажется чем-то незначительным, и спасти мир от удивительно бездушной власти утилитарного безобразия, даже сейчас удручающего человечество. Откроется возможность более тесного и свободного взаимодействия человеческих умов и, можно надеяться, более добрых взаимоотношений человеческих душ и жизней. В своем развитии человечество не остановится на этих достижениях, но сможет двигаться к более великим свершениям, по отношению к которым все вышеперечисленное является лишь началом. Этот ментальный и душевный субъективизм будет таить в себе свои опасности — даже более великие, чем опасности, сопряженные с витальным субъективизмом, поскольку его движущие силы тоже будут более великими — но он будет иметь то, чего не имеет и не может легко обрести витальный субъективизм: способность глубокого различения, надежную охрану и мощный освобождающий свет.

В трудном восхождении от Материи к Духу это, вероятно, является неизбежной стадией человеческого развития. Все усилия одухотворить человечество в прошлом заканчивались неудачей, главным образом потому, что они пытались одухотворить материального человека в ходе некоего стремительного чудесного преобразования, и хотя это возможно, такое чудо едва ли может быть долговечным, если оно перескакивает через целые стадии человеческой эволюции, оставляя промежуточные ступени восхождения не пройденными, а следовательно, не покоренными. Подобная попытка может увенчаться успехом в отдельных индивидах — как сказала бы индийская мысль, в тех, кто подготовился к духовному преобразованию в прошлом существовании, но неизбежно провалится в массах. Чудодейственная сила Духа ослабевает, когда выходит за пределы немногочисленной группы индивидов; новая религия (ибо в нее превращается чудо), будучи не в состоянии совершить духовную трансформацию внутренней силой, пытается спасти человека путем технического усовершенствования его жизни, вовлекается в механическое круговращение своих собственных орудий, утрачивает дух и быстро погибает или медленно приходит в упадок. Такой конец уготован всем попыткам витальной, интеллектуальной и ментальной, духовной силы обращаться с материальным человеком главным образом или единственно через его физический ум; она подавляется засильем техники, которую сама же создает, и становится рабой и жертвой машины. Таким образом наша материальная Природа, сама по себе механическая, мстит всем неистовым усилиям такого рода; она ждет времени, когда сможет подчинить их, вынуждая идти на уступки, своему собственному закону. Если человечеству суждено одухотвориться, сначала оно должно в массе своей перестать быть

материальным или витальным и стать психическим и по-настоящему ментальным существом. Может возникнуть вопрос, а возможен ли вообще такой массовый прогресс, такое превращение? Если нет, тогда одухотворение всего человечества в целом есть несбыточная мечта.

С этой точки зрения представляется замечательным и многообещающим, что развитие цивилизации в прошлом и настоящем осуществлялось по спирали вверх от достоверного физического знания через последовательное исследование все более и более высоких сил, являющихся посредниками между Материей и Духом. В современную эпоху человеческий интеллект сначала был вынужден исчерпать все возможности материализма, вступая во взаимодействие с жизнью и миром на основании Материи как единственной реальности, Материи как Вечного, Материи как Брахмана, аннам брахма. Затем он начал постепенно воспринимать существование как мощную пульсацию великой развивающейся Жизни, творца Материи, — концепцию, которая дала ему возможность взаимодействовать с нашим существованием на основании Жизни как первоначальной реальности, Жизни как великого Вечного, прано брахма. А ныне в нем зарождается и постепенно формируется третья концепция, состоящая в открытии великого самовыражающегося и самопознающего внутреннего Разума (отличного от нашего поверхностного ума) как главной силы существования, которая должна привести к плодотворной попытке использовать наши возможности и взаимодействовать с нашим образом жизни на основании Разума как первоначальной реальности, великого Вечного, мано брахма. Многообещающим признаком будет также быстрая последовательная смена этих концепций, с широким, но стремительным осуществлением возможностей на каждом уровне развития; это будет свидетельствовать о том, что наша подсознательная Природа готова к преобразованию и нам не нужно на века задерживаться на каждой из этих стадий.

Но все же субъективистский век человечества неизбежно будет сопряжен с многочисленными опасностями и непредвиденными обстоятельствами, которыми сопровождаются все великие перемены в истории нашей расы. Человечество долго может странствовать, прежде чем обретет себя, или же может вообще не обрести себя и отступить назад, чтобы снова пройти цикл развития. Истинный секрет трансформации будет открыт только в том случае, если на третьей стадии, в веке ментального субъективизма, прочно утвердится идея о том, что сам разум является не более чем вспомогательной силой деятельного Духа и Духа как великого Вечного, изначальной и (несмотря на многочисленные формы, в которых он проявляется и скрывается) единственной реальности, аиям атма брахма. Только тогда человечество предпримет настоящие, решительные усилия к восхождению, а всякое взаимодействие с жизнью и миром, их изучение и познание предстанет как самораскрытие и самовыражение Духа. Только тогда станет возможным наступление духовного века человечества.

Попытка более или менее исчерпывающего обсуждения, что в это будет значить (а в поверхностном обсуждении смысла нет), выходит за пределы настоящей работы; ибо нам пришлось бы исследовать знание редкое и пребывающее повсюду в не более чем зачаточном состоянии. Достаточно сказать, что духовное человеческое общество возьмет за отправную точку и постарается осознать три основные истины существования, которые Природа, похоже, всеми силами пытается скрыть за их противоположностями и которые поэтому для человечества в целом пока остаются лишь словами и мечтами: это Бог, свобода и единство. Эти три истины едины и неразделимы, поскольку вы не можете реализовать свободу и единство, пока не реализуете Бога, вы не можете обрести свободу и единство, пока вы не обладаете Богом, не обладаете одновременно своим высшим «Я» и «Я» всех созданий. Свобода и единство, которые принимают это имя при иных условиях, являются лишь нашими попытками уйти от сознания своего рабства и разделенности, от самих себя, закрывая глаза, продолжая вращаться вокруг своего собственного центра. Только когда человек обретет способность видеть Бога и обладать Им, он узнает подлинную свободу и придет к подлинному единству — и никак иначе. Бог только и ждет, чтобы Его познали, тогда

как человек ищет Его повсюду и создает образы Божественного, но на самом деле находит, успешно созидает и почитает лишь проекции своего собственного умственного эго и жизненного эго. Только когда человек перестает вращаться вокруг эго и прекращает свои поиски эго, он получает первую реальную возможность прийти к духовности в своей внутренней и внешней жизни. Этого еще недостаточно, но это станет началом восхождения, истинными вратами в царство духа, а не путем в никуда.

Одухотворенное общество будет жить, как и составляющие его духовные индивиды, не в эго, но в духе, не как коллективное эго, но как коллективная душа. Эта свобода от эгоистического взгляда на жизнь станет его главной и самой замечательной характерной чертой. Но эгоизм будет уничтожен не тем способом, каким это предполагается сделать сейчас, не через уговоры или принуждение индивида принести в жертву личную волю, личные стремления, драгоценную и с трудом добытую индивидуальность коллективной воле, стремлениям и эгоизму общества, заставляющего его, словно в древнем обряде жертвоприношения, заковать свою душу на алтаре этого огромного и бесформенного идола. Ибо это будет лишь принесением в жертву меньшего эгоизма большему — большему только количественно, который не обязательно будет иным, более широким или благородным, поскольку коллективный эгоизм, сумма эгоизмов всех индивидов, есть божок столь же мало достойный поклонения, идол столь же порочный, как и эгоизм индивида, а зачастую даже более безобразный и более варварский. Духовный человек с утратой эго стремится обрести то «я», которое едино во всех и совершенно и полно в каждом, и, живя в нем, развиваться по образу его совершенства (индивидуально, следует заметить, хотя и во всеобъемлющей универсальности человеческой природы и ее сознательных сил). В древних индийских писаниях говорится, что если во втором мировом периоде, веке Силы, Вишну нисходит на землю как Царь, в третьем — веке компромисса и равновесия — как законодатель, или творец системы, то в веке Истины он нисходит на землю как Яджня, иными словами, как Господин действий и жертвенности, проявленный в сердце своих творений. Именно это — Царство Божие внутри нас, обретение Бога не в далеких небесах, но внутри нас самих, внешне проявится в состоянии общества в веке Истины, духовном веке человечества.

Поэтому даже общество, только-только начавшее осуществление духовной трансформации, сделает раскрытие и обретение божественного «Я» в человеке высочайшей, даже подчиняющей себе все остальное целью всей своей деятельности, своего образования, знания, искусства, своей науки, этики, экономической и политической структуры. Подобно тому, как (довольно несовершенно) обстояло дело с воспитанием и образованием высших сословий в древние ведические времена, так теперь будет обстоять дело с образованием в целом. Оно включит в себя все знание, но главной своей тенденцией, целью и всепроникающим духом сделает не стремление к простой практической эффективности (хотя эта эффективность не будет упущена из виду), но именно саморазвитие, самопознание, а все остальное станет вспомогательными средствами. Оно будет следовать за наукой, изучающей физические и психические процессы, не просто для того, чтобы познать мир и Природу в их развитии и использовать эти знания для материальных человеческих нужд, но в гораздо большей мере для того, чтобы постичь за всеми вещами, внутри них, под ними и над ними Божественное в мире и пути Духа, скрытого за всем многообразием своих проявлений. Оно сделает целью этики не установление нормы поведения — не важно, дополняющей или корректирующей социальный закон, который в конце концов является всего лишь законом человеческого стада, стаи двуногих животных, законом зачастую негибким и невежественным, — но развитие в человеческом существе божественной природы. Оно сделает целью Искусства не просто представление образов субъективного и объективного мира, но постижение их глубоким и творческим видением, проникающим за поверхность вещей, и открытие Истины и Красоты, проявления которых, зримые и незримые, суть формы, маски, символы и исполненные значения образы.

В духовном обществе социология будет рассматривать всех индивидов — от святого до преступника — не как элементы социальной проблемы, которые следует пропустить через

некий хитроумный механизм и либо подогнать под установленную форму социальной жизни, либо выдавить прочь, но как души страдающие, запутавшиеся в сетях, которые должно освободить, души развивающиеся, которым должно помогать расти, души развившиеся, от которых могут получить помощь и силу менее развитые, еще незрелые души. Экономика будет стремиться не к тому, чтобы создать колоссальный механизм производства, неважно, основанного на конкуренции или кооперации, но к тому, чтобы дать людям — не только некоторым, но каждому в полную меру его возможностей — радость труда, характер которого каждый выбирает в согласии со своей природой, и свободный досуг для внутреннего роста, равно как и просто богатую и изобильную жизнь для всех. В политике общество не будет рассматривать нации — в плане их внутренней жизни — как огромные государственные машины, управляемые и вооруженные человеком, который живет ради этой машины, поклоняется ей как Богу и своему высшему «я», готов по первому требованию умерщвлять других на ее алтаре и сам согласен истечь кровью на этом жертвеннике, чтобы машина осталась неповрежденной и могущественной и постоянно разрасталась, усложнялась, становилась все более громоздкой и технически оснащенной, все более эффективной и совершенной. Но оно не согласится и сохранить эти нации, или Государства (в плане международных отношений), в виде смертоносных машин, назначение которых отравлять друг друга ядовитыми газами в мирное время, а в период конфликта бросать друга на друга вооруженные войска и невооруженные массы; машин, изрыгающих огонь и полных людей, готовых убивать, подобно военным истребителям или танкам на современном поле битвы. Оно будет рассматривать народы как групповые души, заключающие в себе Божественность, которая должна раскрыть себя в человеческих сообществах; групповые души, которым, как и индивиду, предназначено развиваться в согласии со своей собственной природой и этим развитием помогать друг другу, помогать всему человечеству в одном общем деле. А дело это заключается в обретении божественного «Я» в индивиду и коллективе и постижении на духовном, ментальном, витальном, материальном плане его величайших, широчайших и глубочайших возможностей во внутренней жизни, внешней деятельности и природе всех людей.

Ибо именно к Божественному, сокрытому внутри, должны восходить люди и все человечество; никакая внешняя идея или закон не должны навязываться им извне. Поэтому закон растущей внутренней свободы будет наиболее почитаемым законом в духовном веке человечества. Это правда: пока человек не обращается к самопознанию и не делает на этом пути первые шаги, он не может избавиться от закона внешнего принуждения и все его попытки избавиться от него неизбежно оказываются тщетными. Пока сохраняется такое положение дел, человек остается и всегда будет оставаться рабом других, рабом своей семьи, своей касты, своего клана, своей Церкви, своего общества, своего народа; он не может не быть их рабом, равно как и они не могут не оказывать на него своего грубого и механического давления, поскольку как он, так и они являются рабами своего собственного эго, своей собственной низшей природы. Мы должны почувствовать принуждение Духа и подчиниться ему, если хотим утвердить наше внутреннее право освободиться от любого другого принуждения: мы должны превратить нашу низшую природу в добровольного раба, сознательное и просвещенное орудие или облагороженную, но все же добровольно ставшую в подчинение часть, супругу или товарища божественного Существа в нас, ибо именно это подчинение является условием нашей свободы, поскольку духовная свобода есть не эгоистическое самоутверждение нашего обособленного ума и нашей обособленной жизни, но подчинение Божественной Истине, сокрытой в нас, во всех частях нашей природы и во всем, что нас окружает. При этом надо заметить, что Бог уважает свободу природных частей нашего существа и дает им пространство для развития в согласии с их собственной природой, чтобы они обретали Божественное в себе в процессе естественного роста, а не самоуничтожения. Совершенное и полное подчинение, к которому они в конечном счете придут, должно быть добровольным подчинением в результате признания своего собственного источника света и силы и устремления к своему высочайшему существованию.

Поэтому даже в необновленном духовно состоянии мы видим, что самый здоровый, самый истинный, самый живой рост и деятельность происходят в условиях наибольшей широчайшей свободы, а любое чрезмерное принуждение является законом либо постепенного замедления развития, либо тирании, которая видоизменяется или устраняется яростными вспышками недовольства, ведущими к хаосу. И как только человек начинает познавать свое духовное «я», благодаря этому открытию, а часто даже просто в процессе его поисков (что понимали древняя мысль и религия) он освобождается от внешнего закона и вступает царство, где правит закон свободы.

Духовный век человечества постигнет эту истину. Он не будет пытаться усовершенствовать человека с помощью внешних средств технического прогресса или удерживать его на пути истинном, связывая по рукам и ногам. Он не будет являть члену общества его высочайшее «я» в облике полицейского, чиновника и капрала, а равно, позволим себе заметить, в форме социалистической бюрократии или Советов Трудящихся. Целью духовного века будет как можно скорее и значительнее уменьшить необходимость внешнего принуждения в человеческой жизни, пробуждая силу внутреннего божественного принуждения духа, и все предварительные средства, которые он будет использовать, будут направлены на достижение этой же цели. В конце концов в духовном веке будет главным образом (если не исключительно) одно принуждение — духовное, которое даже духовный индивид может оказывать на окружающих, — насколько же сильнее будет воздействие духовного общества! — и которое вызовет в нас, несмотря на все наше внутреннее сопротивление и внешнее отрицание, принуждение Света, желание и силу восходить к Божественному путем развития своей природы. Ибо совершенно духовное общество будет таким, в котором — как мечтает духовный анархист — все люди обретут полную свободу, а это произойдет потому, что будет выполнено предварительное условие. В этом состоянии каждый человек не будет представлять собой отличный от других закон — это будет один закон, божественный Закон, ибо человек будет душой, живущей в Божественной Реальности, а не эго, живущим преимущественно, если не полностью, ради своих собственных интересов и целей. Его жизнью будет управлять закон его собственной божественной природы, освобожденной от эго.

Этотакже не означает, что деятельность всего человеческого общества раздробится на разобщенные действия отдельных индивидов; ибо третий элемент формулы Духа есть единство. Духовная жизнь есть высшее выражение не безликого, но сознательного и явленного во всем разнообразии форм единства. Каждый человек должен развиваться в Божественную Реальность, сокрытую в нем, через рост своей собственной индивидуальной природы, поэтому человеческому существу в процессе становления необходима определенная и все возрастающая мера свободы, совершенная же свобода будет признаком и условием совершенной жизни. Но при этом Божественное, которое он видит в себе, человек равным образом видит во всех других людях, прозревая один Дух во всех. Поэтому человеческому существу необходимо также чувство все возрастающего внутреннего единства со всеми людьми, а совершенное единство будет признаком и условием совершенной жизни. Не только прозревать и находить Божественное в себе, но прозревать и находить Божественное во всех, не только искать свое личное освобождение и совершенство, но искать освобождения и совершенства других людей — вот всеобъемлющий закон духовного человека. Если бы божественность, которую ищет человек, была индивидуальной и обособленной, а не единым Божественным, или если бы он искал Бога только для себя одного, тогда результатом поисков явился бы грандиозный эгоизм — олимпийский эгоизм Гете или титанический эгоизм, порожденный воображением Ницше, — а возможно, индивидуальное и обособленное знание, либо аскетизм обитателя башни из слоновой кости или столпника. Но человек, который видит Бога во всех, будет добровольно служить Богу во всех служением любви. Он будет, иными словами, искать не только своей собственной свободы, но и свободы всех людей, не только своего собственного совершенства, но и совершенства всех. Он будет сознавать совершенство своей индивидуальности только в

широчайшей универсальности, а полноту своей жизни сможет почувствовать только в единстве с универсальной жизнью. Он будет жить не для себя, не для Государства и не для общества, не для индивидуального или коллективного эго, но для чего-то гораздо более великого — для Бога в себе и Божественного в мире.

Условия наступления духовного века созреют тогда, когда люди в массе своей станут пробуждаться к осознанию этих истин и начнут — или почувствуют желание — двигаться под действием этого тройственного, или триединого Духа. Это будет означать конец несовершенного и многократно повторенного цикла социального развития, который мы рассматривали, и выход общества на новую линию развития, ведущую к цели. Ибо начав свое движение, согласно нашим предположениям, с символистического века-века, в котором человек ощущал за всей жизнью присутствие великой Реальности, которую он стремился постичь через символы, человечество придет к веку, в котором начнет жить в этой Реальности не через символ, не посредством типа, конвенции или индивидуального разума и разумной воли, но в своей собственной высочайшей природе, которая будет природой этой Реальности, осуществленной в условиях (необязательно аналогичных современным) земной жизни. Именно это интуитивно прозревали религии более или менее ясно, но чаще видели как будто отраженным в мутном зеркале и называли Царством Божиим на земле — Его внутренним царством, заключенным в духе людей, а следовательно, Его внешним царством в жизни народов, ибо последнее есть материальный результат успешного осуществления первого.

Глава XXIV. Приход и становление духовного века

Если конечным результатом и осуществлением субъективистского века, последней стадии социального цикла, должно стать появление духовного общества и восхождение человечества на более высокую ступень эволюции, недостаточно только того, чтобы определенные идеи, благоприятствующие подобному изменению человеческой жизни, завладели коллективным умом человечества, стали средоточием его самых обычных побуждений, мысли, искусства, этики, политических идеалов, социальной деятельности или даже глубоко проникли в сферу его сокровенных мыслей и чувств. Недостаточно даже того, чтобы идея Царства Божия на земле, господство духовности, свободы и единства, истинное внутреннее равенство и гармония — а не просто внешнее механическое уравнивание и объединение — стали безусловным идеалом жизни; недостаточно и того, чтобы человечество активно утверждало этот идеал как возможный и желанный, искало его и стремилось к нему; недостаточно даже того, чтобы он занял главное место в сфере интересов человеческого ума. Несомненно, все это явится значительным шагом вперед, а если принять во внимание уровень современных идеалов человечества — огромным шагом. Это будет неизбежной начальной стадией, формированием необходимой ментальной среды для активного преобразования человеческого общества вобществовысшего типа. Но само по себе это может означать не более чем нерешительную — или решительную, но приносящую лишь частичный или временный успех, — попытку воплотить частицу проявленного духа в человеческую жизнь и общественные институты. Это все, что пыталось сделать человечество в данном направлении в прошлом. Оно никогда не пыталось полностью воплотить в жизнь даже это малое, кроме как в пределах религиозной системы или отдельного сообщества, но и там допускало такие серьезные просчеты и устанавливало такие суровые ограничения, что сам эксперимент превращался в бесполезную затею, лишенную всякой связи с человеческой жизнью. Если мы не пойдем дальше простого утверждения идеала и признания его общего влияния на человеческую жизнь, этим малым ограничатся все будущие попытки человечества. Требуется большее; всеобщее духовное пробуждение и стремление, безусловно, являются необходимой могучей мотивирующей силой, но сила воплощения должна представлять собой нечто большее. Должно происходить динамическое преобразование индивидуальной человеческой природы в природу духовную.

Ибо в отношении идеала человечество довольствуется тем, что признает его целью стремлений, которые по большей части остаются только стремлениями, и принимает этот идеал лишь как частичное влияние. Ему не позволено формировать всю жизнь — он может лишь придавать ей тот или иной оттенок; часто даже идеал используют для прикрытия и оправдания вещей, диаметрально противоположных его истинному духу. Создаются общественные институты, которые по идее (не имеющей серьезного основания) должны воплощать этот дух, и факт простого наличия идеала, факт, что жизнь людей управляется этими институтами, считается достаточным. Наличие идеала становится почти оправданием того, что общество не живет в согласии с этим идеалом; существование социальных институтов считается достаточным, чтобы отказаться от необходимости настойчиво утверждать дух, породивший эти институты. Однако духовность по самой своей природе есть нечто субъективное, а не механическое; она утрачивает всякий смысл, если не переживается внутренне и если внешние формы существования не являются продолжением этой внутренней жизни. Одних символов, типов, конвенций и идей недостаточно. Духовный символ остается лишь бессмысленным ярлыком до тех пор, пока идея, выраженная в символе, не реализуется в духе. Духовная конвенция может утратить или изжить свой дух и превратиться в ложь. Духовный тип может стать временной формой, в которую вливается духовная жизнь, но при этом он ограничивает ее и может превратиться в тюрьму, в которой дух закосневает и гибнет. Духовная идея является силой, но только в том случае, когда она и внешне, и внутренне созидательна. Здесь мы должны расширить и углубить прагматический принцип, согласно которому истина есть то, что мы создаем; в этом смысле истина есть в первую очередь то, что мы создаем внутри себя самих, иными словами, то, чем мы становимся. Несомненно, духовная истина существует вечно вне нас и независимо от нас в высоких сферах духа; но она остается совершенно бесполезной для человечества, не становится земной истиной, истиной жизни, пока человек не переживает ее. Божественное совершенство всегда пребывает над нами; но для человека духовность означает божественное становление в сознании и действии и жизнь внешне и внутренне божественную; любое более узкое толкование этого слова есть беспомощный лепет или ложь.

А достичь этого, как признают субъективные религии, можно только через индивидуальное преобразование жизни каждого человека. Коллективная душа существует только как великий полуподсознательный источник индивидуального существования; если ей суждено обрести конкретную психологическую форму или воплотиться в новом типе коллективной жизни, то это возможно лишь через формирующее развитие составляющих общество индивидов. Какими будут дух и жизнь индивидов, из которых состоит общество, такими будут и дух коллектива, и истинная сила его жизни. Общество, которое живет не своими людьми, но своими институтами, является не коллективной душой, но машиной; его жизнь становится механистичной и заканчивает живое развитие. Поэтому приходу духовного века должно предшествовать появление все большего числа индивидов, которые уже не удовлетворяются обычным интеллектуальным, витальным и психическим существованием, но сознают, что истинная цель человечества заключается в более великой эволюции, пытаются осуществить ее в самих себе, вести к этому других и сделать ее общепризнанной целью человеческой расы. Соразмерно тому, насколько они преуспевают в этом и до какой степени осуществляют эту эволюцию в себе, еще не реализованные потенциальные силы, которые они представляют, будут превращаться в реальную возможность будущего.

В прошлом великие всплески духовности обычно приводили к появлению новой религии особого типа, которая пыталась навязать себя человечеству в качестве нового универсального закона. Однако это стремление закрепиться в жесткой форме всегда было не только преждевременным, но и неверным, и скорее мешало, нежели способствовало достижению каких-либо серьезных и значительных результатов. Безусловно, цель духовного века человечества совпадает с главной целью субъективных религий: это новое рождение,

новое сознание, восходящая эволюция человеческого существа, нисхождение духа во все части нашей природы, духовное преобразование нашей жизни; но если в движении к этой цели человечество ограничится использованием старого, привычного механизма и несовершенных средств религиозного движения, оно неизбежно потерпит очередную неудачу. Обычно религиозное движение порождает волну духовного возбуждения и стремления, которая захватывает большое число индивидов, в результате чего наступает временный духовный подъем и складывается эффективная организация — частью духовная, частью этическая, частью догматическая по своей природе. Но через одно-два поколения или, самое большее, несколько поколений эта волна идет на убыль; организация же остается. Если это было очень мощное движение, у истоков которого стояла сильная духовная личность, оно может оставить после себя глубокое влияние и внутреннюю дисциплину, вполне способные породить новые волны духовности; но они будут неуклонно терять силу и долговечность по мере удаления от своего источника. Ибо тем временем — чтобы сплотить верных приверженцев и в то же время отделить их от непреобразованного внешнего мира — религия формирует некую организацию, Церковь, иерархию, жесткий и не имеющий развития тип этической жизни, набор окаменелых догм, показных обрядов, санкционированных суеверий, детально разработанный механизм спасения человечества. В результате духовность все больше и больше подчиняется интеллектуальной вере, внешним формам поведения и пустому ритуалу, высшие мотивы подчиняются низшим, единственное существенно важное — средствам, орудиям и случайностям. На смену начальной стихийной и мощной попытке одухотворить всю жизнь приходит жесткая система веры и этики, затронутая духовным чувством; но под конец даже этот спасительный элемент подавляется внешней структурой, которая из прибежища духовности превращается в ее гробницу. Церковь занимает место духа, а формальное подчинение ее учению, ритуалам и порядку становится общим требованием; духовную жизнь ведут лишь единицы в жестких рамках своего вероучения и религиозного закона. Большинство же отказывается даже от этих ограниченных усилий и довольствуется тем, что замещает стремление к более духовной жизни тщательным или небрежным исполнением религиозных предписаний. В конце концов выясняется, что дух в религии иссяк, подобно тонкому ручейку, затерявшемуся в песках; в лучшем случае лишь короткие случайные наводнения этого высохшего русла конвенций все еще не дают религиозному духу превратиться в далекое воспоминание, запечатленное в мертвых главах Времени.

Претензия какого-то одного религиозного вероучения на универсальность и его самоутверждение в качестве высшего авторитета противоречат разносторонней человеческой природе и, по меньшей мере, одному существенному свойству Духа. Природа Духа есть широкая внутренняя свобода и всеобъемлющее единство, к которым может восходить каждый человек согласно собственной природе. К тому же (и это является еще одной причиной неизбежной неудачи) обычно эти догматические религии имеют тенденцию сосредоточиваться на загробной жизни и рассматривать преобразование земной жизни как дело второстепенное; эта тенденция усиливается по мере того, как все больше и больше слабеет первоначальная надежда на немедленное универсальное преобразование человечества. Поэтому, хотя приходу духовного века неизбежно будут предшествовать многочисленные новые духовные течения с присущими им сильными мотивами и дисциплиной, все же коллективный ум человечества и его духовных вождей должен придавать их амбициям второстепенное значение, памятуя, что все мотивы и дисциплины имеют свою ценность, но ни одна из них не обладает абсолютной и исключительной ценностью, поскольку все они являются средствами, а не той единственной вещью, которая подлежит осуществлению. Единственное, чему должно придаваться главенствующее значение, — это обращение всей жизни человеческого существа к водительству духа. Не восхождение человека на небеса после смерти является главным делом человека, но скорее его восхождение к Духу в земной жизни, а равно нисхождение Духа в его нормальную человеческую природу и преобразование этой земной природы. Именно в этом, а не в каком-

то посмертном спасении, заключается истинное возрождение, которого ждет человечество как высочайшего осуществления — завершения своего долгого, исполненного тьмы и страданий пути.

Поэтому в наибольшей мере приходу нового века человечества будут способствовать те индивиды, которые признают духовную эволюцию предназначением, а следовательно, насущной потребностью человеческого существа. Подобно тому, как человек животный в значительной степени был преобразован в человека ментального и на высшем уровне — высоко ментального, так и теперь или в будущем эволюция, или преобразование (не имеет большого значения, какой именно термин мы употребляем или какую теорию принимаем, чтобы обосновать свой выбор) современного человека в человека духовного является потребностью человечества и безусловно выражает замысел Природы; эта эволюция, или преобразование, будет идеалом людей и целью их стремлений. Люди не будут проводить особого различия между конкретными верованиями и формами, которые те принимают — каждый будет волен выбирать ту религию и церковь, к которым испытывает естественное влечение. Они будут придерживаться главного — веры в духовное преобразование и стремления воплотить его в жизнь, как и любого знания (внешняя форма, в которую оно выльется, не имеет большого значения), которое можно реализовать в духовном существовании. В частности, они не будут ошибочно полагать, будто такое изменение возможно осуществить путем внешнего технического оснащения жизни и создания общественных институтов; они будут знать и всегда помнить, что каждый человек должен внутренне пережить это преобразование, иначе оно никогда не станет реальностью для всего рода человеческого. Они поймут сердцем сокровенный смысл духовного видения Востока, согласно которому человек должен искать тайну своего предназначения и спасения внутри; но они примут также и то значение (хотя и видящееся им в новом свете), которое Запад справедливо придает жизни и максимальной реализации всех наших познаний и потенциальных достижений как основному правилу жизни. Они не станут превращать общество в темный фон для нескольких светоносных духовных личностей или в огороженное со всех сторон пространство земной жизни, предназначенное для произрастания сравнительно редких и бесплодных цветов аскетической духовности. Они отвергнут теорию, согласно которой большинство людей навсегда останется на низших уровнях жизни и лишь единицы поднимутся к высоким сферам свободы и света, но будут исходить из точки зрения великих духом людей, которые пытались преобразовать земную жизнь и сохранили веру в возможность подобного преобразования, несмотря на все предыдущие неудачи человечества. Любое великое и трудное начинание поначалу неизбежно сопряжено с многочисленными неудачами, но наступает время, когда человечество может извлечь пользу из горького опыта прошлого и открыть ворота, которые так долго не поддавались. В этом начинании, как и во всех великих человеческих стремлениях и усилиях, априорное утверждение о невозможности успеха есть признак невежества и слабости, а девизом человека, движимого стремлением и совершающего усилие, должно стать *solvitur ambulando* первооткрывателя. Ибо проблема разрешается только самым действием. Следует положить верное начало движению; все остальное — дело Времени, результат стремительных его свершений или долгого терпеливого труда.

Задача, стоящая перед человечеством, обширна, как человеческая жизнь, и потому для индивидов, прокладывающих путь, полем деятельности станет вся человеческая жизнь. Эти первопроходцы ничего не будут отвергать как чуждое, как лежащее вне сферы их интересов. Ибо все части человеческой жизни должны подвергнуться духовному преобразованию — не только интеллектуальная, эстетическая, этическая жизнь, но и динамическая, витальная, физическая; поэтому ни к каким элементам жизни или порожденным ими видам деятельности они не будут испытывать презрения или отвращения, но могут при этом настаивать на необходимости изменить их дух и преобразовать форму. В каждой силе нашей природы они будут искать присущие ей собственные средства перерождения; понимая, что Божественное сокрыто во всех частях нашего существа, они будут знать, что все эти части

дух может превратить в орудия своего самообнаружения и сделать их подчиненными себе средствами божественного существования. И они будут сознавать великую необходимость преобразования обычного ума в духовный, а затем открытия этого духовного ума его более высоким сферам в процессе все более и более всеохватывающего развития. Ибо прежде, чем станет возможным радикальное изменение, необходимо, чтобы склонный к заблуждениям интеллектуальный разум превратился в разум безошибочный и светоносно интуитивный, чтобы тот, в свою очередь, смог достичь высших планов глобального разума [overmind] и суперразума, или гнозиса. Неуверенная и заблуждающаяся ментальная воля должна возвыситься и стать уверенной интуитивной волей, а затем превратиться в высшую божественную и гностическую волю; душевная доброта — огонь и свет души, сокрытой за сердцем, хридайе гухайям — должна преобразовать наши примитивные эмоции, закоренелый эгоизм и необузданные страсти нашей витальной природы. Все прочие части нашего существа должны претерпеть такие же изменения под воздействием силы и света свыше. Лидеры духовного восхождения возьмут за исходные и станут использовать те знания и средства, которые человечество развило в ходе прошлых попыток, предпринятых в этом направлении, но не будут довольствоваться нынешним их состоянием, не подвергая необходимым глубоким изменениям, или ограничивать себя знанием сегодняшнего дня, или привязываться только к сформировавшимся шаблонным системам или к отдельным результатам — но будут следовать методу Духа в Природе. Постоянное новое открытие старых истин, их новая формулировка и создание на их основе более широкого синтеза разумом; мощное преобразование и придание новых форм более глубоким истинам — частям той великой развивающейся Истины, которая не была открыта или достаточно четко сформулирована в прошлом, — вот способ, которым Дух обращается с нашими прошлыми достижениями на его пути к новым великим завоеваниям будущего.

Такая попытка будет великой и трудной задачей даже для отдельного индивида, но гораздо сложнее для человечества в целом. Может случиться так, что, однажды начав движение, оно нескоро достигнет даже первой решающей стадии развития; возможно, понадобятся многие века напряженных усилий для того, чтобы начался некий необратимый процесс духовного возрождения. Но такое развитие вовсе не является неизбежным, поскольку закон подобных изменений в Природе, похоже, предполагает долгий период невидимой подготовки, за которым следует стремительная мобилизация всех сил и мгновенное преобразование элементов, молниеносное перерождение, трансформация, подобная чуду в момент своего светоносного осуществления. Даже когда осуществляются первые радикальные изменения, очевидно, не все человечество будет в состоянии подняться на этот уровень. Оно неизбежно разделится на тех, кто способен жить на духовном уровне, и тех, кто способен лишь жить в свете, нисходящем с духовного плана на ментальный. А еще ниже по-прежнему будут оставаться огромные массы людей, ощущающих влияние свыше, но еще не готовых взойти к свету. Но даже это будет означать трансформацию и начало восхождения, превышающие по своей значимости все предыдущие достижения человечества. Такая иерархия будет предполагать не эгоистическое превосходство более развитых людей над менее развитыми (как в нашем нынешнем витальном существовании), но водительство старших братьев и постоянные усилия к тому, чтобы поднять младших на более высокий духовный уровень и раскрыть перед ними более широкие горизонты. И для самих лидеров это восхождение на первые духовные планы не будет означать конец божественного странствия, высочайшее достижение, после которого в земной жизни уже не останется места для дальнейших свершений. Ибо в супраментальных сферах перед человеком откроются еще более высокие планы, и это было известно древним ведическим поэтам, когда они говорили о духовной жизни как о постоянном восхождении:

brahma_n.as tva_ s vatakrato
ud vam.s vam iva yemire;
yat sa_noh. sa_num a_ruhāt

bhu_ri aspasi kartvam,

Жрецы слова восходят по тебе, словно по лестнице, о стосильный! И покоря одну вершину за другой, ясно понимают, как много предстоит еще сделать.

Но когда заложена надежное основание, все прочее развивается в ходе постепенного самораскрытия, и душа уверенно идет назначенным ей путем. Опять-таки, как говорили древние ведические поэты:

Abhyavasthah pra jayante,
pra vavrer vavris v ciketa;
upasthe matur vi caste,

Одно состояние порождает другое; одна за другой оболочки просветляются знанием; в объятиях Матери прорезается душа.

Это по крайней мере высочайшая надежда, судьба, которая ожидает человека и открывается перед его взором, та возможность, к новому осуществлению которой, похоже, движется в своем развитии человеческий ум. Если зарождающийся ныне свет будет усиливаться, если число индивидов, стремящихся реализовать эту возможность в себе и в мире, будет увеличиваться и они все ближе будут подходить к истинному пути, тогда Дух, пребывающий в человеке, — ныне сокрытая божественность, развивающиеся свет и сила, низойдет более полно, как Аватар Божества — никогда до сих пор не являвшегося, о котором ныне у нас нет никакого представления, — в душу человечества и в великие личности, в которых сила и свет будут проявлены с особой мощью. Тогда произойдут изменения, которые подготовят выход человеческой жизни из современных ее границ к более широким и чистым горизонтам; земная эволюция получит могучий импульс к движению вверх и осуществит решающую стадию божественного восхождения, по сравнению с которой рождение мыслящего и устремленного ввысь человека из человека животного было лишь первым шагом, во тьме бессознания подготовившим величайшие свершения будущего.

Словарь некоторых терминов и имен

А

Аватар — Воплощение; божественное проявление; Ишвара или сам Господь, принимающий человеческое имя и форму в космической игре.

Айям атма брахма — это «Я» есть Брахман, Вечное (Мандукья Упанишада, 2).

Анабаптисты — последователи наиболее радикального направления ранней Реформации в Европе. Название (от греч. «анабаптизо» — вновь погружаю) означает «крещение вновь» и связано с практикой анабаптистов крестить в зрелом возрасте даже тех, кто был крещен в детстве. Подобно лютеранам и кальвинистам, анабаптисты придавали первостепенное значение личной вере в Бога, а не обрядовой стороне религии, и праву независимого личного суждения. Их отличительной чертой было ненасилие и противопоставление себя государственным церквям.

Ананда — блаженство, радость, духовный экстаз; сокровенный источник и основа существования; самосущее блаженство, являющееся самой природой трансцендентного и беспредельного существования.

Анархизм (от греч. «анархия» — безначалие, безвластие) общественно-политическое течение, провозглашающее своей целью освобождение личности от всех видов государственной, политической, экономической и духовной власти.

Андхам тамах — кромешная тьма (Иша Упанишада, стихи 9, 12).

Аннам брахма-Материя как Брахман, Вечное (Таиттирийя Упанишада, 3.2).

Антиномия (от греч. «анти» — против и «номос» — закон, противоречие закона самому себе) — сочетание обоюдно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование.

Арнольд Мэтью (1822–1888) — английский поэт и критик; его критика охватывала не только литературу, но и теологию, историю, искусство, науку и политику.

Артха — интерес; витальные интересы; материальные, экономические и другие цели и потребности ума и тела.

Асура (властитель) — в первоначальном ведическом смысле — синоним богов, лишь в нескольких гимнах это слово применялось к титанам; позже стало применяться только к титанам; демоническое существо, действующее на плане ментализированного витального.

Ашрама (обитель) — четыре последовательные стадии жизни, которые, согласно законоположениям древнего арийского общества (Законам Ману), должны были пройти члены трех высших варн. Первые три ступени: брахмачарья ученичество, грихастха — жизнь в миру в качестве семьянина-домохозяина, ванапрастха — жизнь в качестве отшельника. Четвертая стадия саньясина (отрешенного) или паривраджаки (странника-шалопа) была не обязательна.

Б

Басуто — племя, населявшее высокогорное плато в горах на востоке Южной Африки.

Бергсон Анри (1859–1941) — французский философ-интуитивист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 г.

Бисмарк Отто фон (1815–1898) — немецкий государственный деятель, основатель и первый канцлер Германской империи, выдающийся политик.

Брамин — представитель варны жрецов, высшего сословия в системе четырех сословий древней Индии.

Брахма — в индуистской мифологии высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов индуизма. В этой триаде Брахма как создатель вселенной противостоит Вишну, который ее охраняет, и Шиве, который ее разрушает.

Брахман — Реальность; Вечное; Абсолют; Всевышний; духовная, материальная и сознательная субстанция всех идей, сил и проявлений во вселенной, а также их источник, поддерживающая сила и обладатель, космический и супракосмический Дух.

Брахман — представитель варны жрецов, высшего сословия в системе четырех сословий (чатурварне) древней Индии.

Брахманы — прозаические комментарии к Ведам, объясняющие смысл Вед в отношении ритуальных жертвоприношений и символическое значение действий жрецов.

Будда, Гаутама Будда (ок. 563 — ок. 486 до н. э.) — основатель буддизма. Родился в королевской семье кшатриев, его имя было Сиддхартха. В возрасте 29 лет отрекся от семьи и дома. После реализации Истины под деревом Бо стал известен как Будда — «просветленный». Термин «Будда» применяется также к изображению Будды в искусстве и литературе.

Буддхи — разумная воля; способность различения, присущая разуму; и интеллект, и воля одновременно.

Бхагавадгита (Гита) — «Божественная Песнь», эпизод индийского эпоса «Махабхарата» — беседа Шри Кришны и Арджуны, в которой воплощенный Бог раскрывает Арджуне «Великую Тайну» мироздания и описывает различные йоги как пути ее достижения. Гита считается священной книгой индуизма и представляет собой великий синтез индийской мысли.

Бхакти — любовь к Божественному, преданность Божественному.

В

Вайшнавы — поклоняющиеся Вишну — как правило, его воплощениям Раме или Кришне. Вайшнавизм — одна из главных форм индуизма; его отличительная черта — первостепенная роль бхакти (любви и сердечной преданности божеству).

Вайшья — представитель третьей касты в системе четырех сословий древней Индии: земледelec, торговец.

Ванапрастха ашрама — третья стадия жизни членов трех высших каст: жизнь в качестве отшельника (см. ашрама). Отшельникам, проживавшим в лесу, не возбранялось жить вместе, образовывать нечто вроде общин или скитов. Им позволялось брать в лес жен или жену (с их согласия).

Варуна — одно из древнейших ведийских божеств, Владыка Безбрежности, символизирующий чистоту и безграничность Истины. Основная черта Варуны-связь с космическими водами во всем их многообразии.

Веданта («конец, или кульминация Вед») — высочайшее знание и свершение, изложенное в соответствии с внутренними постижениями великих риши в более современном (по сравнению с Ведами) стиле и более современным языком. Веданта — одна из шести даршан (или систем ортодоксальной индийской философии); в ее основу положены философские трактаты, называемые Упанишадами.

Веды — самые древние священные книги Индии; возможно, древнейшие в мире. На них основывается вся индуистская религия. Веды, написанные на древнем санскрите, называют откровением Брахмы; считается, что гимны Вед были «услышаны» древними риши, а затем передавались устно из поколения в поколение. Известны четыре Веды: Риг-Веда, Яджур-Веда, Сама-Веда и Атхарва-Веда. Первой и главной, наиболее авторитетной Ведой считается Риг-Веда.

Вильгельм II, кайзер Фридрих Вильгельм Виктор Альберт (1859–1941) последний германский император и король Пруссии (1888–1918); считался главным подстрекателем первой мировой войны. После поражения в войне отрекся от престола.

Вьясти — индивидуальное; обособленное существование.

Г

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, создатель грандиозной философской системы, в которой обобщились достижения буквально всех областей жизни, в том числе этики, эстетики, истории и религии. Взгляды Гегеля оказали влияние на развитие экзистенциализма, марксизма, позитивизма и аналитической философии.

Гна — женский божественный принцип во вселенной.

Гереро — один из народов Намибии (около 60 тыс. человек в 1974 г.). С 1884 по 1920 гг. находились под германским колониальным владычеством.

Гнозис — по определению Шри Ауробиндо, Высочайший Интеллект, обладающий абсолютным и всеобъемлющим сознанием- вот что мы называем Супраментальным, или Гнозисом (19: 1017).

Голиаф — библейский персонаж, гигантский филистимлянин, бросивший вызов израильтянам. Юный Давид, укрепленный верой, принял вызов и убил Голиафа камнем из пращи.

Готы — германские племена, захватившие в IV–V вв. всю территорию Западной Римской империи и основавшие варварские королевства (в Британии, Галлии, Юго-Западной Германии, Испании и Италии).

Гуна — свойство, качество; три гуны — три начала природы, три основные нити, из которых сплетается ткань природы (Пракрити): саттва, раджас, тамас. Саттва — «ясность», «уравновешенность», «гармония» — высшая из гун, проявляющая себя в просветленности, равновесии, покое, довольстве. Раджас «страстность», «влечение», «стремление» — вторая

из гун, проявляющая себя в действии, страсти, борьбе, импульсивности, одержимости действием. Тамас «темнота», «инерция» — гуна, проявляющая себя в омраченности, тупости, лени, неведении, инерции, бездействии.

Гунны — кочевой народ, сложившийся в Приуралье из тюркоязычных хунну, угров и сарматов. В IV–V вв. опустошали Европу, в V в. начали совершать набеги на Индию. Позднее часть побежденных гуннов осела в Индии.

Д

Деизм (от лат. deus — бог) — религиозно-философская доктрина, которая признает Бога как мировой разум, сконструировавший «машину» природы и давший ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение природы и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума.

Джайны — последователи джайнизма, религии, основанной в VI в. до н. э. Джайнизм принимает концепцию кармы и перерождения, но отвергает авторитет Вед, кастовую систему и практику жертвоприношения животных. Одной из самых важных для джайнов считается практика ахимсы — непричинение зла живым существам.

Джняна — знание, мудрость; высочайшее самопознание; важнейший аспект подлинного всеобъемлющего знания, прямое духовное видение высочайшего Существа.

Дришти — видение; внутреннее видение; духовное видение.

Дхарма — букв. «основа», «опора», закон во всех его аспектах, правда, праведность; правила жизни, обязанности, ритуал; общее понятие, присущее индийцам, о религиозных, социальных и моральных правилах; этические нормы и законы, регулирующие индивидуальную и социальную жизнь человека.

И

Изида — в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности, семейной верности, богиня мореплавания. Культ Изиды пользовался широкой популярностью в Египте и далеко за его пределами, особенно со времени эллинизма.

Иша Упанишада — название (по первому слову, с которого начинается первый стих) одной из Упанишад; состоящая всего из 18 стихов, она считается самой важной.

Й

Йога — союз, связь, единение; соединение души с бессмертным бытием, сознанием и блаженством Божественного; методичная работа по самосовершенствованию путем развития потенциальных возможностей, скрытых в человеке, и слияние индивидуального человеческого существования с существованием универсальным и трансцендентным.

Йогин — практикующий йогу.

К

Кали — грозная Ипостась Божественной Матери; богиня, дающая рождение всему и уничтожающая все.

Калиюга — последняя из юг (мировых периодов); Железный Век, эпоха разрушения.

Кальвинизм — одно из главных направлений протестантизма, основанное Жаном Кальвином (1509–1564), религиозным деятелем ранней Реформации в Швейцарии.

Кальвинистское пуританство — вариант кальвинизма, возникший в рамках Англиканской церкви во второй половине XVI в. Центральным переживанием пуританской духовности является обращение. Духовная жизнь пуритан делает упор на самодисциплине и

интро-спекции.

Кама — желание и наслаждение; удовлетворение желаний.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий ученый и философ, родоначальник немецкой классической философии.

Карма — деятельность, работа; глобальный закон причинно-следственной связи, согласно которому действия индивидуума (или общества) влекут за собой последствия как в этом, так и в последующих воплощениях и определяют его будущие условия жизни. Карма-йога — один из видов йоги, путь достижения Божественного посредством действий, выполняющихся по воле Бога без привязанности к их результату.

Категорический императив Канта — термин, введенный Кантом в «Критике практического разума» (1788), выражающий закон безусловного и всеобщего должностования: «Поступай лишь согласно той максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», другими словами, «поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобой как цель и никогда только как средство».

Квиетизм (лат.) — безучастное, пассивное отношение к окружающей жизни, непротивление.

Конгрегационалисты — приверженцы конгрегационализма (сепаратизма) в церковном устройстве Англии. Настаивали на полной свободе вероисповедания и организационной автономии каждой конгрегации. Наибольшее влияние приобрели в период провозглашения в Англии республики (1649–1660 гг.) при О.Кромвеле.

Константина эпоха получила название «эпохи», так как открывает новую страницу в истории человечества: при римском императоре Константине I Великом (ок. 285–337) была признана христианская церковь и сделаны первые попытки превратить христианство в государственную религию.

Кула — семья, род, племя, клан.

Куладхарма — социальный и религиозный закон кула; семейная и общественная традиция.

Кшатрия («воинственный», «воин») — представитель второго сословия, кшатриев — касты воинов и правителей.

Ksatriyah tyaktajivitaḥ — кшатрии, которые отказались от своей жизни.

Л

Лампрехт Карл Готфрид (1856–1915) — немецкий историк, один из первых ученых, развивавших систематическую теорию о социально-психологических факторах в истории.

Лига Наций — предшественница Организации Объединенных Наций. Ее целью было поддержание мира, разрешение межнациональных споров и содействие международному сотрудничеству. Лига Наций возникла после первой мировой войны по инициативе победивших Союзных сил.

Локасанграха — поддержание целостности человечества в ходе его циклической эволюции.

М

Мадзини Джузеппе (1805–1872) — итальянский патриот и революционер, политический деятель и писатель, выдающаяся фигура Рисорджименто (конец XVIII в. — 1870) — периода национального объединения Италии.

Майявада — доктрина, согласно которой весь мир — это майя, иллюзия; майявадин — человек, проповедующий майяваду.

Мано брахма — Разум как Брахман, Вечное (Таиттирия Упанишада, 3.3).

Маномая пуруша — ментальное существо.

Ману — мыслитель, ментальное существо. В индуистской мифологии первый из Праджапати («рожденных разумом» детей Брахмы), прародитель человечества.

Митра — божество, воплотившее идею верности и закона, культ которого получил широкое распространение в Древнем Иране среди воинов, а затем и во всей Римской империи.

Млечча (от санскр. mleccha) — чужеземцы (т. е. неарийцы) в древней Индии. Это слово использовалось арийцами примерно в том же смысле, что и древними греками слово «варвары» — первоначально обозначая грубую и непонятную речь пришельцев, а позже — варварские привычки и характер.

Моисей (XIV–XIII в. до н. э.) — в иудаизме и христианстве автор Второзакония, первый пророк Ягве, законодатель, религиозный наставник и политический вождь еврейского народа.

Мокша — освобождение.

Мукти — освобождение.

Н

Ниграха — подавление через насилие.

Ницше Фридрих (1844–1900) — немецкий философ и критик культуры, оказавший могучее влияние на европейскую философию и литературу.

Нри — мужской божественный принцип во вселенной.

О

Один — верховный бог скандинавской мифологии. Покровитель поэзии, но прежде всего бог войны. Считался владыкой погибших героев. У древних германцев ему соответствовал Вотан (Водан).

ОМ, АУМ — священное слово, символизирующее Абсолют, Брахмана. О мистическом значении этого слова много говорится в Упанишадах.

П

Пандит (от слова «пандитья» — не более чем научное знание; ученость, эрудиция) — ученый.

Перикл (ок. 490–429 до н. э.) — афинский стратег (главнокомандующий), вождь демократической группировки.

Пракроти — Природа; созидательная Энергия; Душа-в-Природе.

Прайя — завершение мирового цикла — конец света; уничтожение мира, возвращение в состояние небытия.

Прано брахма — Жизнь как Брахман, Вечное (Таиттирия Упанишада, 3.3).

Протестантизм — одно из основных направлений в христианстве наряду с католицизмом и православием. Изначально, в XVI в. протестантизм был движением за реформацию западной христианской церкви; в результате реформированные церкви отделились от римской католической церкви. Целью, которую провозглашали реформаторы, было восстановление подлинной христианской веры с сохранением всего ценного, что было развито в римской католической традиции. Четыре основные протестантские традиции, возникшие в период Реформации (лютеране, кальвинисты, анабаптисты и англикане), несмотря на значительные отличия в доктрине и практике, сходятся в том, что отрицают авторитет папы и подчеркивают авторитет Библии и важность индивидуальной веры.

Психическое — имеет у Шри Ауробиндо значение, отличное от принятого в европейской психологии и философии; оно относится непосредственно к душе: Обычно психическими называют все внутренние переживания, всякий психологический опыт,

выходящий за пределы нормального. Я же использую слово «психическое» по отношению к ДУШЕ в отличие от РАЗУМА и ВИТАЛЬНОГО. В этом смысле все проявления и переживания души можно назвать психическими, т. е. возникающими из ПСИХИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА или отмеченными его прикосновением; когда же преобладают разум и витальное, опыт [переживание] будет называться психологическим (поверхностным или оккультным). Шри Ауробиндо (22: 75).

Психическое существо — согласно опыту Шри Ауробиндо, психическое существо есть ДУША, развивающаяся в процессе эволюции (22: 301). Психическое существо находится за сердцем, поддерживая работу РАЗУМА, ЖИЗНИ и ТЕЛА (24: 1092). Психическое существо — это главным образом душа индивида, развивающаяся в процессе проявления индивидуальную Пракрити и принимающая участие в эволюции. Это искра Божественного Огня, растущая как психическое существо за разумом, витальным и физическим до тех пор, пока оно не сможет преобразовать Пракрити неведения в Пракрити знания (22: 301).

Пураны («былина», «быль») — в индуистской священной литературе популярное энциклопедическое собрание мифов, древних сказаний и легенд.

Пуруша — Сознание-Душа; Дух вообще, абсолютный субъект, созерцающий и поддерживающий игру Пракрити.

Пурушасукта — гимн Риг-Веды, в котором впервые упомянуты четыре варны.

Р

Ракшаса — гигант; сила тьмы; демоническое существо, действующее на плане среднего витального.

Риг-Веда — см. Веды.

Риши — мудрец; провидец; учитель; видящий истину; видящий истинный закон вещей внутренним видением; человек духа, способный направлять жизнь людей по пути ее совершенствования.

С

Самасти — коллективное (см. вьясти).

Саньяса («отказ») — полное отречение; отречение от жизни и действия.

Саньяса ашрама — четвертая стадия жизни (см. ашрама). Саньясин порывает со всем: с социальным строем, с верованиями, для него не существует ни варн, ни обрядов, ни ограничений; он сам для себя совершает посмертные обряды.

Саньясин — тот, кто практикует саньясу, аскет.

Сарвабхавена — во всех сферах его существа, всем своим существом (Гита, 15.19).

Сарвам брахма — Брахман, который есть Все.

Sarvatha vartamano'pi sa yogi mayi vartate — как бы ни жил и ни действовал этот йогин, во всякой своей деятельности он живет и действует во Мне [в Кришне, в Божественном] (Гита, 6.31).

Саттвический тип — см. гуны.

Сатья Юга — первая из четырех юг (мировых периодов) — Век Истины, Золотой Век.

Свабхава — собственная природа, суть, духовная природа; изначальная форма становления.

Свадеш («отечественный») — движение протеста в колониальной Индии с конца XIX в. за развитие национальной промышленности и бойкот английских товаров.

Свадхарма — собственный закон действия; внутренне присущий закон.

Сварупа — собственная, внутренне присущая форма; истинная или сущностная форма.

Сикхи — последователи сикхизма, несектантской монотеистической религии,

основанной Гуру Нанак в конце XV в., в большинстве своем выходцы из штата Пенджаб на северо-западе Индии. Девятый и последний гуру сикхов, Гуру Говинд Сингх, преобразовал мирную сикхскую общину в милитаристскую организацию для оказания сопротивления агрессии мусульман.

Синдикализм — течение в рабочем движении, находившееся под влиянием анархизма и получившее наибольшее развитие в начале XX в. Высшей формой организации рабочего движения считает профсоюзы (по-французски «синдикаты», отсюда — синдикализм).

Смрити — «предания», традиции или созданные людьми законы (в отличие от Шрути — законов, в основе которых лежит откровение).

Софокл (ок. 491–406 до н. э.) — один из трех великих драматургов Древней Греции. Написал 120 драм, из которых целиком дошли только семь. Сравнивая себя с современниками, Софокл говорил, что Эсхил писал правильно, не зная об этом, Еврипид изображал людей такими, какие они есть, он же представил их, какими они должны быть.

Социниане — представители рационалистического направления в польской Реформации (конец XVI — начало XVII в.), получившие название по имени одного из его основателей Ф. Социна (1539–1604), итальянца, переселившегося в 1579 г. в Польшу. Социниане предлагали рациональное толкование Писания и считали Иисуса не Богом, а человеком, наделенным божественными свойствами; они отрицали догмат Троицы. Одним из основных положений социниан было то, что душа умирает с телом, но души тех, кто выполнял заповеди Христа, подлежат воскресению. Социниане выступали за отделение церкви от государства.

Стефенсон Джордж (1781–1848) — английский изобретатель, положивший начало паровому железнодорожному транспорту.

Т

Тагор Рабиндранат (1861–1941) — один из величайших индийских поэтов нового времени, лауреат Нобелевской премии по литературе 1913 г.

Тантрический шактизм : шактизм-наряду с шиваизмом и вишнуизмом — одна из трех основных форм современного индуизма. Его последователи поклоняются верховной богине, Шакти («сила», «энергия»). Тантра — синтетическая йогическая система, которая ориентируется на великую динамическую силу, энергию Природы. В отличие от ведантических методов йоги, в которых Господином йоги является Пуруша, Сознательная Душа, в тантре это Пракрити Душа-в-Природе, Энергия, Воля, действующая во вселенной. Методом тантры является возвышение человеческой природы в проявленную силу духа.

Тапасья — усилие; энергизм; воспитание личной воли; аскеза; сила аскезы. Концентрация воли и энергии для управления разумом, витальным и физическим с целью их трансформации или низведения высшего сознания, или любой другой возвышенной или йогической цели.

Трейчке Генрих фон (1834–1896) — немецкий историк и политолог; его пропаганда силовой политики оказала большое влияние на настроения в Германии и содействовала недоверию по отношению к Германии за границей.

У

Уитмен Уолт (1819–1892) — американский поэт и прозаик; его поэтическое произведение «Листья травы» (1855) было столь необычным по форме и содержанию, что снискало ему славу революционера в американской литературе.

Упанишады — философские трактаты, изложенные согласно постижениям великих риши и исследующие главным образом вопрос о природе Реальности. Учение, основанное на Упанишадах, называется Ведантой. Из более чем двухсот Упанишад двенадцать считаются главными.

Ф

Фидий (ок. 500 — ок. 432 г. до н. э.) — скульптор, один из величайших ваятелей Древней Греции эпохи высокой классики.

Х

Хридайе гухайям — в мистическом сердце, в тайной пещере сердца.

Ч

Чатурварна — система четырех варн (сословий) в древнеиндийском обществе.

Ш

Шанкара, Шанкарачарья (кон. VIII — нач. IX вв.) — один из самых авторитетных индийских философов, создатель школы строгого монизма Адвайты.

Шастра — любое приведенное в систему знание или учение, в том числе наука; нравственный кодекс, свод правил общественного поведения; правильные деяния, правильный образ жизни; в йоге — знание истин, принципов, основных сил и процессов, лежащих в основе йогической реализации.

Шастракара — автор Шастры.

Шиваиты — поклоняющиеся богу Шиве как верховному божеству. Два других божества брахманической триады — Брахма и Вишну считаются второстепенными или просто аспектами Шивы.

Шраддха — вера, воля к вере.

Шрути («услышанное») — слушание, откровение; Писания, основанные на откровении.

Шудра — представитель четвертой касты, слуга.

Я

Яджня — Владыка жертвоприношения.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

